

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО •

1994

• ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения и балканистики

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

1994

ЯНВАРЬ •

ФЕВРАЛЬ •

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Содержание

СТАТЬИ

<i>Гибнианский Л. Я.</i> Донесения югославского посла в Москве об оценках руководством СССР Потсдамской конференции и положения в Восточной Европе (август — ноябрь 1945 г.)	3
<i>Малиева Э.</i> «Доктор Живаго» Пастернака: к проблеме перевода	14
<i>Илюшин А. А.</i> Минус-прием в версификации (к проблеме «стиховычитания»)	21
<i>Крысько В. Б.</i> Категория одушевленности в древненовгородском диалекте (продолжение)	31
<i>Митринович В.</i> Функционирование глаголов движения с приставками до- и при- в русском языке в сопоставлении с эквивалентными приставочными глаголами в польском и сербо-хорватском языках	41
<i>Изотов А. И.</i> Система полных причастных форм современного чешского литературного языка в сопоставлении с русским	50

СООБЩЕНИЯ

<i>Дзиффер Дж.</i> Новые данные о традиции и тексте пространного Жития Константина	60
<i>Дьяков В. А.</i> «Княжна Тараканова». По полузабытым архивным источникам	67
<i>Гусев В. Е.</i> Наследие Оскара Кольберга в оценке современной науки	76
<i>Бернштейн С. Б.</i> Из моего болгарского архива	80

МАТЕРИАЛЫ К УЧЕБНИКУ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

<i>Седакова О. А.</i> Церковнославянско-русские паронимы (продолжение)	83
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Мельников Г. П.</i> Гуситское движение в освещении современников. Источники и материалы для практических занятий	104
<i>Фрейденберг М. М.</i> Džambo. Die Franziskaner im mittelalterlichen Bosnien	105
<i>Мороз А. Б. О. О.</i> Мікітенко. Сербські голосіння. Поетичний та історико-географічний аналіз	107
<i>Василько В. Н. J.</i> Świdziński. Adam Mickiewicz w opiniach rosyjskich i radzieckich	110
<i>Богомолова Н. А., Усачева В. В. Л. А.</i> Софронова. Польская романтическая драма. Мицкевич. Красиньский. Словацкий	112
<i>Шиндиц С. Г. Н.</i> Гумилев и русский Парнас. (Материалы научной конференции 17—19 сентября 1991 г.)	115
<i>Фридман М. В.</i> Функции литературных связей. На материале славянских и балканских литератур	118
<i>Латыш М. В. Н. В.</i> Коровицына. Агэнія соцмодернізацыі. Судьба двух поколений двух европейских наций	122

Путилов Б. Н. Виктор Евгеньевич Гусев	124
Книжная полка слависта	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. И. РОГОВ (главный редактор), **Г. К. ВЕНЕДИКТОВ**, **В. К. ВОЛКОВ**, **Р. П. ГРИШИНА**,
А. А. ГУГНИН, **В. А. ДЬЯКОВ**, **М. С. КАШУБА**, **В. И. КОСИК**, **Г. Ф. МАТВЕЕВ**,
Г. П. МЕЛЬНИКОВ, **В. В. МОЧАЛОЗА**, **С. В. НИКОЛЬСКИЙ**, **Ю. С. НОВОПАШИН**, **В. Я. ПЕТРУ-**
ХИН, **М. А. РОБИНСОН**, **Л. А. СОФРОНОВА** (зам. главного редактора), **Б. Н. ФЛОРЯ**,
Т. В. ЦИВЬЯН (зам. главного редактора), **М. А. ВАСИЛЬЕВ** (отв. секретарь)

Зав. редакцией *И. И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л. А., Веслова И. Ю.,
 Кошкина Е. А., Мочалова В. В., Осипова М. А.*

Рукописи представляются в редакцию в двух экземплярах объемом: статьи — не более одного авторского листа (24 стр. машинописного текста через 2 интервала); сообщения — до 16 стр.; рецензии, заметки о научной жизни и т. п. — до 6—7 стр. машинописи. Рукописи, оформленные без учета принятых в журнале требований, к рассмотрению не принимаются; р; копии не рецензируются. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

© 1994 г. ГИБИАНСКИЙ Л. Я.

ДОНЕСЕНИЯ ЮГОСЛАВСКОГО ПОСЛА В МОСКВЕ ОБ ОЦЕНКАХ РУКОВОДСТВОМ СССР ПОТСДАМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ И ПОЛОЖЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (август — ноябрь 1945 г.)

Многолетняя закрытость основных советских архивных фондов делала недоступными для историков те документы советского руководства, которые предназначались не для публичных пропагандистских деклараций, а отражали внутренние, рабочие оценки текущих событий. Только теперь по мере открытия архивов такие документы постепенно становятся достоянием исследователей. Частично подобные материалы содержатся, однако, не только в отечественных архивохранилищах, но и в архивах других бывших социалистических стран. Ибо в ряде случаев Москва считала необходимым с определенной степенью доверительности информировать руководителей коммунистических режимов о своих оценках либо действиях по тем или иным вопросам. В частности, в Архиве Йосипа Броза Тито в Белграде хранятся донесения, присланные коммунистическому руководителю Югославии летом — осенью 1945 г. югославским послом в Москве В. Поповичем, которому В. М. Молотов, А. Я. Вышинский и другие руководящие работники НКВД СССР, а также заместитель заведующего отделом международной информации ЦК ВКП(б) Л. С. Баранов излагали для сведения югославского руководства советскую точку зрения на происходившие в тот момент события, на положение в мире после завершения второй мировой войны.

Югославия, где коммунистический режим возник раньше, чем в других странах Восточной Европы, и в отличие от большинства из них не был навязан советским военным присутствием, а вырос на собственной основе, являлась тогда наиболее близким союзником СССР среди восточноевропейских «народных демократий». И это дает основание полагать, что информация, доверительно сообщавшаяся советской стороной через Поповича, довольно адекватно отражала действительные оценки, которые складывались у руководства СССР по поводу тогдашнего положения. К такому выводу приводит и анализ содержания указанной информации, ее сопоставление с происходившими в то время событиями и практической советской политикой.

Один из обширных отчетов подобного рода, присланных Поповичем Тито, целиком посвящен оценке руководством СССР итогов Потсдамской конференции. Он содержит подробное изложение беседы, которую Молотов и Вышинский специально провели на эту тему с югославским послом [1. I—3—Б/602]. Дата беседы не указана, но письмом с отчетом датировано 8 августа 1945 г., стало быть, беседа состоялась по крайней мере не позже этого дня. А из одного упоминания, содержащегося в отчете, можно заключить, что она была, по всей видимости, двумя днями раньше¹. Это означает, что руководство СССР сочло необходимым проинформировать своего ближайшего союзника почти сразу же после возвращения советской делегации из Потсдама: Сталин и Молотов прибыли в Москву 5 августа [2. С. 358]. Такая оперативность свидетельствует, несомненно, о высокой степени расположения советских верхов к югославскому коммунистическому режиму, о том большом значении, какое они тогда придавали тесным отношениям с ним.

Знакомя Поповича с происходившим на Потсдамской конференции и советской оценкой ее результатов, Молотов и Вышинский изложили ему, естественно, прежде всего то, что касалось обсуждения в Потсдаме югославского вопроса. Секретную информацию на эту тему советская сторона направляла югославам и до того, непосредственно во время конференции, проходившей за закрытыми дверями². В белградском архиве Тито имеются присылавшиеся югославскому руководителю сообщения на русском языке с изложением хода обсуждения югославского вопроса в Потсдаме [1. I—3—Б/613].

Как известно, на Потсдамской конференции британская сторона обвинила югославский режим в невыполнении заключенного осенью 1944 г. соглашения между Тито и эмигрантским премьером И. Шубашичем, которое СССР, Великобритания и США на Крымской конференции рекомендовали ввести в действие и на основе которого в марте 1945 г. было образовано объединенное югославское правительство, признанное всеми союзниками. Вопреки надеждам Лондона образование этого правительства, возглавленного Тито, не дало включенным в него эмигрантским представителям никакого реального доступа к власти, по-прежнему практически сосредоточенной в руках Компартии. Сталин в Потсдаме на заседании 19 июля решительно возразил против британских обвинений в адрес Тито, но согласился на обсуждение этой темы при условии участия представителей югославского правительства. Однако Г. Трумэн выступил против такого участия, и югославский вопрос был отложен. А когда к концу конференции, 30—31 июля, британская делегация вновь попыталась поставить его, советская сторона выдвинула предложения по проблемам Греции и Триеста, рассмотрение которых являлось нежелательным для англичан. Это заставило последних высказаться за то, чтобы снять с обсуждения все три вопроса, включая и югославский, с чем Сталин согласился (подробнее см. [7; 8; 9]). Информация, которую Тито получил от советской стороны во время конференции, касалась «первого круга» обсуждения — 19 июля. В ней содержался полный текст британского меморандума и излагалась состоявшаяся по этому поводу дискуссия [1. I—3—Б/613]. В беседе с Поповичем после возвращения советской делегации в Москву Молотов и Вышинский повторили эти сведения и дополнили их сообщением о «втором круге» обсуждения в Потсдаме и его результатах [1. I—3—Б/602. L. 1].

¹ Излагая в числе прочего сообщение Молотова и Вышинского о принятом в Потсдаме решении относительно репараций с Германии в пользу Югославии, Попович в отчете отметил, что они адресовали его за подробностями о получении репараций к И. М. Майскому (тогда замнаркома иностранных дел), а тот «уже два дня не приезжает в Наркоминдел, так что я с ним еще не мог встретиться» [1. I—3—Б/602. L. 4].

² Публично было объявлено сначала лишь о самом факте открытия конференции 17 июля 1945 г., а после того, как 2 августа она закончилась, было обнародовано совместное официальное сообщение о ее итогах, в котором излагались основные (но не все) решения [2. С. 334, 336—357]. О ходе конференции не сообщалось. Протокольные записи заседаний, которые велись каждой делегацией отдельно, и сопутствовавшие им документы были опубликованы много лет спустя: в США в 1960 г. [3], в СССР частично в середине 60-х годов [4; 5], а более полно в 1980 г. [6], в Великобритании в 1984 г. [23].

Беседа Молотова и Вышинского с Поповичем проливает свет на то взаимодействие, которое осуществлялось между Сталиным и Тито во время работы Потсдамской конференции. Из опубликованных прежде документов было известно, что во «втором круге», когда англичане попытались вновь поставить в Потсдаме югославский вопрос, советская делегация, выдвинув на обсуждение 30 июля проблему Триеста, ссылаясь на письмо югославского правительства по этому поводу в адрес «большой тройки». В этом письме, датированном 25 июля, военные власти западных союзников обвинялись в подавлении демократических прав населения Триеста и той части прилегающей области, которая находилась под их управлением. Югославское правительство требовало, чтобы там была обеспечена деятельность так называемых народных комитетов в качестве гражданской власти либо, если нужно, «были организованы демократические выборы» [3. Vol. II. P. 1214—1215]. Советская делегация на конференции заявила, что поддерживает упомянутые требования [6. С. 426—427]. Из содержания беседы Молотова и Вышинского с Поповичем следует, что югославский демарш был инспирирован Сталиным, запросившим у Тито соответствующий «исчерпывающий материал». И согласно тому, что зафиксировал в своем отчете Попович, сделано это было именно с целью парировать предполагавшееся возвращение англичан в конце конференции к югославскому вопросу. Советский план вполне удался: «Таким образом, — излагал Попович вывод, сделанный его собеседниками, — вопрос Югославии снят с повестки дня». Что же касалось самой триестской проблемы, использованной для этого, то, по мнению Молотова и Вышинского, на конференции «было бесполезно» добиваться передачи Триеста Югославии [1. 1—3—Б/602. L. 1].

Однако общую перспективу удовлетворения югославских требований о передаче Югославии Триеста и прилегающей области нарком иностранных дел и его первый заместитель считали, если судить по отчету Поповича, достаточно сложной, но не безнадежной. Сообщив, что решение этого вопроса перенесено, как записал посол, на «конференцию в начале сентября в Лондоне», т. е. на предстоящую первую сессию Совета министров иностранных дел (СМИД), Молотов и Вышинский заявили, что советские представители будут там поддерживать югославскую позицию. Они подчеркнули, что «советское правительство готовит исчерпывающий материал» по этому поводу, в чем ему помогает правительство Югославии. «Молотов и Вышинский, — зафиксировал Попович в отчете, — придерживаются мнения, что англичане и американцы будут использовать Италию и поддерживать ее в территориальных вопросах в ущерб нам. Но одновременно они (советские собеседники. — Л. Г.) подчеркивают, что, как можно было ощутить на Берлинской (т. е. на Потсдамской. — Л. Г.) конференции, сами англичане и американцы не уверены в том, что им это удастся» [1. 1—3—Б/602. L. 2]. Как можно понять из сказанного, в Москве оценивали шансы на достижение желательного Белграду и его советским покровителям результата в соотношении примерно пятьдесят на пятьдесят. Такой прогноз оказался верен. Как на лондонской сессии СМИД, состоявшейся 11 сентября — 2 октября 1945 г., так и при рассмотрении триестского вопроса на последующих сессиях СМИД в Париже и Нью-Йорке и на Парижской мирной конференции в 1946 г. ни советской стороне, всячески поддерживавшей югославские требования, ни США и Великобритании, которые противостояли тому, чтобы Югославия получила всю спорную область вместе с Триестом, не удалось взять верх друг над другом. Итогом стало компромиссное решение: одна часть этой области отошла к Югославии, а другая, включая Триест, была выделена в так называемую Свободную территорию Триест, впоследствии разделенную между Югославией и Италией (Триест достался последней) (см. [10]).

В беседе с Поповичем Молотов и Вышинский уделили особое внимание и другим проблемам, касавшимся Восточной Европы. Посла ознакомили с ходом развернувшейся на конференции дискуссии по вопросу о бывших гитлеровских сателлитах, прежде всего восточноевропейских — Румынии, Болгарии и Венгрии, в процессе которой советская делегация пыталась добиться от США и Великобритании дипломатического признания ими правительств этих стран, а западные участники, обви-

нявшие данные правительства в непредставительности и недемократичности, стремились, наоборот, добиться их замены и расширения своих возможностей в союзных контрольных комиссиях. Характер этой дискуссии (она специально рассматривалась нами в [8; 9]) был определен в отчете Поповича со слов собеседников как «острый» [1. I—3—Б/602. Л. 2]. Такая советская оценка являлась довольно сдержанной, если учесть, что потсдамский спор по поводу бывших восточноевропейских сателлитов Гитлера, главным образом Румынии и Болгарии, явился — после крымской дискуссии относительно Польши — особенно рельефным столкновением диаметрально противоположных целей Кремля и его западных партнеров в связи с Восточной Европой. Возможно, сдержанность оценки вызывалась тем, что по этому вопросу в Потсдаме был достигнут в итоге компромисс, фактически выгодный Советскому Союзу и его подопечным в восточноевропейских странах. Ибо США и Великобритания вопреки первоначальным заявлениям о невозможности мирных договоров с теми из бывших германских союзников, правительства которых не признаны Вашингтоном и Лондоном, согласились на то, чтобы СМИД, созданному на Потсдамской конференции, была поручена подготовка мирных договоров со всеми бывшими европейскими союзниками Германии, включая Румынию, Болгарию и Венгрию³. А относительно дипломатического признания была принята формула, согласно которой правительства «большой тройки», «каждое в отдельности, согласны изучить в ближайшее время в свете условий, которые будут тогда существовать, вопрос об установлении в возможной степени дипломатических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами» [2. С. 352]. Это открывало путь как для дальнейшего нажима Москвы на своих западных партнеров, так и для того, чтобы СССР мог самостоятельно установить официальные дипломатические отношения с перечисленными странами, оставаясь формально в рамках, согласованных «большой тройкой»⁴.

Как видно из отчета Поповича, Москва была удовлетворена подобным результатом. Посол отметил: «По мнению Молотова и Вышинского, на конференции можно было видеть, а это видно и по ее результатам, что англичанам и американцам стало ясно, что они потеряли Восточную Европу и Балканы. На конференции делались заявления, что это советская сфера влияния, и они (западные участники. — Л. Г.) все время старались удержать Западную Европу. Это особенно относится к американцам» [1. I—3—Б/602. Л. 3]. Такой вывод, сделанный советским руководством из работы Потсдамской конференции, был, несомненно, очень важен для Кремля, в центре внешне-

³ Это был компромисс, ибо тем самым СМИД мог приступить и к выработке мирного договора с Италией, в чем были особенно заинтересованы США и на что нельзя было получить советского согласия без одновременного включения Болгарии, Румынии и Венгрии в данную процедуру.

⁴ Советское руководство использовало это незамедлительно, уже 6 августа объявив о своем решении восстановить дипломатические отношения с Румынией (а также Финляндией) [2. С. 358—359]. Попович успел в своем донесении отметить этот факт. Одновременно он со слов Молотова и Вышинского сообщил, что советское правительство «после выборов в Болгарии назначит и туда своего посланника» [1. I—3—Б/602. Л. 2—3]. Последнее привлекает особое внимание. Как известно, выборы в Болгарии были назначены на 26 августа, но в самый последний момент их пришлось отложить, перенеся на ноябрь, из-за позиции западных союзников, поддерживающих соответствующее требование болгарской оппозиции. Если исходить из сообщенного Поповичем, то в начале августа советское правительство собиралось восстановить дипломатические отношения с Болгарией после 26 августа. Между тем оно сделало это 14 августа [2. С. 381]. Встает вопрос: чем было вызвано такое изменение первоначальных планов? Решили ли в Москве поторопиться, чтобы самим фактом восстановления дипломатических отношений укрепить позиции болгарского правительства еще до выборов и в частности использовать это в противостоянии требованиям об их отсрочке? Или же, наоборот, уже к 14 августа советское руководство поняло, что выборы скорее всего придется отложить, а потому решило не затягивать официальное дипломатическое признание болгарского режима? Очевидно, ответ должны дать дальнейшие архивные изыскания.

политических усилий которого находилось стремление закрепить свою доминацию в Восточной Европе и обеспечить установление там коммунистических режимов.

Вместе с тем, как свидетельствует тот же отчет Поповича, Москва отнюдь не исключала, что западные союзники и страны, находившиеся под их покровительством, могут пытаться действовать против режимов, патронируемых Советским Союзом в восточноевропейской сфере. В частности, Попович писал, что «Молотов ожидает и далее провокации со стороны Греции в отношении Албании, а может быть и со стороны Италии в отношении Югославии и т. д. При этом Молотов подчеркивает, что советское правительство не будет спать, но что нужно много и умно работать» [1. I—3—Б/602. Л. 3]. Судя по контексту, замечание о необходимости «много и умно работать» относилось к руководству югославского коммунистического режима, которому Кремль, принимая во внимание его значительную внутреннюю прочность и преимущества международного статуса Югославии как союзной страны, члена ООН, отводил важную самостоятельную роль в укреплении южного фланга восточноевропейской сферы⁵. А то, что «советское правительство не будет спать», было обещанием Москвы продолжать оказывать всю возможную поддержку Белграду и Тиране, по отношению к которой югославы также выступали тогда патронном, наряду с СССР. Как видно из отчета Поповича о беседе, положение Албании беспокоило советских руководителей. «Молотов отмечает, что английская миссия в Албании упорно работает и не жалеет золота для вербовки „видных“ лиц с целью компрометации нынешнего правительства (коммунистического правительства во главе с Э. Ходжей.— Л. Г.). Затем он (Молотов.— Л. Г.) говорит, что советское правительство будет защищать интересы Албании⁶, не допуская, чтобы по этому вопросу оно пришло в столкновение с союзниками. Нужно выдержать и подождать дальнейшего развития событий» [1. I—3—Б/602. Л. 3].

Трудно судить о достоверности сведений Молотова относительно деятельности английской миссии (имелась в виду военная миссия) в Албании. Очевидно, их источником были сообщения советской военной миссии в Тиране⁷ и информация, поступавшая в Москву от самих югославов, через посредство которых осуществлялись тогда в основном советско-албанские отношения. Но важно отметить другое: поддерживать албанский коммунистический режим и противостоять возможным попыткам западного воздействия на Албанию советское руководство в тот момент предпочитало, придерживаясь достаточно осторожной линии, без прямого столкновения с Западом. Такая тактика была связана не только с конкретным албанским случаем. Характерна высказанная в беседе с Поповичем его советскими собеседниками общая оценка итогов Потсдамской конференции с точки зрения отношений между СССР и западными партнерами по «большой тройке». Казалось бы, после резких споров в Потсдаме, особенно по поводу Восточной Европы, и оценка эта должна была отличаться значительной жесткостью. Однако в донесении Поповича зафиксировано: «Молотов говорит, что все время на конференции господствовала хорошая атмосфера, хотя дело доходило до желчной полемики и острых слов. Все старались, чтобы по всем вопросам были приняты компромиссные решения. Согла-

⁵ Самы югославские коммунисты, пришедшие к власти в результате четырехлетней вооруженной борьбы во главе организованного ими массового народно-освободительного движения, были склонны рассматривать свой режим скорее в качестве идейно-политического союзника СССР, нежели в качестве объекта советского влияния. Пересказывая изложенное Молотовым и Вышинским мнение о том, что западные державы вынуждены признать Восточную Европу сферой советского влияния, Попович особо подчеркнул: «Интересно заметить, что при этом не говорилось о Югославии, а она рассматривалась как самостоятельная, союзническая страна» [1. I—3—Б/602. Л. 3].

⁶ Имелись, конечно, в виду интересы коммунистического режима.

⁷ Ни одна из держав «большой тройки» не имела тогда дипломатических отношений с Албанией. Как указали в беседе с Поповичем Молотов и Вышинский, «советские представители подняли вопрос о признании албанского правительства», но «англичане и американцы не хотят признавать правительство Ходжи, ибо горюют, что это исключительно коммунистическое правительство» [1. I—3—Б/602. Л. 3]. Москва же стремилась к одновременному установлению дипломатических отношений с Тираной всеми тремя державами, поскольку не хотела, действуя самостоятельно, быть обвиненной в нарушении договоренностей 1942 г. о совместной политике «большой тройки» относительно Албании.

сились с тем, чтобы для публики было издано коммюнике только по тем вопросам, по которым достигнуто соглашение». И к этому добавлено: «О Трумэне они (Молотов и Вышинский.— Л. Г.) говорят, что он довольно культурен, показывает много понимания европейских проблем» [1. I—3—Б/602. Л. 4].

Стало быть, Москва в тот момент отнюдь не считала, что происшедшее, в частности на Потсдамской конференции, фактическое столкновение устремлений СССР и западных союзников по важнейшим проблемам послевоенного устройства, особенно в Восточной Европе, требует перехода к открытой конфронтации с США и Великобританией и прямого разрыва того рода взаимодействия «большой тройки», которое было унаследовано от их коалиции военного времени. Наоборот, как можно понять из высказываний Молотова и Вышинского, советское руководство сделало из опыта Потсдама вывод о том, что сохранение этого взаимодействия вполне осуществимо и совместимо на данном этапе с достижением желательных Кремлю целей, в том числе в столь значимой для него восточноевропейской сфере. Подобный вывод был закономерным итогом предшествующей практики, вновь подтвержденной результатами, которых советской делегации удалось достичь на только что закончившейся конференции. Эта практика свидетельствовала о том, что Москва, используя западную заинтересованность в сохранении партнерства и опираясь на завоеванные ею военно-политические позиции, путем комбинированной политики нажима и частичных, а в значительной мере и обманных, ложных компромиссов шаг за шагом в рамках такого партнерства, без риска непосредственного конфликта добивается от Запада нужных ей решений. Потому-то в донесении Поповича была следующим образом зафиксирована общая советская оценка достигнутого в Потсдаме: «Советские представители очень довольны ходом и результатами конференции» [1. I—3—Б/602. Л. 5]. По той же причине и позиция Трумэна, согласившись на такие результаты, характеризовалась, как мы видели, без особого негатива.

Из сказанного вытекает, что советское руководство намерено было и дальше продолжать политику подобного, выгодного ему в тот момент взаимодействия с Западом, во всяком случае в ближайшей обозримой перспективе⁸. При этом оно, как записано в отчете Поповича, планировало «использовать импер[иалистические] противоречия между Америкой и Англией, особенно в ущерб второй, расширяя свое влияние и укрепляя свои позиции» [1. I—3—Б/602. Л. 5]. В частности, собеседники посла подчеркивали, что «американцы всеми силами стараются вытеснить английское влияние из Италии», «из Франции, Испании и Португалии», «вернуть Англию на острова». В отчете резюмировалось, что «против этого СССР, по словам Молотова и Вышинского, ничего не имеет» [1. I—3—Б/602. Л. 2]. В то же время с советской стороны не исключали и «улучшения политики Англии», т. е. ее поворота в соответствии с интересами Москвы, если в итоге ожидавшейся Кремлем дифференциации внутри лейбористской партии, победившей на выборах 5 июля 1945 г. (их результаты были объявлены 26 июля), в ней произошло бы «усиление левых элементов»⁹ [1. I—3—Б/602. Л. 5]. В любом случае советское руководство рассчитывало на то, что продолжая линию, успешно осуществленную в Потсдаме, оно сможет реализовать свои цели, в том числе и в восточноевропейской зоне «народных демократий».

Вместе с тем, Молотов и Вышинский в беседе с югославским послом остановились и на советских планах в отношении той части Балкан, которая осталась за пределами этой зоны, — Греции и европейских районов Турции.

⁸ Что касалось более отдаленной перспективы, то Кремль по-прежнему исходил из неизбежности будущего военного столкновения с «империализмом». Согласно воспоминаниям М. Джиласа, в апреле 1945 г., говоря с приехавшими в Москву руководящими коммунистическими деятелями Югославии во главе с Тито, Сталин высказал мнение, что война будет лет через 15—20 [11]. Позже, в июне 1946 г., он сказал коммунистическим лидерам Болгарии, что войны не будет в течение 10—15 лет [12].

⁹ Относительно руководителей лейбористской партии К. Эттли и Э. Бевина, занявших, соответственно, посты премьера и министра иностранных дел, Молотов сказал, что в Москве от них не ожидают какой-либо перемены прежней политики Черчилля, «во всяком случае в первое время». Говоря о своих беседах с ними в Потсдаме, Молотов утверждал, что «они боятся результатов, достигнутых на выборах» [1. I—3—Б/602. Л. 5].

Что касалось Греции, то собеседники Поповича повторили позицию, уже изложенную делегацией СССР на Потсдамской конференции: необходимо образование нового правительства «в духе» соглашения, заключенного 12 февраля 1945 г. в Варкизе между греческими властями и «представителями греческой демократии», как именовался в советских документах, представленных в Потсдаме, так называемый национально-освободительный фронт Греции — ЭАМ, которым руководила Компартия. Варкизское соглашение было заключено после происшедшего в декабре 1944 г. — начале января 1945 г. столкновения между вооруженными силами ЭАМ (они именовались ЭЛАС) и силами греческого правительства, поддержанного британскими войсками, которые высадились в Греции в момент отступления из нее немецких войск. В этом столкновении, основной ареной которого стали Афины, фактически решался вопрос о характере власти в освобожденной от оккупантов стране. В ходе боев в Афинах ЭАМ—ЭЛАС во главе с Компартией, чья победа могла открыть путь установлению «народной демократии» и в итоге — коммунистическому режиму, потерпели поражение и вынуждены были отступить. Однако они обладали существенными позициями внутри страны и пользовались советской политико-дипломатической поддержкой¹⁰. Поэтому Варкизское соглашение представляло собой определенного рода компромисс: ЭАМ обязывался разоружить свои военные силы, а правительство — установить демократические порядки, провести в течение 1945 г. референдум о государственном строе, а затем выборы в Учредительное собрание. Но о формировании нового правительства взамен существующего, а тем более на условиях какой-либо договоренности между ЭАМ и властями, в соглашении не было и речи, что фиксировалось впоследствии даже в советской историографии, где эта проблема освещалась с крайне односторонних идеологических позиций (см., например [15]). Поэтому выдвинутые в Потсдаме советские предложения о том, чтобы «рекомендовать греческому регенту немедленно принять меры к образованию демократического правительства в духе соглашения, заключенного в Варкизе», и чтобы Великобритания «повлияла» в этом направлении на регента [б. С. 331, 438], на самом деле никак соглашению не соответствовали.

В общем контексте хода Потсдамской конференции предложения об изменении состава греческого правительства, вносившиеся делегацией СССР дважды — 20 и 31 июля, выглядели как чисто тактические ходы. В первом случае — с целью парировать американские требования о «реорганизации» правительств Румынии и Болгарии, «с тем, чтобы они включали представителей всех значительных демократических групп», и предложения делегаций США и Великобритании о проведении выборов как в Италии и Греции, так и в Румынии, Болгарии и Венгрии под совместным наблюдением советских, американских, британских и французских представителей (см. [б. С. 93, 107, 126, 128, 130, 148—149, 327—328, 330—331, 344]). Во втором случае — с целью торпедировать британские предложения по Югославии, о чем шла речь выше (см. [б. С. 264, 438]). И нет оснований сомневаться в тактическом предназначении этих советских ходов на самой конференции. Но если донесение Поповича о беседе с Молотовым и Вышинским верно отражает позицию, которой руководствовались в Москве, то выдвинутые в Потсдаме предложения СССР относительно перемен в греческом правительстве выражали одновременно и план воздействовать в дальнейшем на положение в Греции. Как сообщал посол, «Молотов и Вышинский верят в то, что положение (в Греции.— Л. Г.) сдвинется к лучшему, что дело дойдет до смены правительства». Правда, Молотов и Вышинский считают, что «будет еще много трудностей. Можно ожидать с этой стороны (от греческих властей — Л. Г.) и дальнейшие провокации в разных формах». Однако «советское правительство будет стараться и дальше, чтобы было образовано правительство (Греции — Л. Г.) в соответствии с соглашением, достигнутым в Варкизе» [1. I—3—Б/602. Л. 3]. Эти сведения нуждаются, конечно, в сопоставлении с другими постепенно открывающимися архивными источниками, прежде всего с документами отечественных архивов.

¹⁰ Еще на Крымской конференции в начале февраля 1945 г. Сталин выразил желание получить от Черчилля информацию о положении в Греции, что вызвало серьезное беспокойство британского премьера. А затем, весной 1945 г., была высказана и публичная советская критика британских действий в Греции (подробнее см. [13. Р. 63—64; 14. Р. 35—36]).

Не менее интересен в отчете Поповича материал о высказываниях Молотова и Вышинского по поводу Турции. Советские собеседники изложили послу претензии Москвы на ряд районов, которые она считала отторгнутыми Турцией в 1921 г. от Грузии и Армении, а также на замену турецкого контроля над черноморскими проливами, установленного в 1936 г. конвенцией в Монтре, совместным советско-турецким контролем. В этом руководители НКВД СССР просто повторяли то, что уже излагалось советским правительством в переговорах с представителями правительства Турции в первые месяцы 1945 г., а затем делегацией СССР на Потсдамской конференции [6. С. 144—145, 350; 1. I—3—Б/602. Л. 3]¹¹. Но Молотов и Вышинский не ограничились только этим, а высказали Поповичу и более общие советские намерения в отношении Турции. Они выразили стремление Кремля проводить своего рода политику наказания Анкары за ее враждебность по отношению к СССР, проявлявшуюся во время войны, особенно в период гитлеровских успехов на советско-германском фронте. В донесении югославский посол записал: «Молотов и Вышинский подчеркнули, что Турция должна быть поставлена в такое положение, чтобы она ощутила последствия своего открыто враждебного поведения» [1. I—3—Б/602. Л. 3]. И дело тут отнюдь не ограничилось упомянными территориальными претензиями Москвы в районе закавказской границы и требованиями об участии СССР в контроле над проливами. Согласно тому, что зафиксировал Попович, Молотов и Вышинский говорили ему о советских планах отторжения от Турции ее балканских районов. «В дальнейшей беседе, — сообщил посол, — они упомянули о перспективе сбрасывания Турции с Балканского полуострова, а также выхода на Эгейское море. Это будет сделано, говорит Молотов, чтобы обеспечить славянам будущее» [1. I—3—Б/602. Л. 3—4]. Последняя фраза означала, что советское руководство вынашивало планы включения балканских владений Турции в состав Болгарии. В отчете Поповича нет ничего о том, уточняли ли при этом его собеседники намерения Кремля в отношении Стамбула, также находившегося на балканской стороне проливов, и касались ли они вопроса о практических путях и средствах вытеснения Турции с Балкан. О советских оценках положения в Восточной Европе, включая Балканы, и планах Москвы в этом регионе Попович сообщал в донесениях, направляемых Тито, и позже, в частности в донесении от 30 ноября 1945 г. [1. I—3—Б/611]. Оно также было составлено на основе бесед посла с Молотовым «и его заместителями», которых Попович на сей раз не назвал поименно, и с упомянутым Барановым¹². Как видно из документа, в нем был суммирован ряд бесед, имевших место в течение октября — ноября¹³.

¹¹ Вопрос о выдвинутых советским правительством территориальных претензиях к Турции и требованиях об изменении контроля над проливами был поставлен в Потсдаме англичанами, которых Анкара известила о позиции СССР, доведенной перед тем до сведения турецкого правительства. Москва подняла эти вопросы перед Турцией, воспользовавшись тем, что турецкое правительство, крайне обеспокоенное ухудшением советско-турецких отношений в обстановке огромного усиления позиций СССР в связи с победой над Германией, и в частности денонсацией советским правительством 19 марта 1945 г. советско-турецкого договора 1925 г. о дружбе и нейтралитете, предложило советской стороне заключить союзный договор. В ответ на предложение Анкары Молотов в начале июня 1945 г. изложил турецкому послу советские претензии. Когда же англичане, покровительствовавшие Турции, выдвинули эту проблему в Потсдаме, делегация СССР отстаивала советскую позицию как, по мнению Москвы, правомерную [6. С. 39—41, 143—146, 514]. Западные участники конференции согласились с необходимостью пересмотра конвенции в Монтре и предложили, чтобы данный вопрос был темой непосредственных переговоров между каждым из трех правительств и правительством Турции. Однако никаких упоминаний о конкретных направлениях пересмотра, об установлении совместного турецко-советского контроля над проливами и о предоставлении с этой целью Советскому Союзу военных баз в проливах, чего хотела советская сторона, в совместном англо-американском предложении не было. Советской делегации пришлось с этим согласиться, и в итоговом протоколе конференции было зафиксировано решение на основе англо-американского проекта [6. С. 439, 477]. Что же касалось территориальных претензий СССР к Турции, то западные державы в Потсдаме не поддержали советских желаний и данный вопрос больше на конференции не фигурировал.

¹² Попович обозначил его как человека, «который ведет восточное отделение в ЦК» [1. I—3—Б/611. Л. 1].

¹³ Дат в отчете Поповича нет, но говорится, что речь идет о «вопросах, возникших после неудачной конференции министров иностранных дел в Лондоне» [1. I—3—Б/611. Л. 1], т. е. после окончившейся 2 октября первой сессии СМВД. А среди событий, упоминавшихся в беседах, фигурируют, в частности, выборы в Югославию, состоявшиеся 11 ноября, и выборы в Болгарии, проведенные 18 ноября [1. I—3—Б/611. Л. 2].

К этому времени по сравнению с началом августа усилились проявления противоречий между СССР и западными державами, прежде всего в связи с проблемами Восточной Европы. В частности, восточноевропейские проблемы сыграли существенную роль в том, что проходившая 11 сентября — 2 октября в Лондоне первая сессия СМВД закончилась без принятия согласованных решений. Излагая точку зрения своих советских собеседников на положение, сложившееся после окончания сессии СМВД, Попович писал в отчете: «Англо-американские империалисты и их правительства стремятся спасти германский и японский империализм от полного уничтожения, поэтому они всеми силами стараются не выполнять и ревизовать решения всех международных конференций, а в первую очередь решения Крымской и Берлинской конференций, и даже ревизовать Устав [Организации] Объединенных Наций, так как он гарантирует коллективную безопасность. Эти их стремления отражаются в нападках с их стороны на новые демократические режимы в Восточной Европе и в попытке использования атомной бомбы как оружия в борьбе за установление своего господства в мире, в попытках создания договоров и блоков, направленных против других миролюбивых государств и в первую очередь против Советского Союза, в попытке разбить коалицию трех союзных держав и, наконец, в попытках превращения Организации Объединенных Наций в систему агрессии...» [1. I—3—Б/611. L. 1—2].

Бросается в глаза происшедшая всего за два-три месяца перемена в тональности и содержании оценок отношений между СССР и западными державами, которые были высказаны Поповичу высокими советскими собеседниками. В отличие от более прагматических характеристик, которые Молотов, вернувшись из Потсдама, давал возможности взаимодействия с западными партнерами, в частности партнерства с Трумэн, определения, которые югославский посол слышал от «советских товарищей» осенью, целиком сошли на уровень стандартных идеологических клише с обличениями «коварных замыслов империализма». Причем в качестве первого свидетельства подобных замыслов фигурировала, если Попович правильно это зафиксировал, негативная реакция США и Великобритании на происходивший в Восточной Европе процесс насаждения коммунистических режимов, вовлечения стран региона в складывающийся под контролем Москвы советский блок. Всякая попытка противодействия, а в большинстве случаев просто осуждения в отношении устанавливаемой в Восточной Европе советско-коммунистической доминации рассматривалась советским руководством как недопустимое покушение на его сферу влияния и вызывала острую реакцию Кремля.

Правда, и осенью 1945 г. собеседники Поповича из руководящих советских сфер подчеркивали, что «советское правительство стремится всеми силами к тому, чтобы коалиция трех держав, несущих главную ответственность за дело мира и безопасности, нашла путь к решению главных задач в интересах всех миролюбивых народов...» Однако на сей раз, как сообщал посол, ответственные советские лица подчеркивали и другое: «Удастся ли ему (советскому правительству — Л. Г.) это, они нам еще ничего не могут сказать. Ибо империалистические державы стремятся использовать этот переходный период в целях как можно большего захвата добычи. Ввиду стремления империалистов достигнуть своей цели, здесь (в советских верхах — Л. Г.) не исключают возможности расширения системы интервенций и провокаций с их стороны в том или ином секторе. В связи с этим характерно, что Советский Союз еще больше укрепляет мощь Красной Армии» [1. I—3—Б/611. L. 2]. Иными словами, сохранение взаимодействия в рамках «большой тройки» мыслилось советским руководством лишь на условиях, совместимых с его целями, в частности в Восточной Европе. В противном случае, по мнению Москвы, следовало ожидать конфронтации в отношениях с Западом, действия которого оценивались, разумеется, как «агрессивные».

По поводу желательного ему развития в Восточной Европе Кремль, как свидетельствует ноябрьское донесение Поповича, был настроен очень оптимистично. В донесении зафиксирована высокая оценка советскими собеседниками успешных для коммунистов выборов в Югославии и Болгарии. «В связи с этим, — сообщал по-

сол,— здесь (в Москве — Л. Г.) особенно подчеркивается, что клеветники из лагеря международной реакции потерпели в этой части Европы полное фиаско» [1. I—3—Б/611. L. 2].

Излагая выводы, которые в беседе с ним высказал Молотов в связи с результатами выборов, Попович, среди прочего, отметил: «Блестящая победа демократии (т. е. сил, руководимых коммунистами — Л. Г.) на выборах в Югославии и Болгарии должна, по здешнему мнению, как можно быстрее способствовать еще большему укреплению братских связей между братскими народами» этих стран [1. I—3—Б/611. L. 2]. Очевидно, имелись в виду обсуждавшиеся еще в конце 1944 — начале 1945 г. планы максимального югославо-болгарского сближения, заключения союзного договора и объединения двух стран в федерацию. Накануне, а затем после Крымской конференции реализация этих планов во многом застопорилась ввиду того, что Лондон, поддержанный в итоге Вашингтоном, выступил против как заключения союзного договора, так и тем более образования федерации между Югославией и Болгарией. С этим Москве, Белграду и Софии приходилось считаться ввиду прерогатив западных держав в отношении Болгарии как побежденной страны (см. [16; 17]), а попытки СССР на Крымской конференции и непосредственно после нее преодолеть британские возражения не увенчались успехом [18; 19. Ф. 0144. Оп. 30. П. 118. Д. 10. Л. 14—15]. К тому же в январе 1945 г. на переговорах с вызванными в Москву руководящими деятелями Югославии и Болгарии Сталин столкнулся с противоречиями между Белградом и Софией по поводу принципа объединения двух стран: югославы выступали за федерацию, в которой Болгария имела бы такой же статус, как каждая из шести федеральных единиц самой Югославии, а болгары настаивали на дуалистической федерации — с равным членством Болгарии и всей Югославии (подробнее см., например, [20; 21]). Сталин высказался тогда за дуалистический вариант федерации, заявив югославам о необходимости считаться с реальностью существования Болгарии как государства, избегать того, чтобы болгары усмотрели «желание проглотить их» [1. I—3—Б/586. L. 1—2; 19. Ф. 06. Оп. 7. П. 53. Д. 872. Л. 18]. Однако югославская сторона посчитала невозможным пойти на такое решение [20. S. 121]. В итоге всех этих обстоятельств вопрос о заключении болгаро-югославского союзного договора и последующем образовании федерации был временно отложен. Но, согласно материалам болгарских архивов, в мае 1945 г. Сталин уведомил ЦК Болгарской рабочей партии (коммунистов) о возможности приступить к заключению болгаро-югославского договора после парламентских выборов в Болгарии, что было затем согласовано на болгаро-югославских переговорах в Белграде в сентябре 1945 г. (эти данные со ссылкой на архивные документы приведены болгарским исследователем С. Тодоровым [22]). Сообщение о содержании бесед с руководящими советскими лицами, которое Попович послал Тито 30 ноября, подтверждает, таким образом, что Москва по-прежнему была настроена в пользу тесной взаимосвязи между Югославией и Болгарией.

Одновременно в том же донесении Поповича отмечалось, что, по мнению советских собеседников, успех новых режимов, продемонстрированный выборами в Югославии и Болгарии, должен способствовать «и укреплению дружбы всех славянских народов» [1. I—3—Б/611. L. 2]. В тогдашнем политическом лексиконе Москвы и ее восточноевропейских подопечных формулой о «дружбе славянских народов» обозначался формирующийся советский блок, позже ставший именоваться «демократическим лагерем». Образование этого блока являлось приоритетной задачей советской политики. Однако ответственные лица, с которыми беседовал Попович, указывали, что, исходя из тактических соображений и прежде всего принимая во внимание проблему отношений с западными державами, «советское правительство в данный момент избегает заключения договоров по каким-либо вопросам с государствами Восточной Европы. Но если бы не изменились к лучшему нынешние отношения с союзниками (с западными участниками антигитлеровской коалиции — Л. Г.), здесь не исключается возможность активизации советской внешней политики в этом направлении» [1. I—3—Б/611. L. 4]. Иными словами, советское руководство предпочитало выждать, воздерживаясь от всеобъемлющего договорного офор-

мления новой системы своих отношений с восточноевропейскими странами, в том числе и в таких общих для всего региона вопросах, как дунайское судоходство или железнодорожная сеть Восточной Европы [1. I—3—Б/611. Л. 4—5], но если продолжающаяся конфронтация с Западом сделает такое лавирование ненужным, Кремль был готов отбросить камуфляж.

Вместе с тем, как отметил Попович, Москва придавала большое значение активизации «демократических сил всех стран, а в первую очередь западных» с целью противодействия намерениям «империалистов» и «реакции» создать «западный блок» [1. I—3—Б/611. Л. 3].

И в отчете посла от 8 августа, и в еще большей мере в отчете от 30 ноября 1945 г. изложены советские оценки и прогнозы не только в связи с Восточной Европой, но и относительно других актуальных тогда международных проблем: контроля над Японией, положения в Китае, иранского вопроса, экономических отношений между США и Великобританией и т. д. В этих оценках отражен тот же свойственный советскому руководству подход к мировому развитию, столь рельефно проявившийся в его восточноевропейской политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Arhiv Josipa Broza Tita. Kabinet Marsala Jugoslavije.
2. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. М., 1947. Т. III.
3. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945. Washington, 1960. Vol. I—II.
4. Потсдамская конференция руководителей трех великих держав//Международная жизнь. 1965. № 10, 12; 1966. № 1, 3, 5—9.
5. Тегеран — Ялта — Потсдам: Сборник документов. М., 1967.
6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов. М., 1980. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.).
7. Гибианский Л. Я. Потсдам и Югославия//Новая и новейшая история. 1970. № 4.
8. Гибианский Л. Я. Потсдам и Юго-Восточная Европа (некоторые вопросы истории дипломатической борьбы)//Германская восточная политика в новое и новейшее время (проблемы истории и историографии). М., 1974.
9. Гибианский Л. Я. Проблемы балканских стран на Потсдамской конференции//Балканские исследования. М., 1974. Вып. 1. Международные отношения на Балканах.
10. Гибианский Л. Я. Советский Союз и новая Югославия, 1941—1947 гг. М., 1987. С. 182—186.
11. Џилас М. Razgovori sa Staljinom. Beograd, 1990. S. 76.
12. Бывший ЦПА при ЦК на БКП. Ф. 1. Оп. 5. А. е. 3. Л. 134.
13. Гибианский Л. Я. Юго-Восточная Европа в межсоюзнических отношениях на заключительном этапе второй мировой войны (январь — май 1945)//Etudes Balkaniques. София, 1976. № 1.
14. Гибианский Л. Я. Подготовка Потсдамской конференции и вопросы Юго-Восточной Европы//Etudes Balkaniques. 1973. № 3.
15. Шеменков К. А. Греция: проблемы современной истории. М., 1987. С. 121.
16. Пинтев С. Англия и болгаро-югославского сближение през есента на 1944 г. и пролетта на 1945 г.//Векове. София, 1979. Кн. 6.
17. Гибианский Л. Я. Вопрос о Болгарии, Румынии и Венгрии на Крымской конференции//Советское славяноведение. 1982. № 2. С. 15—16, 18—19.
18. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов. М., 1979. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). С. 197, 240, 281.
19. Архив внешней политики Российской Федерации.
20. Avramovski Z. Devet projekata ugovora o jugoslovensko-bugarskom savezu i federaciji (1944—1947)//Istorija 20 veka. Beograd, 1983. Br. 2.
21. Даскалов Г. Проблемът за федерацията в българо-югославските отношения (ноември 1944 — апрел 1945)//Известия на Института по история на БКП. София, 1988. Т. 62.
22. Годоров С. Отношения между Болгарией и Югославией в 80-е и в начале 90-х годов. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 36—37.
23. Documents on British Policy Overseas London. 1984. Ser. I. Vol. 1.

«ДОКТОР ЖИВАГО» ПАСТЕРНАКА: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА

Как представляется, негладкий путь романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» к словацкому читателю — еще одно свидетельство своеобразия и оригинальности этого произведения.

Его первый перевод на словацкий язык, сделанный при последних вспышках демократизирующегося мышления шестидесятых годов, принадлежит видной переводчице З. Есенской. В 1969 г. он вышел в братиславском издательстве «Татран». Общеизвестно, что за этим последовало. Различные «стечения обстоятельств», которые в какой-то мере были и закономерны (они касались как судьбы самого произведения, так и судьбы переводчицы), привели к тому, что перевод, а тем самым и роман Пастернака были надолго изъяты из словацкого литературного контекста (трудно сказать, присутствовал ли он неявно, скрыто, в виде тайного отзвука или намека в оригинальном творчестве какого-либо нашего автора). Он был устранен с такой тщательностью, что даже тогда, когда создались условия для издания его на родине писателя, в тогдашнем Советском Союзе (в 1988 г. он был опубликован в «Новом мире»), у нас он оставался под запретом вместе с другими переводами и работами З. Есенской. Собственно, так продолжалось до недавнего времени, пока не состоялась ее реабилитация.

Причины, по которым то же издательство «Татран» заказало для двухтомного собрания сочинений Бориса Пастернака новый перевод романа на словацкий — на этот раз представительнице младшего поколения, но, так сказать, «преемнице переводческой школы Есенской», В. Хегеровой, — носят, следовательно, и внелитературный, и отчасти литературный характер. Между изданиями двух переводов прошло двадцать два года. Итак, мы располагаем двумя переводами романа Пастернака, и от нас зависит объективная оценка этого факта.

Издание перевода Есенской в 1969 г. стало культурным и литературным (а также политическим) событием в Словакии, связанным с необычайной смелостью многих честных людей. Новый перевод вышел, естественно, в совершенно иной атмосфере. Сегодняшний читатель обратится к книге, интересуясь непосредственно ценностями, которые она в себе несет. Если в конце шестидесятых годов важны были смелость, эмоциональность, интуиция, неясные предчувствия (мы говорим об общественных умонастроениях), то в наши дни это знакомство с неизвестным в русской и советской (а также нашей и общеевропейской) истории XX в., причем взгляды на ее философию существенно изменились. Закономерно, что и В. Хегерова приступала к работе над переводом уже исходя из нового исторического опыта. Известно, что «каждый перевод неизбежно становится интерпретацией» [1], а она

по сравнению с переводом двадцатилетней давности не может не быть иной. В этой связи новый перевод выдающегося произведения также представляется литературным и историко-литературным событием.

Многообразие прочтений и интерпретаций «Доктора Живаго» вообще поразительно и свидетельствует, в частности о том, что это роман, однозначно принадлежащий к русской литературной классике. «Что придает неизменную ценность светилам литературного небосвода? Помимо всего прочего, или, наверное, прежде всего, это возможность новых и новых интерпретаций образа человека и картины мира, которую они нам представляют», — пишет И. Слимач в связи с многократно возобновляющимися попытками перевода классических произведений [2].

Д. Лихачев воспринимает «Доктора Живаго» как роман-стихотворение лирического характера, как разновидность поэтической (или духовной) автобиографии, отличающейся от реальной жизни автора. Alter ego Пастернака воплощено в лирическом герое — фигуре доктора Живаго, но также и его возлюбленной Лары и даже его друга Гордона, идеи которого составляют часть его духовного мира. По мнению Лихачева, именно так, отчасти мистически и отчасти мифологически (Анна Ахматова писала о присущем Пастернаку мифологическом ощущении истории, в соответствии с которым абсолютно незначительные люди играли таинственные и очень важные роли) он постигает сам себя и свою позицию в ситуации, когда в жизни и в романе «главная действующая сила — стихия революции» [3. С. 7].

Согласно интерпретации П. Горелова [4], в «Докторе Живаго» выражено чувство страха перед утратой национальной идентичности, перед растворением собственного сообщества в чужеродной гомогенной человеческой массе.

Американский исследователь Дж. Гибан, напротив, обнаруживает в произведении идею избранности, мессианстве русского народа, воспринятом, якобы согласно Пастернаку, от народа иудейского [5].

Существует много интерпретаций романа, и каждую из них характеризует интуитивное или осознанное постижение принципа двуединства, который является здесь основным композиционным элементом. Произведение одновременно является и прозой, и поэзией, оно включает в себя прозаическую часть, т. е. сам роман, и приложение — «Стихотворения Юрия Живаго». Живаго, одновременно врач и поэт, мечется между двумя женщинами, двумя отношениями к феномену русской революции. И данное Д. Лихачевым жанровое определение произведения — поэтическая, духовная автобиография — предполагает наличие такого принципа двуединства.

Ассоциативные отсылки к Евангелиям Нового Завета в романе подчеркивают идею о том, что христианство, в особенности русское православие, «было разрешением преград между только монотеистическим, трансцендентным миру, иудейством и только пантеистическим и имманентным миру язычеством как первоначалами культуры» [6]. Подчеркивание двуединства христианства, обоснование правомерности соединения в нем еврейского и языческого корней осуществляется на глубинном содержательном уровне произведения.

Принцип двуединства ощущается и в том, что Пастернак использует семантически ключевые слова, подлинное значение которых обнаруживается лишь с постижением внутренней логики действия в романе. Это тактически очень зрелый, рафинированный способ, по сути своей поэтический, — заставить читателя искать ключ к «раскрытию» текста, осуществить то, в чем П. Валери видел задачу поэта — «дать почувствовать соединение слова и духа» [7].

В названии «Доктор Живаго» содержится намек на другого легендарного доктора в литературе — Фауста (в 1948 г., т. е. за семь лет до окончания своего романа, Б. Пастернак переводил это произведение Гете). Живаго и сам упоминает о нем в своем дневнике, причем по принципиальному поводу: «Каждый родится Фаустом, чтобы все обнять, все испытать, все выразить. О том, чтобы Фаусту быть ученым, позаботились ошибки предшественников и современников. Шаг вперед в науке делается по закону отталкивания, с опровержения царящих заблуждений и ложных теорий. О том, чтобы Фаусту быть художником, позаботились заразные при-

меры учителей. Шаг вперед в искусстве делается по закону притяжения, с подражания, следования и поклонения любимым предтечам» [8. С. 95]. Доктор Фауст, чье имя в переводе с немецкого означает «кулак», продавший душу дьяволу, — воплощение неодолимого поиска конечности познания.

Напротив, Живаго, с характерно протяжным гласным «а» в середине, ассоциируется и с бескрайней матушкой-Русью, с чем-то мягким и бесконечным, русским. Ухо славянина не может не уловить корень слова «живой» — кстати, Н. Карамзин в «Истории Государства Российского» упоминает славянское языческое божество жизни польского происхождения, которое зовут Зиваго. Но Живаго можно понимать и как родительный падеж русского прилагательного «живой» — живого, живаго... То есть доктор, врачеватель живого...

Доктор Живаго, в отличие от Фауста, не хочет изучать, познавать, он хочет быть поэтом, он насквозь пронизан тем, что называется человеческим бытием. Душу он смиренно вверяет Богу, за что и вознагражден в романе. Он воспламеняется от искры Божией, горит — а как же иначе! — огнем самосожжения. Согласно П. Флоренскому, «как имя воплощено в звуке, так и духовная сущность его постигается преимущественно вчувствованием в звуковую его плоть» [9]. Лара Пастернака (вновь с протяжным первым «а») вызывает в памяти Татьяну Ларину Пушкина.

Анализ романа обнаруживает высокую степень значимости его звуковой формы. Р. Якобсон в работе «Заметки о прозе поэта Пастернака» отмечает, что Пастернак «пришел к поэзии через музыку, перед которой испытывал почти культовое поклонение, характерное для символизма» [10. С. 325]. Музыкальность, звукопись, ритм он с большим мастерством использует в «Докторе Живаго». Нельзя не почувствовать, что этот роман написан поэтом, и к тому же представителем «направления, ориентированного на поэтическое творчество» [10. С. 325] (имеется в виду его генетическая связь с русским символизмом). Тем большие требования приходится предъявлять к переводческой концепции, к переложению романа на другой язык.

Вот как звучат первые фразы романа: «Шли и шли и пели „Вечную память“/и когда останавливались, казалось,/что ее по залаженному продолжают петь/ноги, лошади, дуновения ветра».

Как можно заметить, предложение поддается записи в виде некоего четверостишия с определенным размеренным ритмом. Звукоподражательно, повторением долгих гласных Пастернак достигает эффекта протяженной мелодии хорового церковного песнопения, исполняемого погребальной процессией, но слышен тут и медленный ритм ее поступи. «Шли и шли...» — образ и в других отношениях явно близкий «Двенадцати» А. Блока.

Еще характернее следующий абзац: «Прохожие пропускали шествие, считали венки, крестились./Любопытные входили в процессию, спрашивали:/ „Кого хоронят?“ Им отвечали: „Живаго.“/ „Вот оно что. Тогда понятно.“/ „Да не его. Ее“. — „Все равно./Царствие небесное. Похороны богатые“».

Предложения здесь даже связаны ассонансными рифмами, причем особо выделены «а» и «о».

Сравнение двух словацких переводов этих нескольких предложений романа (они весьма значимы на семантическом и лексикоально-стилистическом уровне) показывает, насколько различен подход переводчиц к материалу.

3. Есенска начинает так: «Šli a šli a spievali Večnuju pamiat'/a keď sa niekedy zastavili, zdalo sa,/že ju zo zotrvačnosti ďalej spievajú/nohy, kone, dújúci vietor./Chodci uvoľňovali sprievodu cestu, ráťali vence, prežehnávali sa./Zvedavci sa pridávali, spýtovali sa:/ „Koho to pochovávajú?“ „Živaga“./ „Aha, zato. Teraz už chápem.“/ „Ale nie jeho. Ju.“ „To je jedno./Kráľovstvo jej nebeské. Krásny pohreb.“».

Язык перевода вызывает ряд замечаний, хотя языковой узус 60-х годов, разумеется, отличался от сегодняшнего. Нескладно и не совсем точно по смыслу звучит в тексте наречие «niekedy», из-за стремления сохранить исходный синтаксис, почти непереводаемое «по залаженному» превратилось в топорное «zo zotrvačnosti» да и

«dujúci vietor» — не самое удачное решение. Однако интересно, что Есенска приближается к Пастернаку, хотя и иным путем. Возможно, больше интуитивно, а может быть, и сознательно она как бы стремилась уловить если не мелодию, то хотя бы ритм его прозы. Очевидно, прежде всего ради эвфонического ритма она сократила один «стих», опустила не несущее никакой нагрузки «им отвечали», достигнув необходимого эффекта. «Kráľovstvo» и «krásnu» создают аллитерацию.

Указалось бы близко, но вместе с тем совершенно отличен перевод В. Хегеровой: «Šli a šli a spievali Večnaja pamiat, / a keď sa chvíľami zastavili, zdalo sa, / že v speve naďalej pokračujú / nohy, kone, závaný vetra. / Chodci uvoľňovali sprievodu cestu, ráťali vence, prežehnávali sa. / Zvedavci sa pridávali k pohrebníkom a spytovali sa: / „Cí ji to pohreb?“ Odpovedali im: „Živagovcov.“ / „Aha. Tak už rozumiem.“ / „Nie jeho. Jej.“ „To je jedno. / Pán Boh jej daj kráľovstvo nebeské. Parádny pohreb.“»

В нескольких строчках заметно стремление к наиболее точному выражению основного смысла слов и фраз с помощью чутко отобранных языковых средств. Кажется, что переводчице нужно было что-то дообъяснить, с предельной точностью выразить (что, впрочем, невозможно!), что, собственно, хотел сказать автор по-русски. Ее текст подробнее, в нем большее количество слов, он даже внешне отличается от предыдущего. У В. Хегеровой любопытные спрашивают, «чьи это похороны?» (не «кого хоронят?»), и им отвечают: «Živagovcov» (не «Živaga»), что по-славянски удачнее в смысле конкретного значения, ибо сразу же уточняется, что хоронят женщину. Но нечто совсем иное содержится во втором, скрытом значении. Ведь Пастернак хочет сказать, что здесь «хоронят живого» (тем самым приоткрывается один из двух основных содержательных пластов романа), и эти переворачивающие душу похороны символизируют похороны России, раздавленной революцией и гражданской войной. У Есенской процессия поет «Вечную память», что вызывает суггестивное представление об исторической памяти народа, воскрешающей погребенное. У Хегеровой остается просто песнопение «Вечная память», вследствие чего утрачивается глубинный ассоциативный смысл. К такой объективной интерпретации, следовательно, ближе по правилам не вполне корректный перевод Есенской.

Особая проблема — стиль романа Пастернака. Здесь автор использовал своеобразные средства. В повествование органично вkomпонован церковный язык, последующий текст как бы становится его производным. Благодаря этому в ключевых местах ощущается атмосфера особого мифологического языка или языка с мифологическими элементами, характерного для поэтики некоторых модернистских произведений. Он оказывается в противоречии с выражаемым на нем содержанием, которое по логике сюжета и приемов соответствует образцам классической русской реалистической прозы XIX в. Очевидно, это и имел в виду Д. Лихачев, когда писал в связи с «Доктором Живаго»: «Если бы роман был написан в совершенно иной, новаторской манере, он был бы более понятен» [3. С. 5]. Это связано с известным доминированием того, что именуют «поэзией» языка, и с ее многоплановыми вариациями. Здесь заключена тайна стиля «Доктора Живаго», также основанного на упоминавшемся принципе двуединства.

Передать стиль этого произведения, который, кажется, «возможен» лишь в языке оригинала (как это бывает в поэтических произведениях), — несомненно, сложная переводческая задача. Трудно со всей определенностью установить, кто из славянских переводчиц более преуспел в ее разрешении.

Приведем такой пример: «Святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный, помилуй нас. Что это? Где он? Вынос. Выносят. Надо проснуться. Он в шестом часу утра повалился одетый на этот диван. Наверное у него жар. Сейчас его ищут по всему дому, и никто не догадается, что он в библиотеке спит-не проснется в дальнем углу, за высокими книжными полками, доходящими до потолка».

Во внутреннем монологе Живаго содержатся символические ноты, продолжающие погребальную хоровую молитву женщин и задающие интонацию всему тексту. Особая форма сложного сказуемого «спит-не проснется» характерна для русской сказки и вообще для фольклора; особый порядок слов «он в библиотеке спит-не

проснется в дальнем углу» как бы «подслушан» автором в церковном песнопении. Конечно, такой текст требовал от переводчика больших усилий в поиске словацких эквивалентов. И даже по небольшому отрывку можно судить, что в обоих переводах отчасти приглушено то, что было «закодировано» Пастернаком.

Есенска по-своему пытается воссоздать эту грань текста, однако не вполне в соответствии с сегодняшним пониманием художественного перевода: «„Bože svätý, Bože mocný, Bože večný, zmiluj sa nad nami“. Co je to? Kde je? Pohreb. Vynášajú truhlu. Musí sa prebudiť. O šiestej ráno sa zvalil oblečený sem na diván. Nebodaj ma horúčku. Teraz ho hľadajú po celom dome a nikto sa nedomyslí, že on spí v knižnici a nezobudí sa vo vzdialenom kúte, za vysokými knižnými policami, čo siahajú až po povalu».

В своем переводе Есенска следует за русским синтаксисом, «подражает» ему в словацком — «он spí v knižnici a nezobudí sa vo vzdialenom kúte», и не создавая нового, который был бы генетически связан в данном случае со словацким церковным пением или, например, вызывал соответствующие ассоциации каким-то другим способом. Такой подход характерен в некоторой степени для поэтики всех «русских» переводов Есенской. По поводу ее перевода (первой половины 50-х годов) чеховского рассказа «Скрипка Ротшильда» С. Леснякова писала, что он «стремится произвести то же впечатление, что и оригинал, но не на базе эквивалентности выражений, а скорее за счет намеренного остранения перевода, подчеркивающего идиолект переводчика» [11]. В конце 60-х годов, при переводе пастернаковского «Доктора Живаго», Есенска более дисциплинированна, она подчеркивает не свой, но авторский идиолект и своеобразное настроение оригинала.

Очевидно, это было обусловлено и ее личным положением признанной переводчицы, уже успевшей удовлетворить свои амбиции, и общей тенденцией к выдвиганию на первый план национального своеобразия в мышлении и в искусстве. Есенска хотела выявить русское начало, русскую духовность этого произведения. Свою роль здесь, конечно, сыграла и интуиция, осознание того, что иначе ей за короткое время (насколько нам известно, отведенное для перевода время было ограничено) не удастся совладать с этим произведением (хотя она, по-видимому, понимала и недостатки, которые таятся в таком подходе).

В. Хегерова переводит текст тщательно, строго исходя из возможностей словацкого языка, в техническом и семантическом отношении точно отражая текст подлинника, и по существу, безусловно: «„Svätý Bože, svätý mocný, svätý nesmrtný, zmiluj sa nad nami.“ Čo je to? Kde je? Odobierka. Vynášajú truhlu. Musí sa prebudiť. O šiestej ráno sa zvalil oblečený sem na diván. Asi ma horúčku. Teraz ho hľadajú po celom dome a nikto sa nedomyslí, že on spí tuhým spánkom v kúte knižnice, za vysokými regálmi siahajúcimi po povalu». Но хотя даже в первом предложении (церковное пение) вместо «Bože svätý, Bože mocný, Bože večný» (как у Есенской) найдено более подходящее «Svätý Bože, svätý mocný, svätý nesmrtný» — это не язык Пастернака. Дело в том, что параллельно утрачивается необходимый ориентир, внимание не заостряется на упомянутых символах, текст в какой-то мере лишается «поэзии», спрятанной в нем автором.

Мы вновь и вновь сталкиваемся с главной проблемой перевода этого произведения. Поскольку в связи с ним можно говорить о прозе поэта, в которой поэтический принцип является определяющим, был бы явно уместен особый синкретический метод его перевода, соединяющий в себе и поэтическую, и прозаическую переводческую тактику.

Ведь и роман посвящен прежде всего тому, как человек становится поэтом, русским поэтом. Его глубинная сущность в том, чтобы показать психологическую обусловленность творчества, процесс творческого вдохновения. В 80-е годы на словацком языке появился выполненный Ф. Увачеком перевод «Науки расставания» В. Каверина, в известном смысле близкого Пастернаку (в возрастном и творческом отношении). Словацкий читатель мог отметить интертекстуальную близость этого произведения с «Доктором Живаго» в переводе З. Есенской. Эта близость не была

случайной. Герой Каверина — журналист, который также любит двух женщин (но лишь одну из них — большой самоотверженной любовью) и мечтает написать роман. Автор, подобно Пастернаку, отождествляет любовь и творчество, но, в отличие от него, не придавал им такого трансцендентального масштаба. Произведение было реалистическим и потому менее сложным, а внимательное прочтение обнаруживало его отношение к роману Пастернака. Его можно воспринимать как реквием по «заживо погребенному» великому литературному творению. В то время, когда Каверин писал свой роман, не было надежды, что «Доктор Живаго» может быть издан в Советском Союзе.

Это произошло лишь через тридцать три года после его написания. Современная критика отмечает много недостатков романа — например, известную фрагментарность, неупорядоченность и непроработанность некоторых сюжетных узлов, целых сюжетных линий. Представляется, однако, что именно в этом его достоинства. Ведь здесь очевидно стремление уловить, психологически постичь облик мира, который формирует поэта. Именно под влиянием этих обрывочных, неупорядоченных обстоятельств поэт «воспламеняется» божественной искрой вдохновения, приближается к стихии мистического. И потому постоянно повторяется мотив горящей свечи, звезды, света. Кульминация романа наступает тогда, когда доктор Живаго с Ларой и ее дочерью поселяется в Варыкине, чтобы в упоении своей любви хоть на время укрыться от смертельной опасности. Здесь Живаго становится поэтом, начинает писать, светится внутренним светом вдохновения. Вспомним сцену, когда до поздней ночи он пишет, и Лара в полусне обращается к нему: «А ты все горишь и теплишься, свечечка моя ярая!» [8. № 4. С. 60].

Соответствующий фрагмент у Пастернака: «Часто потом в жизни я пробовал определить и назвать тот свет очарования, который ты заронила в меня тогда, тот постепенно тускнеющий луч и замирающий звук, которые с тех пор растеклись по всему моему существованию и стали ключом проникновения во все остальное на свете, благодаря тебе» — у Есенской передан с заметно усиленной экспрессивностью: «Často som sa potom v živote pokúšal nájsť definíciu a meno pre ten čarovný jas, ktorým si ma vtedy zaplavila, pre ten blednúci lúč a zanikajúci tón, čo odvtedy presiakli moju dušu a stali sa mi kľúčom, ktorým som, vďaka tebe, odomykal všetko ostatné na svete».

«Свет» у нее — «сияние», «существование» — «душа», луч «меркнущий» (что в связи с образом звездного сияния оказывается очень эффектным), луч и звук «пронизали», а не «растеклись». В. Хегерова хочет «прояснить» местами неясный язык автора («часто потом в жизни...» — «позднее в жизни я, таким образом, часто...»; «ключ проникновения» — «ключом, с которым я благодаря тебе проникал»: «Neskôr v živote som sa potom často pokúšal definovať a pomenovať to svetlo očarenia, ktoré si na mňa vtedy vrhla, ten postupne hasnúci lúč a tíchnúci tón, čo sa vtedy rozliali po celej mojej bytosti a stali sa kľúčom, ktorým som vďaka tebe vnikal do všetkého ostatného na svete».

Словацкий поэт Ян Замбор заметил по поводу акцентированности света в поэзии Пастернака: «...Состояние неизменного вдохновения, т. е. состояние перманентного творчества, рождения, возрождения в действительности трудно отделить от трансцендентального измерения, и они главным образом и создают духовное измерение лирики Пастернака, присущее ей уже в первых стихах и достигающее в „Стихотворениях Юрия Живаго“, где появляются евангельские мотивы, уровня сакральности. Если посмотреть на вещи сквозь призму авторского видения в одном из стихотворений цикла, „Рождественская звезда“, то искусство и культура после Рождества Христова — по существу, отблеск того чуда, отблеск Вифлеемской звезды» [12].

Поэтическое видение этой звезды в себе самом, ее восход, яркий свет, огонь, а затем спогорание, составляют внутреннюю сущность романа Пастернака. Это та звезда, о которой говорится в откровении Иоанна Богослова: «Я есмь корень и потомок

Давида, звезда светлая и утренняя» (От. 22:16). Роман о том, что поэт в состоянии наивысшего вдохновения становится светом. А свет — это Бог.

Все это, однако, зависит и от прочтения, интерпретации. Итак, мы располагаем двумя прочтениями романа, отраженными в двух словацких переводах. Они отличны друг от друга, каждая из переводчиц по-своему пользовалась языковыми и выразительными средствами, по-своему подошла к материалу. В переводах отразились и черты эпохи, и ее требования.

Зора Есенска, при характерном более свободном, авторском методе перевода, стремилась постичь произведение «извне», что было бы продуктивным при условии более глубокого понимания общего замысла и большего внимания к адекватности его словацкого языкового облика. «Изнутри», путем последовательной передачи текста, перевела роман В. Хегерова. Поэтому ее перевод чище, современнее в языковом отношении, легче читается. Он подчинен абсолютно ясной концепции. Однако этот перевод не дает почувствовать поэтического, трансцендентального начал, составляющих органическую часть внутренней структуры произведения Пастернака.

В целом можно констатировать, что несомненно сложная семантическая полифоничность послужила для обеих переводчиц препятствием в освоении этого панорамного романа во всей его полноте. В свою очередь это обстоятельство подтверждает жизнеспособность романа: подлинно художественное произведение сопротивляется раскрытию своей тайны.

В заключение подчеркнем тот достойный внимания факт, что в отличие от многих других литератур словацкая обладает двумя различными переводами «Доктора Живаго», выполненными на высоком профессиональном уровне. Не исключено, что в будущем новые обращения к переводу этого произведения принесут и новое его прочтение, ибо каждое поколение имеет право на собственную интерпретацию значительных памятников литературы. Быть может, к такой попытке когда-нибудь обратится зрелая творческая личность со своеобразным, оригинальным мировосприятием, тонкий, образованный и искушенный в переводе прозы поэт. Однако и это не будет означать, что тернистый путь к произведению Пастернака, к душе писателя будет полностью успешно завершён. Именно сложность его духовного мира обостряет и трудности при переводе «Доктора Живаго».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Jesenská Z.* Vyznania a šarvátky. Bratislava. 1963. S. 208.
2. *Slimák I.* Román ako problem prekladu//*Romboid*. 1990. Č. 6. S. 41.
3. *Лихачев Д.* Размышления над романом Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»//*Новый мир*. 1988. № 1.
4. *Горелов П.* Размышление над романом//*Вопросы литературы*. 1988. № 9. С. 54—81.
5. *Гибриан Дж.* Леонид Пастернак и Борис Пастернак: полемика отца и сына//*Вопросы литературы*. 1988. № 9. С. 104—125.
6. *Флоренский П.* Троице-Сергиева Лавра и Россия//*Свяц. Павел Флоренский*. У водоразделов мысли. Т. 1. Статьи по искусству. М., 1985. С. 69.
7. *Valéry P.* Poesie a abstraktní myšlení//*Valéry P.* Literární rozmanitosti. Praha. 1990. S. 24.
8. *Пастернак Б.* Доктор Живаго//*Новый мир*. 1988. № 3. С. 95.
9. *Флоренский П.* Имена//*Вопросы литературы*. 1988. № 1. С. 167.
10. *Якобсон Р.* Работы по поэтике. М., 1987.
11. *Lesňáková S.* Varianty prekladu umeleckého diela a dobová charakteristika ich poetiky//*Československá slavistika*. 1988. S. 217.
12. *Zambor J.* O fenoméne Pasternak//*Slovenské pohľady*. 1992. № 6. S. 117.

© 1994 г. ИЛЮШИН А. А.

МИНУС-ПРИЕМ В ВЕРСИФИКАЦИИ (к проблеме «стиховычитания»)

В эпоху Возрождения среди иных искусствоведческих идей созрела одна, очень важная для предполагающихся в этой статье построений. Приблизительно, и, так сказать, своими словами: в искусствах властительны простые арифметические действия сложения и вычитания, в соответствии с чем они могут быть по преимуществу либо слагательными, либо вычитательными. Именно по этому признаку Микеланджело противопоставлял скульптуру живописи, разумея, что первая осуществляется «в силу убавления», а вторая — «путем прибавления». Ему вторил его младший современник Дж. Вазари, видевший в скульптуре искусство, которое «путем удаления излишнего материала» превращает каменную глыбу в статую [1]. Ваятель, таким образом, вроде бы и не творец, ничего не созидает, а лишь убирает ненужное. Он, по Микеланджело, лишен превосходства над камнем, в котором таятся идеи и возможности совершенных форм — их нужно угадать и вычленишь, повинувшись разуму:

И лучший мастер не измыслит боле
Того, что мрамор сам в себе вмещает;
Его ж идею тот лишь воплощает,
Чья длань послушна разуменья воле [2]

(Пер. А. Илюшина)

Впоследствии такое отношение к скульптуре как к искусству вычитательному разделялось многими ваятелями, в их числе О. Роденом. Мнение, в чем-то даже парадоксальное, стало расхожим¹.

Если под этим углом зрения посмотреть на словесность, то сразу покажется очевидным, что в ее сфере конструктивен принцип слагательности, а не вычитательности. Литературное произведение — сумма слов, фраз, других ли составляющих его компонентов, нечто складывавшееся и в результате сложившееся. Что касается версификации, то тут самый термин «стихосложение» включает в себя «сложение». Корень — слог/слож, т. е. слагать стихи — это значит складывать слоги, по-гречески силлабы (в связи с чем силлабика есть первооснова версификации). Вопросам стихосложения посвящена обширная научная литература. Слова «стиховычитание» антонимичного «стихосложению» нет. Не потому ли, что, подобно живописи и в от-

¹ Илюшин Александр Анатольевич — д-р филол. наук, профессор МГУ.

² В этом отношении примечательна обращенность искусствоведческой мысли к проблеме «*pop finito*», сопряженной с идеей вычитательности [3]; см. также [4].

лично от скульптуры, версификация чужда принципу вычитательности? Но не будем торопиться с подобными предположениями.

Случалось, что поэзия осознавала свою родственность скульптуре — в частности, воспевая ваятеля, угадывающего в глыбе мрамора будущее изваяние. Р. О. Якобсон показал, насколько глубоко символика А. С. Пушкина отражает проблемы скульптуры [5]. Правда, он прошел мимо существенного в таком контексте вопроса о вычитательности² и почему-то не вспомнил известные слова из «Египетских ночей»: «Каким образом ваятель в куске каррарского мрамора видит сокрытого Юпитера и выводит его на свет, резцом и молотом раздробляя его оболочку? Почему мысль из головы поэта выходит уже вооруженная четырьмя рифмами, размеренная стройными однообразными стопами?» Так говорит итальянец-импровизатор, и в его устах несколько странно звучит упоминание об однообразных стопах, вовсе не свойственных итальянскому (силлабическому) стиху. Но важнее другое. Проведена прямая аналогия между ваянием и поэзией, причем в скульптуре акцентирован принцип вычитательности, что дает основание для попыток «примерить» его и поэзии, версификации. Сходная аналогия еще до пушкинских «Египетских ночей» сформулирована в стихах поэта-декабриста Г. С. Батенькова («Тюремная песнь», 1828 г.):

Вот камень, твердый и холодный,
И признака в нем жизни нет.
Вот грубиян язык народный,
Иным посмешища предмет.
Резец Венеру в камне сыщет,
Певец, как соловей, засвищет,
Холодный, грубый — где они?
Зри! Огненный язык слетает,
Его всяк в меру понимает,
Им боги говорят одни.

Здесь двойной параллелизм: камень — язык и ваяние — поэзия. Этот параллелизм подчеркнут анафорой (Вот — Вот) и начальной рифмой (Резец — Певец). По отношению к скульптуре акцентирована вычитательность: камень минус нечто — статуя. И так же с поэзией: язык минус нечто (его природная-народная грубость) — песня. В споре Б. В. Томашевского с Л. И. Тимофеевым последний утверждал, что «нет ничего в стихе, чего не было в языке»; первый, признавая, что это «справедливо», тем не менее возражал: «В языке нет самого явления стиха» (см. [7]). По Л. И. Тимофееву получается, что язык минус нечто — стих. Такая постановка вопроса представляется нам по-своему перспективной. В высокую же одухотворенность языка (пусть даже «грубияна») поверить как-то легче, чем в одухотворенность камня, в котором — а не в своей голове — скульптор видит вместителище многообразных идей и всевозможные комбинации художественных форм.

Итак, и в поэзии, и в стиховедческой литературе обнаруживаются высказывания, созвучные идее «стиховычитания». Впрочем, заявить о себе она может и в споре с несозвучными ей решениями. Вам пытаются показать крестик плюса, а вы видите, что это всего лишь черточка минуса. В. Е. Холшевников расслышал в первом четверостишии стихотворения Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла» обилие плавных сонорных «л», но тут же признался, что в произвольно выбранных отрывках из пушкинской прозы доля этих плавных в общем количестве согласных приблизительно та же. «Между тем в прозе, — все же настаивает он, — мы совсем не слышим какой-то особой звучности. Отчего это происходит? От двух причин» [8]. И далее поясняется, от каких именно. Неубедительность предложенных пояснений — дело второстепенное, этого касаться не будем. Для нас в данном случае существеннее некорректность самого наблюдения. Плавных «л» в анализи-

² В то же время некоторые лингво-поэтические аспекты вычитательности, существенные для словесного искусства, освещены в работе Р. О. Якобсона «Лингвистика и поэтика» [6].

руемом тексте скорее мало, чем много. Мало в том смысле, что их могло бы быть больше и звучали бы они значительно слышнее. Для этого достаточно в первой строке употребить глагол в форме не настоящего, а прошедшего времени — «легла» с двумя «л» вместо «лежит» с одним «л»:

На холмы Грузии легла ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою...

Возникла бы, сверх всего, богатая и звучная внутренняя рифма в первом стихе: *легла* — *мгла*, где «л» занимает опорную позицию, так что неиспользование Пушкиным такой напрашивающейся возможности — нечто большее, нежели просто потеря лишь одного «л». Коль скоро это так, то ни о каком обилии этого звука в «На холмах Грузии...» не может быть и речи. Нет оснований говорить о приеме повтора (звукового), о нагнетании определенного согласного, напротив, применен анти-прием, минус-прием, ограничение-вычитание.

Кстати, и все стихотворение в целом в его окончательной редакции создано с помощью вычитания: из четырех написанных строф третья и четвертая отброшены, остались две. Первая подправлена: «Все тихо. На Кавказ идет ночная мгла» минус «Все тихо. На Кавказ идет...» плюс «На холмах Грузии лежит...» равняется «На холмах Грузии лежит ночная мгла» — и еще аналогичного типа операция со следующей строкой. Подробнее ход авторской работы над текстом осветил С. М. Бонди [9]. И можно рассудить, сопоставляя черновую редакцию с белой, что несостоявшееся в стихотворном тексте или вычтенное из него ушло в подтекст; термин, может быть, небезупречный, но в текстолого-стихovedческом смысле весьма удобный.

Отношения между текстом и подтекстом могут носить как синтагматический, так и парадигматический характер. «На холмах... лежит» (текст) и «На холмах ... легла» (реконструируемый нами подтекст) — тут чистая парадигматика в самом узком и точном лингвистическом понимании. «На холмах Грузии лежит...» (окончательный текст) и «Все тихо. На Кавказ...» (черновой вариант) — так называемые разночтения, тоже входящие в парадигматику поэтического текста, но понятую уже не узко-лингвистически, а более широко. С другой стороны, соотносительность восьмистишного текста окончательной редакции с не вошедшими в нее двумя катренами черновика — синтагматическая, линейная. Так же и в тех случаях, если текст частично утрачен: его недостающие фрагменты, зияющие пустоты становятся своего рода подтекстом, связи которого с текстом опять-таки синтагматичны.

«Стиховедов часто упрекали в том, что они занимаются лишь формой стиха, не связывая ее с содержанием» [10], — заметил М. Л. Гаспаров. При этом описательность кажется мертвой и скучной (как часто и наука вообще). Это ямб, а вот хорей, а тут анапест — тоска, тоска! И чем детальней, математизированней описание, тем тоскливее. Профессор, снимите очки-велосипед. «Бойкий хорей», «упругий ямб», «надрывный анапест» — как бы живее и веселее, но оживленность какая-то примитивно-пошловатая и непрофессиональная. Разумеется, предпринимались и более серьезные попытки sprychnyть формалистику живой водой, связать «ритм и смысл» и еще добавить в их смесь эмоций. Удачные же опыты по выявлению семантических ореолов, окружающих различные метры [11], убеждают в том, что стиховедение и впрямь становится увлекательным, осваивая не сами по себе стиховые формы, но их содержательность. Собственно, мы и не предлагаем от нее отворачиваться, без нее не обойтись. Но при этом главное внимание будет уделено неосуществленному и несбывшемуся, несостоявшимся формам и смыслам, которые так или иначе корреспондируют с формами и смыслами получившегося текста.

Изведенные поэтом «тысячи тонн словесной руды», да еще если к тому же они сохранились и учтены текстологами, — лишь малая доля намечаемой проблемы, требующая от исследователя квалифицированного внимания к черновым редакци-

ям, творческой истории произведения, но не более того. Здесь излишни домыслы и фантазии, игра воображения, воссоздающего возможные нереализованные варианты текста, изобретательность в разработке конъектур и т. п. Между тем все это понадобится для решения иных вопросов — в ситуациях, когда стиховедение перестает быть пассивно-описательным или только описательным и становится активным и сотворческим по отношению к поэзии, самостоятельно создавая парадигматические ряды ее текстов, либо же восполняя пробелы в синтагматических рядах. Активность соблазнительна. Можно понять стиховеда, которого именно поэтому тянет заняться, например, реставраторством порченных, дошедших до нас в искаженном виде памятников поэзии, или, допустим, практикой поэтического перевода.

Кстати, в самом деле: что такое стихотворный перевод? Скажем так: это межъязыковая парадигматизация поэтического текста. Русский поэт, чьи стихи, предположим, переводятся на белорусский, казахский и осетинский, должен быть доволен не потому, что вот теперь их прочитают белорусы, казахи и осетины: они и в оригинале могли бы это прочитать, что обычно ценится выше — как приобщение к полноте. Прелесть переводов в другом. Они создают межъязыковой парадигматический ряд поэтических текстов, престижно возглавляемый текстом оригинала. Быть вне этого ряда — как-то одиноко и грустно: не выстраивается, хотя мог бы и выстроиться, что бы там ни говорили о том, что такой-то поэт совершенно непереволим на другие языки. Впрочем, бывают и такие тексты, которые принципиально противятся переводу и как бы предупреждают: stop translating! Таковы макаронические стихи. Если у Симеона Полоцкого в пределах одного произведения — латынь, польский, старобелорусский и церковнославянский языки, то нелегко это произведение перевести ни на один из них, да в сущности и вообще ни на один язык. Или мятлевскую «Курдюкову» на французский — точно так же невозможно. В подобных случаях разноязычие текста становится фактором его синтагматики и неодолимо препятствует межъязыковой парадигматизации — переводам.

Русское виршеписание второй половины XVII — первой трети XVIII в. существовало в атмосфере полонифильства и соответствующей этому обращенности к образцам полоноязычной силлабики. Так было от Симеона Полоцкого до раннего В. К. Третьяковского. В сочиненной последним «Песенке ... на мой выезд в чужие края» описательно-филологический анализ уверенно выявил бы наличие в ней полонизмов. На наш взгляд, этого мало. Полонизмы — в тексте, а нас преследует ощущение польского подтекста, узами межъязыковой парадигматики связанного с русским текстом и действием вычитания отъятого от него. Читаешь русские стихи, и сквозь них словно видишь несостоявшиеся польские. Галлюцинация? Может быть, но любопытно, что вне сферы нашего полонизированного виршетворчества не бывает подобных галлюцинаций. Здесь же, напротив, возникает впечатление, что такие-то стихи даже как-то естественнее читать по-польски, чем по-русски. Сопоставим для наглядности реальные строки Третьяковского с тем, что «мерещится» на польском языке в иллюзорном пространстве подтекста:

Ах, широки	Ach, szerokie
И глубоки	I głębokie
Воды морски разбьют боки...	Wody morskie zbiją boki...

Возможен противоположный ход. У раннего Симеона Полоцкого есть много польских стихов, некоторые из них он впоследствии перевел на церковнославянский, остальные перевести не сподобился — снова нереализованная потенция (поставленная, но не решенная задача), а значит и подтекст, причем иноязычный. Мы переводили эти польские стихи Симеона на церковнославянский [12] с целью реализовать осознанную самим поэтом возможность. Несбывшееся — воплотить.

Теперь о реставраторстве. Нередко случается так, что разрушительная сила времени или обстоятельств наносит памятнику поэзии тот или иной ущерб, видоизменяет его текст, которому, стало быть, желательно вернуть его первоначальный и должный вид. Порча может быть результатом и произвольной описки са-

мого автора, и вмешательства переписчиков, редакторов, издателей. Правильный текст при этом оказывается уменьшаемым, утраченные его фрагменты — вычитаемым, а дошедшая до нас редакция — разностью. Тут уж приходится говорить не о Венере, который применен автором, а о стихийном, дурном вычитании: не о Венере, извлеченной из камня, а о ее отколовшейся впоследствии и исчезнувшей руке. Если образовавшаяся лакуна так и остается пустотой, невосполненным пробелом, то это изъян на уровне чистой синтагматики текста. Если же фрагмент не просто утрачен, а неправомерно заменен чем-то другим, то тут уже имеем дело и с парадигматикой различий. В одном случае нужно вернуть тексту вычитаемое, во втором — тоже, но предварительно вычтя из него неправильное чтение, т. е. прежде всего обнаружив эту неправильность.

В стихотворном завещании Саровским монахам Стефана Яворского (1711), выдержанном в размере силлабического 13-сложника с цезурой после седьмого слога, мы натолкнулись на испорченные, выпадающие из указанного метра строки — два двустушия:

Выпшей брат! Над niskим не высокоумдрствуй,
но всегда себе равна быти умствуй.

.....
Имейте же наипаче любовь между собою,
истину, а не лестну совесть благою.

В таком виде эти стихи напечатаны в подготовленном А. М. Панченко сборнике «Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв.» (Л., 1970). Строки явно дефектные, в них и ритм нарушен, и смысл искажен. Достаточно посчитать слоги и сделать тщетную попытку понять логику последней строки, чтобы убедиться в этом. Предлагаемые нами исправления:

Выпшей брате! Над niskим не высокоумдрствуй,
но всегда себе его равна быти умствуй.

.....
Имейте наипаче любовь межъ собою,
истинну, а не лестну совесть благоюю.

Здесь вместо формы именительного падежа слова *брат* употреблен церковнославянский вокатив *брате!*, что грамматически мотивируется фигурой обращения, требующей звательного падежа, а просодически — восстановлением цезуры после седьмого слога, как полагается в условиях данного стихотворного размера, и превращением неуместного 12-сложника в заданный 13-сложник. В следующую строку вставлено слово *его* (т. е. низкого), которого не доставало и по смыслу и по размеру (было 11 слогов вместо нужных 13-ти). В первой строке второго двустушия сокращение на два слога (изымается частица *же*, и вместо *между* — *межь*) ведет к восстановлению искомым цезуры и 13-слоговости. Со следующей строкой дело несколько сложнее. Форма существительного *истину* заменена формой краткого прилагательного *истинну*, согласно смыслу: «истинную, а не лестную...»; и, напротив, прилагательное *благою* исправлено на существительное в форме творительного падежа: *благоюю*. В результате реставрируется рифма -ою — -ою (было: -ою — -ую??), восстанавливается 13-слоговость и уточняется смысловая конструкция: «Имейте... совесть (истинную, а не лестную.— А. И.) благоюю», т. е. пусть совесть будет вашим благом, благостью, благою. В такой редакции текст полностью отвечает законам силлабической просодии и к тому же сводит концы с концами в отношении логики.

Реставратор — в душе редактор. Велико искушение исправить явную ошибку поэта. Вот, например, как начинается стихотворное переложение письма Курбского Грозному в балладе А. К. Толстого «Василий Шибанов» (1840-е годы):

Царю, прославляему древле от всех,
 Но тонушу в сквернах обильных!
 Ответствуй, безумный, каких ради грех
 Побил еси добрых и сильных?

Обратим внимание на форму «Царю». Послание Курбского начинается так: «Царю, от бога препрославленному, паче же во православии пресветлу явившуся...». Ясно, что здесь «Царю», — дательный падеж. Дательный адресата: письмо царю. В этом убеждает согласованное с ним в дательном падеже слово *препрославленному*. В других письмах Курбского облечется дательный адресата в форму «Царевни», но здесь — «Царю», что вполне допустимо. Далее у Курбского: «Почто, царю, сильных во Израили побил еси ...?». Тут столь же очевидно, что *царю* — звательный падеж (омонимичный в этом случае дательному). А что же у Толстого? Обращение с восклицательным знаком, следовательно, должен быть вокатив, но тогда налицо несогласованность с ним «прославляему» в дательном падеже. Нужно было бы: «Царю, прославляемый древле от всех, // Но тонуший в сквернах обильных!», чтобы *прославляемый* и *тонуший* соответствовали форме *безумный* в третьем стихе. Или, если хочется оставить краткие формы причастий, то: «Царю, прославляеме древле от всех...». Если же все-таки дательный падеж, то не нужно восклицательного знака. На худой конец допустимо, наряду с «Царю, прославляему...» чтение «Царевни, прославленну». Вариант же Толстого в любом случае филологической критики не выдерживает, и в намеченном парадигматическом ряду обнаруживает свою ошибочность.

С восстановлением ущербного синтагматического ряда могут быть свои сложности. В большом стихотворении А. И. Полежаева (варианты его названия: «Александру Петровичу Лозовскому», «Арестант», «Узник»), наряду с намеренными лакунами, шифрующими политически опасный текст и дешифровка которых нами уже предпринималась и принята в последних изданиях полежаевской поэзии (1988 и 1990), имеются и такие пропуски, которые трудно с уверенностью считать маскированными. Так, В. С. Киселев-Сергенин полагает, что «в ряде случаев мы имеем дело с мнимой неполнотой текста. Нерифмующиеся строки ..., неполное количество стоп в стихе... — эти „недосмотры“ по-своему выражают необычный облик произведения, чуждого художественной законченности. Особенно показателен конец, где распад ритма ... оправдан предсмертным отчаянием автора, как бы освобождающим его от миссии стихотворца» (см. примечания к 13). Вот образцы таких стихов из двух заключительных главок:

Мятежный век свой погубя,	Я вижу ...
В слезах раскаянья тебя	... мой стон
Я умоляю! ...	Холодным ветром разнесен,
Священным именем отца	Мой труп ...
Хочу назвать тебя!.. Зову...	Добыча вранов и червей...

Можно согласиться с приведенным мнением комментатора этих стихов: не исключено, что их неполнота действительно мнимая. Осознанно примененный поэтом «минус-прием» в принципе отвергает попытки реставратора вписать в текст недостающее. Но даже это не снимает вопроса о возможном подтексте и возможностях его словесной реконструкции. Просто ли здесь пропуски, или имелся в виду намечавшийся, хотя и неосуществленный вариант полного, связного текста? Точки поставлены либо вместо неизвестно чего, либо вместо известно чего, и это немало важно (о роли точек в стихотворном тексте см. [14]). В столбце слева (третья строка) пропущено, согласно метру, три слога, завершающий, по требованию парной мужской рифмовки, ясен: *-ца*. Просчеты мыслимых в данном контексте вариантов убеждают, что если какие-то слова все же скрыты за точками, то это не что иное как «в час конца». В столбце справа последнее слово требует скорее всего рифмы *людей* с тем значением, что «мой труп» для людей ненавистен. Ср. с полежаевскими стихами из позднейшей поэмы «Чир-Юрт»: «Ужель последней ночи тьма//За-

станет труп мой, все бесславный, // Все ненавистный для людей, // Отраду вранов и червей?». Здесь связный текст воспринимается как новая редакция бессвязного и соответствующим образом выявляет характер его подтекста.

Наши дальнейшие примеры обратятся к самым разным областям версификации, будь то стихотворный метр или конфигурация рифм, акrostих или анафора, звукопись или звуковые стяжения. В каждом случае предполагается установка на выявление подтекста — тех форм и смыслов, которые вычтены из текста и парадигматически соотнесены с его формами и смыслами. Если, к примеру, перед нами акrostих, то попытаемся разгадать, не намекает ли он как-нибудь на то, что мог бы быть несколько иным — для чего достаточно минимального вмешательства в текст и минимальной его деформации с определенной мотивированной целью. Случай, конечно, редкостный, но, как выяснится, возможный.

У М. Хоникова есть стихотворное обращение «К читателю» (1679), сочиненное как вступление к переложениям библейских сюжетов. Оно состоит из 28 13-сложных строк и заключает в себе акrostих — читая по вертикали сверху вниз начальные литеры каждого стиха, получаем текст: «Монах Мардария Хоников трудился». Букву «л» в слове *трудился* дает третья от конца строка: «Лепо хвалити должнствую творца благаго». Все как будто на своих местах, все ясно, и какой же подтекст может здесь подразумеваться? Дело, однако, в том, что подобные акrostихи XVII в. — с указанием имени трудившегося сочинителя — часто оснащались глаголом в несколько странной форме первого лица: «Герман пою» вместо «Герман поет», «Герман писах» вместо «Герман писа» (или «писал»), т. е. имя автора грамматически вело себя как личное местоимение Аз. По такой модели, прибегнув к форме первого лица аориста, Хоников вполне мог бы написать *трудихся* вместо *трудился*, и видно, что он был вплотную рядом с этим решением. Достаточно переставить два первых слова в приведенном стихе (операция, от которой не терпит никакого ущерба силлабический ритм строки) — и получится «Хвалити лепо...», т. е. стих начнется с литеры «л» и, соответственно, в акrostихе прочитаем: *трудихся*, первое лицо аориста, по образцу «Герман писах».

Сама по себе форма аориста *трудихся* нимало не противоречила языковому опыту Мардария (аналогичные формы *не смех*, *дерзнух* имеются в тексте этого же стихотворения). Буквы же «л» и «х» соотносимы не только в плане форморазличения перфекта и аориста (*трудилСя* — *трудихСя*), но и противопоставлены в антонимической паре *Лепо* — *Худо*, имеющей особую значимость в творческом сознании скромного поэта, сознававшего, что он пишет *худо*, хотя должен это делать *лепо* (о чем опять-таки говорится в стихотворении). Сверх того, первая в акrostихе — в слове *монах* — буква «х» точно так же, как в сочетании *Лепо хвалити*, начинает слово, соседнее которому начинается с «л»: «Художне лица в кнize сей изображенна». Все эти вместе взятые соображения — в пользу того, что выявленный подтекст акrostиха, связанный с парадигматическими возможностями глагола *трудитися*, явился не игрою случая, но результатом сознательных авторских построений. Содержательная же мотивировка этого подтекста, как представляется, может быть объяснена в соотнесенности с «ячеством» поэтического имени, характерным для русского барокко [15].

В рассмотренном случае для обнаружения подтекста понадобилась лишь мысленная перестановка двух соседних слов. Действие весьма простое. Испробуем его же и в следующем примере, но уже применительно не к краегранесию (акrostиху), а к красогласию (рифме) — к конфигурации или порядку рифм, причем на материале совсем иной эпохи. В стихотворении С. Я. Надсона «Песни Мефистофеля» (1886) есть строки:

...Слагая свой бесцветный стих,
Ты вряд ли дух речей моих
Сумеешь людям передать.
Но мёгде мне искать других:
Храм опустел... Парнас затих,
Пегас стал чахнуть и хромать...

Порядок рифм в этом стихотворении вольный, оно астрофично. Клаузулы сплошь мужские, что снимает проблему альтернанса. Приведенные шесть строк образуют фигуру ааваав. Теперь заметим, что в четвертом стихе можно поменять местами последнее слово с предпоследним, так что получится: «Но негде мне других искать». При этом рифмовка безупречно сохраняется, между тем конфигурация рифм становится другой: ааввав, что вполне допустимо в условиях астрофического текста. Нам даже кажется, что Надсон колебался — как лучше написать: «...искать других» или «других искать». И вот решение принято; реализованный возможный вариант становится текстом, нереализованный (но столь же возможный) — подтекстом. Если бы решение оказалось иным, то соответственно поменялись бы местами текст и подтекст.

Несколько слов в этом плане о стихотворном метре. Стихотворение, допустим, написано амфибрахийем, но «сквозь» этот амфибрахий довольно отчетливо виден несостоявшийся дольник. При всей хрестоматийности лермонтовского стихотворения «Ангел», при нашей привычке видеть его таким, каким оно написано, в его правильном метре как бы подозревается несбывшийся дольник, у которого были все основания состояться, но мастер не захотел этого и не допустил ритмических стяжений, заполнив намечавшиеся «пустоты» односложными, необязательными (обязательными лишь для амфибрахического метра) словами. Воспроизведя две первые строфы стихотворения, выделим слова, отсутствие которых превратило бы амфибрахий в дольники и привело бы к варьированию анакруз, допускаяшемуся М. Ю. Лермонтовым в других случаях.

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Стяжения возможны и в последующих двух строфах: в *объятых* вместо *объятиях*, *желаньем* вместо *желанием* — это поддержало бы ритмический строй дольника. Кстати, всякого рода стяжения — синерезы (типа *Напольон* в известной подделке X главы «Евгения Онегина»), синкопы (*президент Съединенных Штатов* у Д. А. Пригова), синицезы (*Дмитрев* вместо *Дмитриев*) — нагляднейшие минус-приемы в стихах [16]. Как бы то ни было, Лермонтов в данном случае оказался далек от намерения продемонстрировать дольник, «спрятав» его в потайном погребке подтекста. Между тем Лермонтову была доступна техника ритмических стяжений, преобразующих амфибрахий в дольники или логазды: таковые использованы им в стихотворениях «В рядах стояли безмолвной толпой», «Лилейной рукой поправляя», «На бурке под тенью чинары». Прибежал он и к скользящим анакрузам — в «Русалке». По этим моделям вполне мог быть преобразован и «Ангел», но здесь традиционализм правильного метра взял верх.

Рассмотрим редкий частный пример того, как в версификационный подтекст ушел несостоявшийся компонент звуковой анафоры. Вот начальное слоговое созвучие в первых строках стихотворения Н. А. Некрасова «Демону» (1855):

Где ты, мой старый мучитель,
Демон бессонных ночей?

Созвучие: *Где* — *Де...* Но достаточно было бы в первом стихе употребить местоимение не второго, а третьего лица — и созвучие стало бы значительно полнее: *Где он* — *Демон*. Почему автор отказался от такого соблазнительного хода? Можно полагать, что фигура обращения в следующем двустии: «Сбился я с толку, учитель, / / С

братьей болтливой моей» — требует и в первом двустии аналогичного обращения «на ты». Но, с другой стороны, некрасовская стилистика вполне допускает внезапные переключения с повествования, в котором о ком-то говорится как «о нем» в третьем лице, на обращение к нему как «к тебе» — во втором лице: так, в стихотворении «Эй, Иван!» сразу после строки «Вдруг исчез Иван» следует строка «Как живешь ты на свободе?». С Демоном могло бы получиться так же — сначала «Где он?», а потом разговор с ним «на ты». Но не получилось. Составная звуковая анафора оказалась нереализованной, ее вторая — местоименная часть вычтена, т. е. опять-таки применен минус-прием.

О звуковой инструментовке стиха легче всего говорить, имея в виду систему эфонических приемов, преимущественно аллитерации или звуковые повторы (кстати, в том числе и анафоры). Но наивно было бы полагать, что эфония сводится к этим приемам. Сочетание разных звуков, конечно, может быть эффективнее, чем повторение одного, — слово *мерцание* благозвучнее слова *незнание*, хотя последнее аллитерировано троекратным повтором «н»; а в первом ничего подобного нет. Тонкий знаток красот польской поэзии Б. Ф. Стахеев восхищался (в устной беседе с автором статьи) эфонией стиха из Ц. К. Норвида — «В Вероне», где упавшая с неба звезда уподоблена слезе, просочившейся в могилы Ромео и Джульетты: эта слеза

Spada — i groby przecieka ...

Едва ли объяснима особая выразительность звукосочетания «гробы пшечка» (вроде бы самое обыкновенное, и никаких звуковых повторов, ни сцеплений с фоникою ближайшего контекста) — и тем не менее она оказывается внятной и волнующей.

Гораздо легче понять выразительность звукосочетаний с заметным наличием фонических повторов — типа *прах патриархальный* или *трибун трактирный* (оба примера из «Евгения Онегина»). Применительно к подобным случаям принято говорить о явлении «паронимической аттракции» [17]. Паронимы — разные по смыслу и сходные по звучанию слова, аттракция — притягивание. Созвучия сцепляются, притягиваются друг к другу, скрепляют словесно-ассоциативные связи. Но это, так сказать, плюс-прием, а нас интересует минусовая версификация, т. е. нечто противоположное — не аттракция, а антонимичная ей детракция (удаление, лишение). И, последовательно латинизируя терминологию, назовем детракцию не паронимической (гречизм), но агноминативной (латинизм). Речь пойдет о намеренном выталкивании напрашивающихся созвучий из стихотворного текста, об отказе от соблазнительного их обыгрывания.

Был поэт, в чьих стихах агноминативная детракция стала, кажется, устойчивым принципом, характерной чертой поэтики и стилистики: О. Э. Мандельштам. У других этот минус-прием используется спорадично, у него — системно. Две строки из его стихотворения (1913):

Мелькают женщины в платках,
И твякают дворняжки шалье...

Здесь в подтексте таится слово *шаль*, как если бы среди женщин в платках мелькнула бы, скажем, цыганка в цветастой шали: срабатывает смысловая ассоциация с *платками* и созвучие с *шальми* (и то и другое слова заметны как выдвинутые в концовки строк). Наверное, многие поэты откровенно обыграли бы такое созвучие, не пряча слов в подтекст, и *шали* возникли бы рядом с *шальми*. Мандельштам же подразумеваемому созвучию предпочитает невнятный намек на его возможность. Любопытно, что в другом стихотворении (1925) упоминаются и *шаль*, и *полушалок*, а цыганка при этом не *шалит*, как можно было бы ожидать, имея в виду аналогичное созвучие, а *балует!*

В мандельштамовском стихотворении «Посох» (1914), лирический герой которого — идущий в Рим странник, соседствуют, среди прочих, две строки. Одна: «Солнцем истины палим». И следующая: «Прав народ, вручивший посох...». Полу-

чается нечто подобное тому, что наблюдалось выше в связи с *платками* — *шалы-ми*. Вынесенные в концы строк слова *палим* и *посох* вызывают ассоциативное представление по пальме. В самом деле, *палим* и *пальма* — созвучие, а к посоху паломники — «пальмники» — привязывали ветку пальмы, напоминавшую им о цели паломничества (по принципу «завяжи узелок на память»). Пилигрим — с посохом идет в Рим — солнцем палим — пальма... Опять-таки из глубин подтекста всплывают смысловые и звуковые соответствия, догадаться о которых поэт предоставляет читателю, нимало не навязывая их ему. Сходных примеров в стихах Мандельштама можно найти немало. Значительная их часть касается слов, семантически или фонически соотношенных с ключевой в его поэзии тематикой Камня (подробнее об этом см. [18]).

При всей разноречивости вопросов, затронутых в этой статье, их разработка и решение предполагают методологически единый подход к версификации. Суть его состоит в том, что стихотворный текст рассматривается не как непреложная данность, подлежащая изучению, а как некий комплекс неосуществленностей. Предлагаемая задача — разглядеть не только то, что есть в произведении, сколько то, что не сбылось и чего, стало быть, в нем нет. Нечто вычтенное, блистающее своим отсутствием (будь то не сделанный пока стихотворный перевод, не дошедшее до нас в правильной или же полной редакции стихотворение, требующее реставраторской работы, да и вообще все невоплощенное в тексте, но жаждущее если не воплощения, то хотя бы понимания). Идея привлекательная, а впрочем не без неудобств: противится тиражированию. Трудно представить, что на ее базе может быть разработана какая-то методика стиховедческого исследования, каковою руководствовались бы ремесленники-диссертанты: к их услугам — другие методики... Поэтому едва ли рядом с наукой стихосложения в полной мере разовьется наука «стиховычитания» — слишком близкая к области фантазий, чтобы вдруг отрешиться от них и стать «жизнью действительной».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Микеланджело*. Поэзия. Письма. Суждения современников/Вступ. очерк В. Н. Лазарева. М., 1983. С. 12.
2. *Michelangelo*. Rime. Milano. 1987. P. 212.
3. *Ильин И. А.* Неосуществленное в искусстве как проблема//*Ильин И. А.* История искусства и эстетика. М., 1983
4. *Парамшивили О.* Проблемы «нон финито» в искусстве. Тбилиси, 1982.
5. *Якобсон Р.* Статуя в поэтической мифологии Пушкина//*Якобсон Р. О.* Работы по поэтике. М., 1987.
6. Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
7. *Томашевский Б. В.* Стих и язык. М.; Л., 1959. С. 60.
8. Анализ одного стихотворения. Л., 1985. С. 101.
9. *Бонди С.* Черновики Пушкина. М., 1971. С. 22—25.
10. Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 282.
11. *Шапир М. И.* «Семантический ореол м.тра»: термин и понятие. (Историкостиховедческая ретроспекция.)//*Литературное обозрение*. 1991. № 12. С. 36—40.
12. *Studia polonica*. М., 1992. С. 175—192.
13. *Полежаев А. И.* Стихотворения и поэмы. Л., 1987. С. 509.
14. *Тынянов Ю.* Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965. С. 43—51.
15. *Илюшин А. А.* Проблема барочной поэтической антропонимии. Имя поэта и его литературная репутация//*Барокко в славянских культурах*. М., 1982. С. 223—225.
16. *Квятковский А.* Поэтический словарь. М., 1966. С. 266—267.
17. *Григорьев В. П.* Поэтика слова: На материале русской советской поэзии. М., 1979. С. 251—299.
18. *Илюшин А. А.* Слово — Камень (Из наблюдений над поэтикой О. Э. Мандельштама.)//*Русский язык в СССР*. 1991. № 1. С. 40—44.

КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ В ДРЕВНЕНОВГОРОДСКОМ ДИАЛЕКТЕ ¹

Определив факторы, содействовавшие сохранению исконного аккумулятива в Новгородской первой летописи, мы можем констатировать, что функционирование значительной части -ъ-форм в ЛН не подчиняется никаким морфосинтаксическим условиям, ср., например: *еп(с)нъ ... не поущахоу* из Роуси 22; *коупляху соуждальць* по .в. *ногатъ* 37; *нѣмцинъ оубиша* Данилу 116об. и др. Более того — иногда в тексте встречаются и старые формы ВП от личных имен, ср.: *даю вы снъ* свои стареишии *Костянтинъ* 72; *присла великийн кнзь...* ис Кыева *снъ* свои *Всѣволодъ* [так!] 91 об.; и *дасть имъ опя(т) снъ* свои *Всѣволодъ* 95 (4 примера в ЛН), — причем, как свидетельствует уже цитировавшийся фрагмент из Н1VJ, употребление ВП на -ъ у антропонимов не ограничивалось позицией после слова *сынъ*: *послаша* Новгородци... *посадникъ Григореи Квриловичъ* 435. Объяснять такие случаи только выравниванием формы личного имени по образцу предшествующего апеллятива [I. С. 150] было бы, по-видимому, неверно, так как параллельное использование конструкций с В=Р от имен собственных при ВП на -ъ от имен нарицательных, типа: *а снъ посади* Новѣгородѣ *Всѣволода* 9; *изволиша себе поставити бра(т) его Ильинъ. Гаврила* 47, — убеждает в отсутствии последовательного уподобления. На наш взгляд, данные примеры допустимо рассматривать как рефлекс сохранявшегося в новгородском диалекте вплоть до XV—XVI вв. функционирования исконного аккумулятива не только среди нарицательных, но и среди собственных имен.

С другой стороны, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в Синадальном списке ЛН сочетания с ВП на -ъ от имен собственных фигурируют только до 1223 г. Отсутствие таких форм в позднейших записях можно было бы истолковывать как доказательство их исчезновения в древненовгородском диалекте. Следует учитывать, однако, что отрезок 1226—1274 гг. представляет собой, как установил А. А. Гиппиус [2], «наиболее „литературную“ часть новгородской летописи», ориентированную в качестве стилистического образца на «Повесть временных лет», причем с 1234 г. начинается почерк XIV в., практически лишенный примет новгородского диалекта. Между тем совершенно очевидно, что для стандартного древнерусского языка -ъ-формы ВП от антропонимов, согласующиеся с идентичными формами от апеллятивов, были нехарактерны. Правда, несколько подобных примеров зафиксировано в Суздальской и Киевской летописях, однако в статьях, явно

Крысько Вадим Борисович — докторант Института русского языка РАН.

¹ Окончание, начало см. в № 3, 1993 г.

имеющих новгородское происхождение: *вдаю*, *вы снѣ* мой старѣишии князь *Константинъ* ЛЛ, 489 (ср. ЛН, 72); *Присла* кнзъ великий... *снѣ* свои. *Всеволодъ* в Новѣгоро(д) 502 (ср. ЛН, 91об.); *прислаша* Новгородци... кѣ Всеволодоу... и *посла* кѣ нимъ *снѣ* свои *Стославъ* ЛИ, 307 (Хлебниковский список); и *пришедшю* емоу на Лоуки с вои Новгородскими... *Романъ*... *посла снѣ* свои *Мьстиславъ* Полотъскоу 608—609. Особняком стоит уникальный пример из Радзивиловского и Академического списков: *посади* в не(м) *снѣ* свои *Ярославъ* ЛЛ, 273 (под 1097 г., в других списках — *сна* своего *Ярослава*), для истолкования которого наиболее приемлемым представляется мнение В. М. Ганцова об «известной моде письма, допускавшего архаизмы в книжную речь» [3]. При наличии эпизодического влияния новгородских текстов на летописи иных областей Руси обратное воздействие было несравненно более мощным, и поэтому неудивительно, что в Комиссионном и Академическом списках НЛ, еще в большей степени, нежели Синодальный список, дистанцирующихся от живой новгородской речи, старые винительные ЛН чаще всего заменяются В=Р. Вместе с тем важно заметить, что и в поздних новгородских летописях -ѣ формы ВП от собственных имен все же изредка наблюдаются, причем не только в записях минувших веков (*дасть* Всеволод *сынъ* свои старѣишии *Костянтинъ* НЛ, 162; *Приславъ* Мьстиславъ... *сынъ* свои *Всеволодъ* НВЛ, 195, под 1219 г., список начала XVI в.), но и при изображении современных событий (ср. пример из НІВЛ под 1463 г.).

Беспорные примеры исконного аккузатива, непосредственно управляемого глаголом или соединяющегося с предлогом, фиксируются в ЛН рядом с более сложными случаями дистантного употребления приложений, неполностью согласующихся с определяемыми словами. Речь идет о конструкциях, включающих В=Р (В=И) определяемого имени и аппозитивную форму на -ѣ/-ѣ², ср.: *посадиша* Кыевѣ Мьстислава Романовиця. *вѣноукъ* *Ростиславль* ЛН, 80; *поиня сѣ* собою... *Глѣба посаднищъ снѣ* 109 и др. (в ЛН 10 примеров, ср. [1. С. 146, 151]). Существование таких оборотов наряду с несомненно аккузативными конструкциями, которые демонстрируют чередование В=И и В=Р и отличаются от рассматриваемых сочетаний лишь порядком слов, типа *моужъ свои*. *присла*. *Романа тысячьского*. и *Михаиловъ* 101, дает основание с уверенностью трактовать соответствующие аппеллятивы как формы ВП, а не ИП. Но тем самым проясняется и аккузативный статус некоторых -ѣ-форм от личных имен, засвидетельствованных в летописях неновгородского происхождения: *Ярославъ* иде на Мазовшаны... и князя ихъ *оуби Моиславъ* ЛЛ, 155; *Изяслав*... *сна* же своего *Ярославъ посади* Туровѣ 314; *Андрѣяшь видѣвъ* кня(з) *Александръ* возвратися к своимъ 478. Однородность этих примеров не позволяет считать их описками, но явственно показывает независимость формы имени собственного от предшествующего нарицательного, что, в свою очередь, подтверждает возможность употребления исконной аккузативной формы антропонима в неаппозитивном сочетании, реализуемую в летописях единственным примером — в ЛИ по новгородскому списку: и *посади* Вышеслава в Новѣгородѣ. а *Изяслава* в Полотъсцѣ. а *Стополкъ* в Туровѣ. *Ярослава* в Ростовѣ 105 (менее вероятна, думается, трактовка выделенной формы как ИП перечисления). Поскольку в отличие, например, от аккузативов типа *мужъ свои* (запись 882 г.) или *снѣ свои* (1102 г.), неизменно сохраняющихся во всех списках ПВЛ, вышеуказанные формы личных имен не повторяются по другим спискам, правомерно, по нашему мнению, приписать их появление не влиянию протографа, а языковым особенностям конкретных писцов

² В настоящей работе в качестве определяемого рассматривается первый член атрибутивного сочетания (*вда... снѣ* *Стославъ* ЛН, 61, *послаша по* *Гюргя* по кнзю (22)), в качестве приложения — второй (соответственно *Стославъ*, *по князя*). Традиционная, но противоречивая точка зрения, согласно которой «в наименовании лиц приложением бывает имя нарицательное, а в наименовании прочих предметов — собственное» [4. С. 274], опровергается, на наш взгляд, тем фактом, что и личные имена, и названия предметов, занимающая второе место в словосочетании, могут не согласовываться с определяемым и обособляться от него, а следовательно — в равной степени являются приложениями, ср.: <с> своимъ воеводоу *Есифъ сынъ Киприяновъ* ПНЛ, 182 — совр. Наши войска освободили город *Орша*.

ЛЛ и ЛИ, т. е. проникновению речевых оборотов в стандартизированный летописный текст, обычно избегающий старых винительных от антропонимов. Коль скоро, однако, эти формы наличествовали даже в тех диалектах, которые (как говор писца ЛЛ) к XIV в. уже существенно сузили использование В=И, естественно предположить, что в древненовгородском диалекте, тем паче в более ранние периоды, собственные имена с ВП на -ъ были вполне обычны, и незафиксированность соответствующих примеров в ранних берестяных грамотах (на фоне единичных форм В=Р) не может считаться достаточно показательной.

Проанализированные факты со всей очевидностью демонстрируют особое значение синтаксической позиции приложения для консервации исконного аккузатива: как мы видели, многие примеры ВП на -ъ от имен нарицательных и все примеры от имен собственных фиксируются в новгородских летописях в аппозитивной функции. Весьма знаменательна в данном аспекте форма *щитник* в контексте: посадиша с нимъ... Микифора *щитник* ЛН, 106—106об., — оставленная писцом вообще без окончания, что, очевидно, отражает его сомнения относительно выбора диалектной или общерусской флексии. Еще более яркое варьирование проявилось при передаче аккузативных приложений, выраженных в ЛН -ъ/-ь-формами, в Комиссионном (К.) и Академическом (А.) списках (запись 1219 г.): в двух случаях писцы XV в. заменили свойственную их диалекту старую форму ВП у существительных, сохранив, однако, первоначальную форму прилагательных, ср.: *связавъ Моисѣица бириць ябетницъ* ЛН, 90 — *бирица ябетницъ* (К.), *бирича ябетничъ* (А.) НЛЛ, 259; *оубиша...* Ивана Доушильцевица. *бра(т) Ма(т)евъ* ЛН, 90 об. — *брата Матѣевъ* (А.) НЛЛ, 259 (в К. — *брата Матѣева*). В плане дальнейшей эволюции подобных конструкций весьма интересны две формы из псковской летописи, отражающие в позиции приложения архаическую форму ВП от личных имен: *прислалъ пискоупъ...* посла своего, *Иванъ Бобровъ, Иванъ земскыи* ППЛ, 196 (список XVI в.); И псковичи и друогого посла *Боблаша...* *Дорофеи Быковичъ* 204. Отсутствие в этих примерах ожидаемого согласования имени собственного с нарицательным, тем более естественного для XVI в., когда В=Р в антропонимах в свободном употреблении уже практически не знал исключений, побуждает нас предположить, что на завершающем этапе своей истории — по крайней мере, в псковском говоре XVI в. — исконные аккузативные формы в роли приложений могли переосмысливаться как обособленный номинатив и в этом качестве распространяться также на необъектную позицию, ср. нарушение согласования в предложном сочетании: *вышедше из горда все вышегородчане съ кресты, и (с) своимъ воеводуо Есифъ сынъ Кипреяновъ* ППЛ, 182 (ср. [4. С. 455; 5. С. 107]).

Специального анализа требуют чрезвычайно двусмысленные формы отчеств на -ичь, фигурирующие в новгородских и псковских текстах рядом с личными именами в форме В=Р, что, на первый взгляд, дает основание трактовать их как архаичный ВП, ср.: *поимя съ собою...* *Михаилка Микифоровицъ* ЛН, 109; *Се урадиша...* *посломъ ехати...* *посадыника псковьского Василья Логиновичъ* ГВНП № 339; *князь великою...* *князя Василья Юрьевичъ* ослепил ППЛ, 133. Характерно, однако, что нередко отчества с нулевым окончанием встречаются при непрямых падежах, после предложных форм и притяжательных прилагательных: *списаны быша книги си...* *повѣлѣниемъ. старость. Филипомъ. Совекинцъ.* и братомъ его. *Назарьемъ* (Параклитик 1369 г., 136 об. — 137) ³; *списаны быша. книги сия...* при старосте. *Дионисы. Боуяцьковицъ* (Параклитик 1386 г., 182 об.) [6]; *А сее данье при старощеньи Нестерове Боровниковъ и Семеновъ Румянцевичъ* ГВНП № 337; *оженися Мьстиславъ Володимиричъ в Новѣгородѣ у Дмитръя у Завидовичъ* НВЛ, 144. В свете этих примеров аккузативная либо номинативная интерпретация данных патронимов становится маловероятной, что побуждает нас присоединиться к толкованию их как РП мн. ч. (А. А. Зализняк, личная беседа), т. е. родительного принадлежности, ср. аналогичную конструкцию с прилагательным: *се ро(д) Дмитрие(в)*

³ Еще один пример нарушения согласования, подобного рассмотренному в первой части настоящей статьи (прим. 6).

Подвоиски(х) (Синодик к. XIV в., 151 [7]). Не исключено, впрочем, что омонимичность генитивных форм отгвств с формами ИП и ВП ед. ч. в определенных контекстах (при аккумулятивных дополнениях) могла приводить к нейтрализации значения мн. ч. и к отождествлению их либо с патронимическими формами ВП ед. ч. (ср.: послать... Ивана *Гахоновича*, Коузмоу Сисоева *Ледовичь*, Зиновья *Сидоровича* ППШ, 198), либо с аппозитивным ИП ед. ч. Вероятно, именно соседство с отгвством на *-ичь* способствовало появлению в цитируемой ниже конструкции неожиданной и странной формы *посадникъ* рядом с более естественной *-а*-формой: псковичи послаша своего посла Ивана Сидоровичь и Акима посадника *посадникъ* [так!] *Павловичь* в Литову ППШ, 124.

Таким образом, материал летописей доказывает, что использование старых форм ВП было актуальным для речи новгородских летописцев на протяжении всего XIII в.: самый поздний пример ВП на *-ъ* отмечен в Синодальном списке ЛН, как уже говорилось, под 1300 г. В Комиссионном и Академическом списках НЛ единичные лексикализованные фиксации *-ъ*-форм на фоне массового употребления В=Р представлены и в записях XIV в. (*сына своего выведе...* токмо *намѣстьникъ* свои *остаи* 349; *присла князь намѣстьникъ* в Новгород 353; *послаша новгородци свои посол* Смена Судокова 363; *посоль послаша* Юрья Онцифоровица 378, под 1381 г.), а в НІVЛ — даже в записи XV в.; к XIV—XV вв. относятся примеры исконого аккумулятива в псковских летописях (*прислаша изборане гонецъ* во Псковъ ПЛ, 19, под 1341 г.; А новгородци в то время *послаше* свои *посоль* къ князю к Витовту *братъ* Олександра Игнатъевича ППШ, 123, под 1426 г.). По своей немногочисленности среди общерусских форм В=Р эти реликты древненовгородского склонения с полным правом могут быть сопоставлены со столь же нечастыми примерами ИП на *-е*, встречающимися во всех исследованных текстах. В то же время соотнесенность большей части архаичных форм ВП в поздних новгородско-псковских летописях с глаголами *послати* и *прислати* объединяет приведенные примеры с аналогичными конструкциями в Киевской и Галицко-Волынской летописях (ЛИ); тем самым здесь, как и в случае с длительным сохранением исконого ВП от названий животных, обнаруживается сходжение собственно новгородских и книжных общерусских традиций.

В целом факты, предоставляемые летописями, в силу своего структурного разнообразия, выгодно отличающего их от данных НГБ, позволяют представить не только позднейшую судьбу, но и предысторию и последующую эволюцию аккумулятивных конструкций с одушевленными существительными в языке древнего Новгорода и Пскова. Проанализированные источники дают основания утверждать, что первоначально в речи новгородцев (как, впрочем, и всех славян) не только нарицательные, но и собственные имена характеризовались в ВП флексией *-ъ/-ь*; условно используя для обозначения апеллятивов и антропонимов существительные *отрокъ* и *Стоянъ*, соответствующие исходные сочетания можно передать в виде формул: *послаша отрокъ* — *послаша Стоянъ* — *послаша отрокъ Стоянъ* — *послаша Стоянъ отрокъ*. Усвоение общерусской флексии В=Р *-а* началось с личных имен в позиции прямого объекта (*послаша Стояна*), тогда как в роли приложения, сопутствующего апеллятивному дополнению, старая форма антропонимов сохранялась (*послаша отрокъ Стоянъ* vs. *послаша Стояна отрокъ*). На следующем этапе *-а*-форма распространяется и на аппозитивные имена собственные (*послаша отрокъ Стояна*). У имен нарицательных форма В=Р ранее всего, по видимому, закрепились в аппозитивных сочетаниях, под влиянием антропонимов (*послаша отрока Стояна, послаша Стояна отрока*), а потом и в собственно объектной позиции (*послаша отрока*).

Разумеется, предложенная схема представляет собой реконструкцию. Присущая древнерусской деklinационной системе вариативность флексий в полной мере относится и к формам ВП: на всем протяжении рассмотренного периода архаичные формы аккумулятива сосуществовали с новыми, и в памятниках наблюдаются не только исторически закономерные обороты, типа *послаша отрокъ Стояна*, но и парадоксальные, противоречащие магистральной линии языкового развития соче-

тания типа *посълаша отрока Стоянъ*. Однако постулируемые нами этапы в процессе усвоения В=Р древненовгородским диалектом подтверждаются, как кажется, именно данными летописей, свидетельствующими, во-первых, о сравнительно раннем утверждении В=Р в кругу собственных имен, во-вторых, об индуцирующей роли антропонимов в закреплении В=Р среди имен нарицательных и, в-третьих, о длительном сохранении исконной формы ВП у апеллятивов, выступающих в функциях прямого объекта и приложения.

1.3. Сравнительно мало данных для изучения истории ВП в речи древнего Новгорода предоставляют пергаменные грамоты, так как язык этих документов, по словам А. А. Зализняка, в своей основе стандартный древнерусский [8. С. 124]. Из ранних грамот здесь относительно информативна лишь вкладная Варлаама (ГВНП № 104), в первой части которой, «написанной на практически чистом древненовгородском диалекте» [8. С. 130], после двух перфектов *въдале* зафиксирована исконная форма ВП *отрокъ*. Договор 1191—1192 гг., дошедший до нас в списке 1259—1262 гг. (см. [9. С. 81]), содержит, наряду с семью формами В=Р, два примера, для которых можно предположить новгородское происхождение: *оубыють* новгородца посла за моремъ или нѣмецкыи *посалъ* Новѣгородѣ; *Оже оубыють* таль или *попъ* (ср. [10. С. 367]). В духовной Климента, писец которой допустил ряд отклонений от древнерусского стандарта [8. С. 131], в частности, форму ИП *Жихне*, отмечены три примера ВП на *-ѣ/-ь* от названий животных: *даю* сивыи же [ре]бець; *даю...* Вельяминовъскыи же-ребечь; *дайте боровъ* лутьшии ГВНП № 105. Принимая во внимание, что в народно-разговорной речи других русских территорий В=Р от наименований животных в XIII в. уже несомненно использовался (ср. *оулюбилъ* еси одного коня в грамоте рижан к витебскому князю ок. 1300 г.), резонно было бы заключить, что в данном случае писец сохранил свою диалектную особенность, не противоречившую, однако, общерусским нормам актовой письменности.

Договоры Новгорода с князьями, сохранившиеся лишь со второй половины XIII в., содержат, на первый взгляд, довольно большое количество исконных форм ВП [10. С. 367—368]. В действительности, однако, все эти формы представляют собой ИП при модальном инфинитиве, ср.: *держати* ти сво[и] *тивунъ* на половинѣ, а *но[в]городецъ* на половинѣ ГВНП № 1; А *холопъ* или [п]оручники *выдавати* 15,— абсолютно идентичный оборотам типа: а та *грамота*, княже, *дати* ти назадъ 3 или А *осетре* имъ *имати* 93 (см. [11; 12]). Поскольку, в то же время, номинатив от существительных мужского рода совпадал в стандартном древнерусском со старым ВП, в грамотах ясно прослеживается тенденция к замене мною аккузативных форм формами В=Р: так, если в ГВНП № 1, 2, 3, 7 клаузула о тиуне и новгородце сохраняет свою первоначальную синтаксическую структуру, то грамота № 4 (1296 г.) уже отражает размывание исходной конструкции: *тивунъ* свои *държати* на своей части, а *новгородца* на своей части (аналогично — № 6, 9, 10, 14, 15); в № 77 на месте новгородца появляется посадник, но тоже в форме В=Р. Вместе с тем во всех грамотах, демонстрирующих данную клаузулу, форма *тивунъ* удерживается неизменно — вероятно, вследствие непосредственной близости к инфинитиву. В другой клаузуле, содержащей инфинитив, вытеснение первоначального оборота представлено уже с ГВНП № 2 (1264 г.), возможно, не без воздействия предшествующего РП при отрицании: А за волок ти своего мужа не *слати*, *слати новгородца* (аналогично — № 6, 9, 10, 15). Сосуществование синтаксически первичной формы на *-ъ* и В=Р, возникшего в результате переосмысления инфинитивной конструкции, наблюдается в ГВНП № 2, 3, 14: *слати осетръникъ* и *медовара*; в № 6, 9, 10, 15 уже оба существительных стоят в В=Р. Не при инфинитиве договоры отражают только В=Р: *знаеть* своего *истьца* 6, 9, 10, 13 (с преобразованием 3-го лица в инфинитив — 12, 14, 46); *посалъ* к вамъ своего *сына* 35; *приславъ* своего *посла* 18 и др. До первой половины XV в. в формулярных клаузулах спорадически, наряду с В=Р, фигурирует В=И после предлогов, однако такое употребление было вполне нормативно для «канцелярской традиции» [10. С. 369], ср.: А за *холопъ*, за *робу*, за *поручникъ*, за *должникъ*, за *татя* не стояти 18.

1.4. В Синодальном списке «Русской Правды», передающем «тот же самый тип

языка, что в... договорах с князьями или с немцами» [8. С. 126], ситуация близка к описанной выше. Вопреки утверждению С. П. Обнорского: «Прямой объект от имен существительных одушевленных в громадном количестве показаний памятника обозначается согласно со старым строем речи не родительным, а винительным падежом» [13], — количество прямообъектных форм исконого аккузатива в тексте относительно невелико. Из 39 примеров на -ъ/-ь пять вообще являются не винительными, а именительными при инфинитиве, ср.: *привести емоу видокъ* РПр, 617в. Еще в 21 случае представлены предложные конструкции, хотя восемь примеров В=Р после предлога (как и два примера при инфинитиве) свидетельствуют об аналогическом распространении этой формы на синтаксически незакономерные позиции, ср.: *за тиоунъ — за рядовича* 616 г; *истьца... клепати* 617а (но в *мьсти ти братоу брата* 615в может быть и РП — вполне регулярная форма управления при данном глаголе). Из оставшихся 13 синтаксически не обусловленных форм объектного В=И, противостоящих 20 примерам беспредложного В=Р, в трех фигурирует слово *холопъ* — однако только в составе формульного словосочетания *чюжь холопъ* (*переиметь чюжь холопъ* 626 г; *чюжь холопъ оусрячать* 627 а; *крънетъ чюжь холопъ* 627б), противопоставленного генитивно-аккузативной форме в свободном употреблении (*поуститъ холопа* 627б), в восьми — названия животных, особенно устойчиво сохранявшие в книжном языке старую форму ВП (*оукрадеть... соколь* 625а; *порежетъ конь* 625б и др.).

Лишь в одном случае, сопоставимом по своей уникальности с такими единичными для РПр новгородизмами, как ИП *моуже* 617в или РП (поль) *грѣнь* 624в, в Синодальном списке встретилась форма ВП на -ъ, необычная для книжно-письменного языка, но полностью соответствующая древненовгородской корреляции ИП на -е/ВП на -ъ: *оже г(с)нъ индѣ налъ зоуть*. то заплатитъ передни г(с)нъ его 624 а.

1.5. В условиях преобладания В=Р над старыми формами аккузатива в таких авторитетных текстах, как летопись, «Русская Правда» и государственные грамоты, проясняются причины спорадического появления генитивно-аккузативных форм в берестяных грамотах: по всей видимости, замена -ъ-формы, присущей новгородской диалектной речи, -а-формой, свойственной стандартному древнерусскому, входила в число тех правил, которые позволяли новгородцам «превратить их диалектный текст в удовлетворительный стандартный текст» [8. С. 130]. С другой стороны, отдельные примеры ВП на -ъ в официальных источниках, не укладывающиеся в рамки традиционно допустимых в книжном языке конструкций типа *послати посоль*, наглядно отражают проникновение диалектных черт в стандартный древнерусский язык «новгородской редакции».

2. Особого анализа заслуживает развитие категории одушевленности в ед. ч. местоимений и прилагательных. Поскольку у личных местоимений формы ИП и ВП исконо различались, а у местоимения *и* номинатив в роли существительного не употреблялся, правомерно предположить, что распространение В=Р в этих группах имен было вызвано влиянием субстантивных форм, а также местоимения *къто*, с праславянского периода специализировавшегося на выражении одушевленного объекта. Неудивительно, что в ранних берестяных грамотах, лишь изредка фиксирующих В=Р в субстантивном склонении, старые формы ВП у местоимений безусловно преобладают (*мя, тя* — 27 примеров [без учета возвратного компонента *ся*], *и* — три примера), тогда как В=Р засвидетельствован лишь тремя формами, причем первая, сочетающаяся с предлогом *за* «вместо, помимо», может быть истолкована и как генитив (боле же *за мене* скота не поустит НГБ № 550), вторая представлена в чрезвычайно фрагментированном, дефектном тексте ([*се*] *мьне въ[лоца]* въ в[а] ю «вот меня тащат (в суд) за вас двоих» 237 [новое чтение]), а третья отмечена в грамоте, лишенной ярких новгородских черт, однако рядом с *мя, на мя* (*позодало мене* 531). Для характеристики форм ВП анафорического местоимения более информативна ЛН. По подсчетам Э. Кленин, в записях до 1200 г. В=Р *его* наблюдается только в одном контексте против 44 с ВП *и*. В дальнейшем изложении удельный вес генитивно-аккузативных конструкций повышается (21% в почерке XIII в. и 28% — в XIV в.) [14. С. 41], однако, как указывает американская иссле-

довательница, «...*ego* generally appears... in passages either with religious subject matter or... with some literary pretensions» [14. С. 51]. Правда, наличие В=Р *ego* в поздних берестяных грамотах (восемь примеров начиная с рубежа XIII—XIV вв.) не позволяет нам присоединиться к оценке этой формы как церковнославянизма [14. С. 51], так как она может появляться и в окружении специфических диалектизмов, например: *звале* Смене *eg(o)*... *шлеть ego* на Воцкую землю НГБ № 534. Вместе с тем употребление *ego* в одном ряду со вторичными для древненовгородского диалекта субстантивными формами В=Р (ср.: *ожь яль* будь *Матфьеца* добрь скуеть... а *дае* Князятинцу *ego* отъ блюдь до мнь 411) допустимо интерпретировать как свидетельство общего происхождения этих форм, равно чуждых северо-западным говорам и обязанных своим распространением влиянию восточных говоров и стандартного древнерусского языка.

У прочих местоимений и прилагательных, чаще всего согласующихся с существительными, категория одушевленности носит еще более несамостоятельный, производный характер. Вполне естественно, что при отсутствии существительного (т. е. в случае эллипсиса либо субстантивации) данные слова сохраняют исконный аккумулятив, ср.: продаите полови конь а *ризы къринице* въ [х] [лѣвъ а бурьрѣи [вм. бурьи] напишите НГБ № 160 (уточненное чтение); оубиша новгороди два воеводѣ. а третии руками *яша* ЛН, 87 об.; князь же Стосла(в). *присла* свои *тысяцьскыи* на вѣче 91; *свои* поиметь РПр, 618г (эллиптировано дополнение *челядинѣ*). В стандартном древнерусском субстантивированные прилагательные в функции объекта обычно принимают форму В=Р, хотя *дѣтскыи* обнаруживает значительную вариативность аккумулятивных форм, ср.: *можетъ* на него *дѣткого* *приставити* СГ, 23 — *лзѣ* емоу *дѣтскыи* *приставити* 38 (но здесь *дѣтскыи*, возможно, является именительным при инфинитиве; ср., впрочем: *лзѣ* емоу *роусина* *пояти* домовъ 37); *поемъши* *дѣтскыи* 12; а *дѣцкыи* *приима* НГБ № 615 (неновгородская). Сохранение подобных колебаний в неновгородских памятниках, связанное, вероятно, с противоречивым морфосинтаксическим статусом анализируемых имен, предполагает тем более позднее усвоение В=Р в новгородском диалекте. В берестяных грамотах первые примеры генитивно-аккумулятивных форм согласуемых слов, относящихся к существительным в В=Р, наблюдаются только с середины XIV в.: *постои* за *нашего* *сироту* 5 (там же: *дать* грамотѣ не *дать* на него); *цо* еси *посла* *дѣтину* да *сѣдла* да *выжля*... то все *взяли*. а *самого* *смертью* *казнили* 135. Итак, закрепление В=Р ед. ч. у местоимений и прилагательных происходило, очевидно, по мере утверждения его в субстантивном *о-склонении.

3. В то время как в ед. ч. распространение В=Р задерживалось вследствие характерного новгородского различия форм номинатива и аккумулятива, во мн. ч. этот фактор утратил актуальность на самых ранних этапах письменной истории. Как показывают новейшие исследования, обобщение флексий ИП и ВП мн. ч. в древненовгородском диалекте, связанное, в частности, с влиянием мягкой разновидности *о-склонения на твердую, осуществилось по крайней мере к XII в. [15]; ср.: ВП *ябетенике* (-ѣ) Ст. Р. 12 (1-я пол. XII в.) — ИП *цѣтъри* *бърьковьскѣ* НГБ № 630 (2-я четв. XII в.) [16]. В этом отношении данные берестяных грамот могут быть сопоставлены с первыми примерами взаимозамены окончаний Nom. и Acc. pl. в текстах неновгородского происхождения, отмечаемыми с XI в. [17. С. 194]. Показательно, что устранение возникшей омонимии прямых падежей протекало и в новгородском, и в прочих (восточно)славянских диалектах в одном направлении — путем замены ВП одушевленных существительных функционально наиболее близкой ему формой РП. Вопреки традиционному мнению о сравнительно позднем (XIV в.) появлении В=Р во мн. ч., соответствующие формы фиксируются уже в источниках XII—XIII вв., ср.: *инѣхъ* *многихъ* *дрѣвннихъ* *гонитель* и *оубошникъ*. и *братоненавидникъ* *приводя* УСб, 58в; *младенць* же *избити* Ирода наоучи 261 г (фохохтовеѣвѣ тѣ врѣфѣ); *избиша* *егуптянѣ* ТСб, 120об. (при регулярном управлении *избити* + ВП); *заступати* *вдовиць* и *сиротѣ* КР, 37г (там же: *заступати* *сироты* и *вдовиця* 101а) и др.

Среди новгородских памятников первый пример В=Р мн. ч. обнаруживается, как мы полагаем, в берестяной грамоте из Старой Руссы № 10 (XII в.), для которой, между прочим, характерно отсутствие слабых редуцированных «на конце фонетического слова» [18. С. 216]: в *городищяных, ополош*. Кроме того, эта грамота демонстрирует яркий случай вновь возникшей омонимии ИП и ВП мн. ч.: *а рушань скорбу про городищяне*. С учетом указанных фактов предлагается новый словораздел и новая трактовка заключительной фразы, ср. (без разделения на слова): *ополошдворянъбышаньпакостил-*. По мнению А. А. Зализняка, здесь представлена форма В=Р ед. ч. *дворяна* с пропущенным слогом *ни* или от варианта *дворянъ* (нигде более не засвидетельствованного) [18. С. 273]. Это объяснение заставляет допустить весьма раннюю утрату числового согласования между субъектом действия, сказуемым и союзом *а(о)бы*, который, по словам И. И. Срезневского, «состоит из части гл. быти... принимает личные окончания прошед. врем. не только 3-го лица ед., но и других», ср.: *Абыша ся тои правде държали въ вѣкы Смол. гр. 1229 г.* [19]. Между тем первые примеры несогласования в подобных конструкциях, соотносящихся с сослагательным наклонением, известны лишь с XIII в., причем обобщается только аористная форма ед. ч. *бы* [5. С. 276; 17. С. 244; 20]. Тот же самый союз совершенно правильно используется в НГБ № 163 (конец XII в.), содержащей ряд примет древненовгородского диалекта: *а Кузеке соци абы не истърале (к)уно*. На наш взгляд, в грамоте Ст. Р. 10 отражена абсолютно верная форма союза *абыша* (вставка *о* над строкой между *а* и *б* указывает на колебания писца в выборе вариантов, ср. *аже — оже, аже ти — оже ти, ати — оти*) — форма, ориентированная на мн. ч. субъекта придаточного предложения, а именно *дворян*, упомянутых в главном предложении: *ополош дворян абыша нь пакостил(и)*. Таким образом, сохранив форму ВП, равную ИП, в предложном сочетании *про городищяне*, автор письма употребил закономерную форму В=Р *дворян* в роли прямого объекта (ср.: *водишь всѣхъ ихъ къ кр(с)тоу. пискуповъ и биихъ дворянъ ЛН, 144*)⁴.

К XIII в., как можно заключить, В=Р мн. ч. уже активно функционировал в древненовгородском диалекте. Об этом свидетельствуют несколько примеров данной формы в ЛН: *и прия Гюрги сновьць...* и *волости имъ раздая 28об.* (ср. упоминание о нескольких племянниках в ЛЛ и ЛИ под 1155 г.); *съгониша роушанъ съ конь 95об.*; *одариша князь роусьскыхъ 97*; *иныхъ князь до Днѣпрѣ гоняче 99* и др. (см. [1. С. 153; 23. С. 267—268])⁵. В=Р наблюдается также в Новгородской кормчей 1280 г.: *князи роусьскыхъ избиша на Калцѣхъ 575 а*; *жертвоу собѣ створилъ есть. онѣхъ агньць 604б* (КСДР); *которы дѣчкыи. дѣтти ихъ дѣлитъ РПр, 622г* — и в приписке 1296 г. к ноябрьской служебной минее XII в. (ГИМ, Син., № 161): *съгониша новгородци намѣстниковъ Андрѣевыхъ съ Городища 260об.* (КСДР). В грамоте Новгорода Риге, датированной 1299—1300 гг. [9. С. 84—85], новая форма аккузатива представлена при глаголе *изыскати*, регулярно сочетающемся (в отличие от *иска-ти*) с ВП: *розбоиниковъ изыскали* ГВНП № 36 (уточнено по фотокопии). На рубеже XIII и XIV вв. еще один пример В=Р зафиксирован в НГБ № 142: *чть пришло о(т) Маркъ к тобѣ. людии Олькса,* — где *люди* — не РП, зависящий от *что* [18. С. 283], а нормальный прямой объект при глаголе *прислати*, ср. там же: *а четь. омьшь пришло* «А если пришлют лемеха» [18. С. 193]. Наконец, в XIV в. целый ряд конструкций с В=Р мн. ч. представлен в Синодальном списке ЛН (см. [23. С. 268—269]) и в ГВНП, ср.: *знаеть своего истьца или дѣтѣи его № 15*; *братью нашу попуца [ти] без окупа*; *новгородскихъ бояръ... житыхъ людѣи, и [чорн]ыхъ*

⁴ Менее обосновано предположение о том, что в исследованном отрывке представлен ВП мн. ч. *дворяна* (Г. А. Николаев, устная дискуссия): в новгородских памятниках (как, впрочем, и в других древнерусских) зафиксированы только формы ИП и ВП типа *дворяне (-ѣ), дворяни, дворяны* (ср. в нашей грамоте *рушань <-ѣ>, городищяне*), и реконструкция форм на *-а* для народно-разговорной речи древнерусского периода (ср. [21]) не подтверждается фактами (см. [22]).

⁵ Некоторые примеры, приведенные в [1; 23], неверны, так как содержат либо обыкновенный ВП (*роубоша новгородць <-ѣ> 15*), либо РП при супине (*ходи... мирить кыанъ 16*), либо РП при глаголах с генитивным управлением (*послушавше половець 97об.*; *запраша братье свои. и всѣхъ новгородць 102об.*).

людѣи, и сиротѣ 17 и др. (см. также [10. С. 372—373]). В НГБ № 353 (XIV/XV в.) В=Р фигурирует при названии животных: и нонѣ дашь кони и сѣмяна (ср.: побѣгоша хватаячи кони ЛИ, 258; приведе... конѣи во сѣдлѣхъ 857). В XV в. генитивно-аккузативные конструкции уже чрезвычайно многочисленны, в частности, в Комиссионном и Академическом списках НЛ, а также в ГВНП (ср.: Се позва Левонтия Зачепинъ Савка и всихъ княжоостровъчовъ 132).

Распространение новой формы затронуло, естественно, и местоименное склонение: если в ранних берестяных грамотах В=Р *насъ, васъ* вообще не встречается, то в поздних отмечено уже шесть соответствующих примеров (ср. также *ихъ* НГБ № 102, *на вхъхъ* 359). Особенно часто В=Р используется в летописи, например: *оубиша* ти. Вячесла (в) и Микитиу... и *инѣхъ* ЛН, 41; а *дрогухъ* по лѣсоу *розгониша* 95об. и т. д. (см. [23. С. 267—268]); ср. также в РПр: а *на инѣхъ* не складывати 621а, в ГВНП: *тѣхъ выдаваю* безъ суда 5; а *тѣхъ*, княже, *выдавати* 7.

Распространенные факты позволяют утверждать, что в живой разговорной речи Новгорода В=Р мн. ч. господствовал не во второй половине XIV в. [10. С. 371], а гораздо раньше, причем употребление данной формы никоим образом не зависело от распространения В=Р в ед. ч. и не ограничивалось никакими морфологическими и семантическими условиями.

4. Следовательно, противопоставление существительных по одушевленности-неодушевленности, которое исконно имелось во всех славянских диалектах как с е м а н т и ч е с к а я оппозиция, восходящая к индоевропейской именной классификации [24], получало г р а м м а т и ч е с к у ю реализацию — форму В=Р — и обрело статус морфологической категории вследствие и по мере совпадения ИП и ВП в отдельных числовых парадигмах. На большей части славянской языковой территории указанные процессы начались еще в позднепраславянский период в парадигме ед. ч. и лишь в письменную эпоху распространились на мн. ч. На северо-западной периферии славянского мира, напротив, формирование грамматической категории одушевленности уже по крайней мере в XII в. затронуло — как, впрочем, и в других древнерусских диалектах — мн. ч., между тем как в ед. ч. в кругу нарицательных существительных оппозиция В=Р/В=И закрепилась только в XIV—XV вв. в условиях отмирания исконных новгородских форм Nom. sg. masc. на *-e*. Таким образом, сформулированные выводы устраняют кажущееся противоречие между отмечавшимся в литературе фактом сравнительно позднего утверждения В=Р в ед. ч. в северо-западных диалектах (ср. [25; 26]) и ранними примерами В=Р во мн. ч. [23. С. 271]⁶.

ИСТОЧНИКИ (ДОПОЛНЕНИЕ)

- КР — Кормчая Рязанская 1284 г. (по КСДР).
 КСДР — Картотека Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.) (хранится в Институте русского языка РАН).
 НВЛ — Новгородская пятая летопись//Полн. собр. рус. летописей. Пр., 1917. Т. IV, ч. 2, вып. 1.
 ПЛ — Псковская первая летопись//Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. I.
 ППЛ — Псковская третья летопись//Псковские летописи. М.; Л.; 1955. Вып. II. С. 70—290.
 СГ — Смоленские грамоты XIII—XIV веков. М., 1963.
 Ст. Р. — Старая Русса. Грамоты 1—13//НГБ. М., 1978. С. 143—153.
 ТСБ — The Troïckij Sbornik...//Полата књигописьная. Nijmegen, 1988. № 21—22. Приложение.

⁶ В процессе подготовки рукописи к печати были обнаружены дополнительные факты, подтверждающие господство исконных форм ВП ед. ч. в ранних берестяных грамотах: *язъ тя ес мѣла* <вм. есмь имѣла> акы *братъ* собѣ НГБ № 752, XI/XII в.; а *за которъ* <т. е. мужь> *мя о(т)дасте* 748, XII в. (цитируется по докладу А. А. Зализняка о результатах раскопок 1993 г. в Новгороде). Автор признателен А. А. Зализняку и А. А. Гиппиусу за ценные замечания, учтенные при работе над статьей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Истрина Е. С.* Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Пг., 1923.
2. *Гипциус А. А.* Новгородские летописцы XII—XIII вв. (в печати).
3. *Ганцов В. М.* Особенности языка Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи // Известия Отд-ния рус. языка и словесности АН СССР. 1927. Т. 32. С. 223.
4. *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
5. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. I—II.
6. *Соболевский А. И.* Очерки из истории русского языка. Киев, 1884. С. 124, 131.
7. Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988. С. 308.
8. *Зализняк А. А.* О языковой ситуации в древнем Новгороде // Russian Linguistics. 1987. Vol. 11, № 2/3.
9. *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 211.
10. *Борковский В. И.* Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение.) Львов, 1949.
11. *Шахматов А. А.* Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века // Исследования по русскому языку. СПб., 1885—1895. Т. I., [ч.] II. С. 202.
12. *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903. Ч. I. С. 129—130.
13. *Обнорский С. П.* «Русская Правда», как памятник русского литературного языка // Избранные работы по русскому языку. М., 1960. С. 136.
14. *Klenin E.* Animacy in Russian. A new interpretation. Columbus (Ohio), 1983.
15. *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 173.
16. *Зализняк А. А.* Древненовгородское койне // Балто-славянские исследования, 1986. М., 1988. С. 68—69.
17. *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907.
18. *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения; Словоуказатель к берестяным грамотам // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986.
19. *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. I. Стб. 4.
20. *Белоусов В. Н.* История форм сослагательного наклонения // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. С. 155.
21. *Марков В. М.* Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974. С. 105—106.
22. *Иорданиди С. И.* Формы именительного множественного существительных типа *горожанинь, родитель, мытарь* в истории русского языка // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования, 1982. М., 1985. С. 250, 255, 262.
23. *Dietze J.* Die Entwicklung der altrussischen Kategorie der Beseeltheit im 13. und 14. Jahrhundert // Zeitschrift für Slawistik. 1973. Bd XVIII (2).
24. *Крысько В. Б.* Неличная одушевленность в древнерусском языке // Вопросы языкознания. 1992. № 4. С. 41.
25. *Кузнецов П. С.* Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959. С. 98.
26. *Müller K.* Die Beseeltheit in der Grammatik der russischen Sprache der Gegenwart und ihre historische Entwicklung. Berlin, 1965. S. 12.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ С ПРИСТАВКАМИ ДО- И ПРИ- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЭКВИВАЛЕНТНЫМИ ПРИСТАВОЧНЫМИ ГЛАГОЛАМИ В ПОЛЬСКОМ И СЕРБО-ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ

А. Даже поверхностное сравнение двух или большего числа языков показывает, что различные языки используют разнородные средства выражения пространственных отношений, причем единицы одного и того же уровня могут в разных языках быть организованными различным образом [1. Р. 243—244]. Славянские глагольные префиксы относятся к единицам, которые при значительном формальном (звуковом) совпадении, характерном для славянских аффиксов, проявляют определенные семантические различия, а в наборе семантических оппозиций, релевантных для выражения пространственных отношений, могут в разных славянских языках занимать *различное место*.

Определение же семантического потенциала префикса возможно только тогда, когда предметом анализа будут синхронно мотивированные префиксальные формации с прозрачной формально-семантической структурой, т. е. образования, составные части которых — префикс и основа — обладают собственной семантической нагрузкой и сочетаются друг с другом на основе неких общих «правил», которые также поддаются определению.

Однако выделение префикса, установление его роли в синтагматическом строении формации представляется отнюдь не легкой задачей. Уже С. Карцевский указывал на то, что введение в связи с префиксом определенного «понятия класса» (семантического.— В. М.) не совсем точно, поскольку он варьируется от глагола к глаголу и в большой степени зависит от контекста и (кон)ситуации [2. Р. 40]. Поэтому для идентификации семантических функций префиксов необходимо учитывать всю совокупность лексико-синтаксического окружения сочетающихся с ними глаголов, пристально всмотреться в валентность анализируемых приставочных глаголов в качестве «управляющих» членов соответствующих предложений.

Словообразовательными основами префиксальных формаций с пространственным значением служат глаголы движения. Под глаголами движения в широком смысле этого слова следовало бы понимать любые глаголы, которые обозначают перемещение объектов в пространстве, но, как подчеркивает Н. А. Янко-Триницкая, обычно, когда речь идет о специфических особенностях глаголов движения, имеют

в виду «ряд соотносительных пар глаголов несовершенного вида: *бежать* — *бежать...везти* — *возить...идти* — *ходить...*» [3. С. 45]. Хотя члены указанных пар обозначают в принципе один и тот же способ перемещения в пространстве, каждый из членов по-своему «стилизует» данный процесс с точки зрения «протекания в пространстве». Чтобы выделить указанные глаголы из более широкой группы «*veřba movendi*», А. В. Исаченко называет их «глаголами перемещения» [4. С. 309—310]. Основным семантическим критерием, по которому глаголы из серии *идти*, представляющие собой маркированный член оппозиции, противопоставляются глаголам из серии *ходить*, является, по А. В. Исаченко, «направленность движения в пространстве». Исаченко называет их «однаправленными глаголами» [4. С. 311]. Учитывая важность места, занимаемого парами «однаправленных / ненаправленных глаголов» в системе славянского глагола, в данной работе мы ограничимся прежде всего анализом префиксальных формаций от этих глаголов.

Следует, однако, отметить, что не во всех славянских языках указанные противоположенные пары глаголов сохранились в одинаковой степени. В то время как в русском и польском языках они в основном сохранились, причем, как констатирует М. Рутковска, «в пределах этой лексической группы» между русским и польским существует «почти полное соответствие» [5. С. 427], в сербо-хорватском, по утверждению Р. В. Булатовой, они утратились [6. С. 19]. Подобную судьбу, утверждает Р. В. Булатова, претерпели «соотносимые пары глаголов движения» и в других южнославянских языках, за исключением словенского [7. С. 224]. В современном сербо-хорватском, как пишет Булатова, «глаголы, оставшиеся от некогда соотносимых пар, являются „универсальными“ глаголами» [6. С. 12].

Существенным для нашей темы является выявление того, какие семантические результаты дает префиксация глаголов из обеих указанных серий в языках, в которых сохранилась оппозиция однаправленности / ненаправленности. Как показывают результаты анализа соответствующих глаголов русского языка (прежде всего Н. А. Янко-Триницкой [3. С. 51]) и польского языка (З. Н. Стрекаловой [8] и Ц. Перникарского [9]), пространственные семантические функции префиксы реализуют только в сочетании с глаголами из серии *идти* («однаправленные глаголы»). При глаголах же из серии *ходить* префиксы приобретают различные непространственные функции, прежде всего функции временной детерминации.

Чтобы определить семантический потенциал префиксов, выбранных для анализа в качестве формантов пространственной характеристики, необходимо кратко охарактеризовать понятийный аппарат, которым мы будем пользоваться при описании пространственных отношений. Мы опираемся на понятия, заимствованные из работ А. Вайнсберга [10] и П. Пипера [11; 12] и во многом совпадающие между собой.

В пространственном отношении можно выделить три конститутивных элемента: /1/ локализуемый элемент — *объект локализации*; /2/ объект, служащий говорящему для определения места локализуемого элемента в пространстве, — *локализатор*; а также /3/ элемент, уточняющий отношение между объектом локализации и локализатором путем указания на некоторое более точно определенное место в пространстве, которое никогда не совпадает с самим локализатором (например, «внутренняя часть леса» в обстоятельстве места «в лесу» по отношению к субстанционально понимаемому локализатору «лес»); его мы вслед за П. Пипером называем *ориентиром* [11. С. 5; 1. С. 248].

Отношение между ориентиром и самим локализатором, которое имеет *статический* характер, мы определяем как *ориентационный аспект* пространственных отношений. С этой точки зрения в качестве основной представляется оппозиция, устанавливаемая по критерию *непосредственной локализации* (ориентир является частью локализатора): *опосредованной локализации*. Во втором случае в качестве критериев дальнейшего разделения можно выделить: *релевантность уровня* (для пространственного размещения объекта локализации релевантным является, находится ли ориентир на уровне локализатора или нет; если нет, то находится ли он, например, *над* локализатором или *под* ним), а также *релевантность расстояния*

(для определения локализации объекта существенным является, находится ли ориентир *вблизи* локального или нет) [11. С. 10—13]. По критерию релевантности расстояния можно выделить два основных значения: *проксимальности* и *дистальности* [12. С. 19—20].

При динамическом подходе к пространственным отношениям объект локализации представляется в качестве объекта, который *может изменять место* в пространстве и, соответственно, свое положение по отношению к локализатору (и ориентиру). Этот аспект пространственных отношений мы называем, вслед за П. Пипером, *кинетическим аспектом* [11. С. 5—6; 1. Р. 250]. Учет кинетического аспекта пространственных отношений позволяет выделить четыре значения: *локативности* (объект локализации *располагается* в границах ориентира), *адлативности* (объект локализации *начинает размещаться* в границах ориентира), *аблативности* (объект локализации *перестает* располагаться в границах ориентира) и *перлативности* (объект локализации *перемещается* в границах ориентира) (ср. [1. Р. 250—251; 10. S. 23]).

Б. При определении пространственных функций префиксов следует учитывать прежде всего *кинетический* аспект пространственных отношений. С этой точки зрения рассматриваемые префиксы *до-* (*do-*) и *при-* (*przy-*) можно классифицировать как *адлативные*.

Основным адлативным префиксом, выражающим наиболее обобщенно понимаемое сближение объекта локализации с локализатором, был на славянской почве префикс * *rgi-*. Как показывает материал С. Слоньского, старославянские префиксальные формации с *при-* в функции, которую Слоньский называл «аккурсивной», проявляли необычайно богатые синтаксические возможности [13. S. 3, 158—177]. В качестве адлативных дополнений¹ при них употребляются: дательный (с предлогом *къ* или без него), различные конструкции с винительным с предлогами *въ*, *на*, а также *прѣдъ*, *надъ*, *подъ*, выражающие цель движения местоименные наречия типа *тамо*. Встречаются в контекстах с этими глаголами также аблативные дополнения: с *отъ*, *съ* с родительным. А. Достал поместил ст.-слав. *при-* среди префиксов с высокой частотностью. Он отметил 852 примера формаций с этим префиксом, образованных от базисного глагола движения *ити*, засвидетельствованные в 14-ти памятниках [14. S. 282].

Более специфичны семантические оттенки и синтаксические свойства ст.-слав. пространственных формаций с *до-* (впрочем, они скупо представлены в старославянском материале). Их отличает высокая степень однородности синтаксических свойств. В основном они сочетаются с генитивом, которому иногда предшествует идентичный префиксу предлог *до* [15]. Уже на этих ранних этапах развития в префиксе *до-* начинает проявляться в результате транслокации значение достижения определенного объекта, который представляет собой одновременно *границу* движения в пространстве. Это значение содержало возможности двоякого уточнения: с одной стороны, предлог вводил оттенок законченности движения посредством называния его *предела*, а с другой стороны, в префиксе заключалось финальное значение: *достижение цели*.

В рассматриваемых севернославянских языках, русском и польском, развитие пространственных формаций с *до-/do-* пошло в направлении установления употребителей с предложной редупликацией префикса и усиления «предельной», лимитативной функции префикса в конструкции *до-/do-... + do/do- + генитив*.

Процесс кристаллизации лимитативной функции русских пространственных формаций с *до-* может подтвердить сравнение французских глагольных глосс с этим префиксом и толкований соответствующих глаголов с *при-* в русско-немецко-французском словаре И. Нордстета. При французских объяснениях глаголов с *до-* появляется лимитативное определение *jusqu'à: доѣждать* ‚aller jusqu'à', *долетать* ‚voler jusqu'à' (Нордстет, I, 178, 167). Соответствующие же глаголы с *при-*

¹ Под «дополнениями» мы понимаем любые языковые выражения, которые заполняют валентные места при данном глаголе.

передаются при помощи более обобщенно-адлативных французских глаголов: ср. *приб́жж́ать* 'arrive, venir', *прилет́ать* 'approcher en volant' (Нордстет, II, 653, 639).

Наличие в русском языке конструкции *до* + генитив вместо беспредложного родительного при глаголах с префиксом *до-*, обозначающих предел (границу) движения (и временной предел), констатирует А. Потеня: «В современном русском литературном и народном языке в глаголах сродных с *до* предел движения в пространстве и предел времени уже редко обозначается беспредложным родительным». Если при передаче временного ограничения возможно еще употребление обеих конструкций *дойти́ть веку* и *до веку*, то глаголы движения, выражающие пространственный предел, употребляются «уже только с предложом (подчеркнуто нами. — В. М.) — *дойти́, доехать... , донести... до чего*» [16. С. 266]. То же констатирует Л. С. Муравьева (см. [17. Р. 167], ср. также замечание А. М. Пешковского о специализирующей функции предложной конструкции [18. С. 165]).

Пространственные образования с *до-* в польском языке претерпели трансформацию, подобную эволюции их в русском языке. И здесь выделение лимитативной функции префикса («предельной») в качестве одной из основных его семантических функций² сопровождалось стабилизацией конструкции *до* + генитив в качестве облигаторного дополнения, сигнализирующего о границе движения. Результаты этой эволюции и состояния в современном языке определяют следующие слова Д. Буттлер: «Глаголы движения, при которых дополнение выражает пространственный предел действия..., установились в настоящее время в предложных конструкциях (*dojść, dojechać, dobiec, dopływać do czego*)»³.

Описанная эволюция пространственных формаций с *до-/до-* в русском и польском языках позволяет нам из двух адлативных префиксов в этих языках — *до-/до-* и *при-/przy-* — выделить *до-/до-* в качестве маркированного члена оппозиции, выражающего, кроме самой адлативности, также *лимитативность*. На семантическую близость адлативности и лимитативности указывал в своих работах П. Пипер [12. С. 25].

В случае отсутствия при анализируемых глаголах конструкции *до-* + генитив в качестве сигнала лимитативности действия семантический акцент предложения передвигается с границы движения на характеристику самой транслокации, в префиксе же начинает доминировать значение успешного преодоления пространства, достижения результата (цели) движения после преодоления определенных трудностей и т. п., то есть то значение, которое в предыдущей конструкции проявлялось как дополнительное. В контексте глаголов открываются места для различных обстоятельств образа действия в качестве основных детерминаторов движения.

Л. С. Муравьева, стараясь подчеркнуть семантические различия между русскими глаголами движения, соединяющимися с префиксами *до-* и *при-*, считает, что их важным различительным элементом является возможность выразить формациями с *до-* «whether the movement concerned was difficult or easy to accomplish» [17. Р. 259].

Подобное распределение семантической нагрузки в предложениях с глаголами движения с *до-* в зависимости от лексико-синтаксического окружения глагола наблюдается и в польском языке. Приведем русские примеры нелимитативного употребления формаций с *до-*, которые в польском языке находят свои параллели: 1) «*Кто отстал? скорый; кто дошел? спорый*» (Даль, I, 433, s. v. *доходить, дойти, дохаживать*). 1а) *Kto pozostał w tyle? szybki; kto doszedł — powolny*. 2) «Как вы доехали, благополучно?» (Битехтина, 49). 2а) *Jak dojechaliście, szczęśliwie?*

Основные различия в семантических функциях префиксов *до-/до-* и *при-/przy-* в русском и польском, с одной стороны, и в сербо-хорватском — с другой, вытекают из поглощения префиксом *до-* в сербо-хорватском общеадлативных директивных значений славянского префикса *при-*. Это явление имеет более широкую зону распространения: кроме литературного сербо-хорватского, оно охватывает также болгарский и македонский, т. е. всю восточную часть южнославянской территории (ср.

² Д. Буттлер считает эту функцию префикса *до-* в польском языке одной из двух его основных реально-семантических функций. Ср. [19. S. 163].

³ Об облигаторности конструкции *до-* + генитив при анализируемых глаголах см. также [20. S. 178—179].

русск. *прийти*, пол. *przyjść* по отношению к сербо-хорв. *доћи*, мак., болг. 3 л. ед. ч. *дойде/дойде* [21. S. 214]).

Поглощение в сербо-хорватском *до-* функций *при-* «размыло» лимитативную функцию первого префикса. Однако она существует и в сербо-хорватском, хотя отнюдь не является основной функцией этого префикса и не относится к наиболее часто отмечаемой в тексте. Сигналом ее в высказывании, как в русском и польском языках, является конструкция *до- ... до + генитив*. И именно в этом отношении существует полное «соответствие приставок» во всех трех анализируемых языках.

Примеры. I. Русск. *до-*, сербо-хорв. *до-*, пол. *до-* в конструкции: *до- ... до + род. пад./ до-... до + генитив*. 1а. *Мы дошли до угла и пошли направо* (Битехтина, 49). 1б. *Doszliśmy DO rogu i skręciliśmy w prawo*. 1в. *Дошли смо до угла и скренули удесно*. 2а. *Олег говорит, что птицы долетят до Африки за месяц* (Муравьева, 176). 2б. *Oleg powiada, że ptaki dolecą do Afryki w ciągu miesiąca*. 2в. *Олег вели даће птице долетети до Африке за месец дана*.

Однако в связи с более широкой, чем в русском и польском, сферой значения сербо-хорватского *до-* в пространственной функции, этот префикс также будет эквивалентом русского *при-* и польского *przy-*. Это наблюдается в общеадлативных предложениях без специального подчеркивания предела движения. Необходимо отметить, что одновременно с обогащением семантики сербо-хорватские образования с *до-* приобрели также более широкие возможности в области словосочетания. В контекстах с ними мы обнаруживаем богатую палитру адлативных (а факультативно также и аблативных) выражений, свойственную с древнейших времен славянским префиксальным глаголам с * *pr-*. Кроме управления генитивом, в сербо-хорватских формациях с *до-* представлены все другие известные старославянскому синтаксические конструкции с глаголами с *при-*: конструкция с дательным (с *к(а)* или без него), предложные конструкции с винительным падежом. Приведем примеры указанной эквивалентности при переводе русских и польских формаций с *при-/przy-* сербо-хорватским с *до-*:

II. Русск. *при-*, сербо-хорв. *до-*, пол. *przy-*. 1а. *Я спросил, почему он не пришел в текую...* (С. М. Дервиш, 76). 1б. *Zapytałem, dlaczego nie przyszedł do tekkie ...* (S. M. Derwiz, 75). 1в. *Упитао сам га зашто није дошао у текују...* (С. М. Дервиш, 73). 2а. *Наконец, весь запыхавшись, прибежал Исакович...* (Ц. М. Переселение, 44). 2б. *Przybiegł zaspany Isaković...* (С. М. Wędrówki, 58). 2в. *Дотрча, сав задуван, Исакович...* (Ц. М. Сеобе, 29). 3а. *Телеграмму принесут через два часа* (Муравьева, 91). 3б. *Telegram przyniosą za dwie godziny*. 3в. *Телеграмће донети два сата*.

При переводе русских (и польских) текстов на сербо-хорватский кроме различий между русским и польским, с одной стороны, и сербо-хорватским — с другой, в области выражения нелимитативной адлативности (префиксами *при-*, *przy-* и *до-*) следует также учитывать ситуацию, когда в русских (и польских) формациях с *до-/до-* преобладает финальное значение — успешного преодоления пространства, достижения *результата* движения после преодоления определенных трудностей и т. д., о чем была речь в первой части статьи. При транслокативных глаголах с *до-*, семантически не маркированных в смысле обозначения затрудненного движения, употребляющихся в вышеуказанном значении, т. е. не в лимитативной конструкции *до- ... до + генитив*, недостаточен перевод их на сербо-хорватский одной формацией с *до-*. Следовательно, сербо-хорватский перевод предложения: 1а. *Я дойду один* (Битехтина, 49) 1б. *Dojść sam (dam sobie gadę)* как 1в. * *Доћи ћу сам* не будет адекватным. Необходимо заменить нейтральный русский (и польский) глагол конструкцией, состоящей из двух глаголов, из которых один обобщенным способом сигнализирует о преодолении трудностей, а другой характеризует вид движения. Таким образом, перевод вышеприведенного предложения должен выглядеть так: 1в. *Моћи ћу (успећу) сам да дођем*. Ср. также: 2а. *Вы не донесете такой тяжелый чемодан* (Битехтина, 49) 2б. *Nie doniesiecie takiej ciężkiej walizki*. 2в. *Нећете моћи да донесете тако тежак кофер*.

В. Следующей проблемой, которая возникает в связи с анализом наших префиксов, является определение того, какие семантические функции выполняет сер-

бо-хорватский префикс *при-* в качестве форманта пространственной характеристики, поскольку в сербо-хорватском существуют пространственные формации с этим префиксом (*prici, prileteti, pritrčati*), хотя и с суженной сферой употребления вследствие перехода общеадлативных функций к *до-*. Необходимо также установить, каковы будут соответствия употребленного в пространственном значении сербо-хорватского *при-* в русском и польском языках.

Словарь Матицы Сербской (РМС) в толкованиях соответствующих глаголов подчеркивает момент «сближения с каким-либо объектом»; ср. *прићи* 'идући приблизити се коме или чему' (РМС V, 117). Эти глаголы, как следует из примеров в Словаре, сочетаются с дательным падежом (с предлогом *к* или без него). С. Бабиц также в качестве первого значения глаголов с префиксом *при-* (таких, как *пригнати, прилетјети, притрчати*. — В. М.) указывает следующее: «что-то в результате движения оказалось в непосредственной близости от чего-либо», т. е. также выделяет момент близости локализатора [22. S. 488]. Подобным образом характеризует *при-* П. Пипер [11. С. 43].

Сербо-хорватскому *при-* в указанном значении соответствует в русском (а также в польском) префикс *под-* (*pod-*). Л. С. Муравьева, определяя семантические функции *под-* в русском языке, констатирует, что он обозначает прежде всего сближение с объектом. Она также подчеркивает, что движущееся лицо находится *недалеко* (курсив мой. — В. М.) (или не очень далеко) от объекта, к которому оно приближается [17. P. 139]. На проксимальность как на элемент значения *под-* указывает также А. П. Бояров [23. С. 127]. А. Богуславский указанную семантическую функцию *под-* определяет как «частичное сближение, перемещение с более далекого расстояния в близкое соседство чего-нибудь (называемого в компоненте *к* + дательный, *pod* + винительный)» [24. S. 48]. Знаменательно, что при русских префиксальных глаголах с *под-* употребляются дополнения в дательном падеже, как и при рассмотренных сербо-хорватских приставочных с *при-*.

О префиксе *pod-* в польском языке в последнее время писала Э. Сенковска [25; 26]. Семантические функции префикса, о которых здесь идет речь, она определяет с помощью парафразы «приблизиться к кому-нибудь, чему-нибудь, выполняя действие, обозначенное основой». Префикс, по мнению Э. Сенковской, вносит в формацию пространственную модификацию, которую выражает определение 'ближе'. В контекстах с соответствующими глаголами употребляются определения направления: *do* + родительный, *ku* + дательный, *pod* + винительный [26. S. 604]. Приведем также данную А. Вайнсбергом формулировку значения польского *pod-*, в котором выделен оттенок «проксимальности»: «сближение на очень небольшое расстояние» [27. С. 147] (подчеркнуто нами. — В. М.).

Примеры русских и польских формаций с префиксом *под-/pod-*, являющихся переводными эквивалентами сербо-хорватских формаций с *при-*: III. сербо-хорв. *при-*, русск. *под-*, пол. *pod-*: 1а. *Пришао сам прозору, и уплашио се мјесечине...* (С. М. Дервиш, 50). 1б. *Я под/о/шел к окну и испугался лунного света...* (С. М. Дервиш, 56). 1в. *Podszedłem do okna i przestraszyłem się blasku księżyca* (S. M. Derwisz, 52). 2а. *Узалуд му [Вуку Исаковичу] притрчаше и покушане да га умире...* (Ц. М. Сеобе, 35). 2б. *Тцетно пытались успокоить Вука подбежавшие офицеры...* (Ц. М. Переселение, 49). 2в. *Podbiegli doń, próbując go uspokoić, ale nic to nie dało* (С. М. Wędrowki, 65).

Если оппозицию между русскими и польскими *при-/przy* и *до-/do-*, нейтрализуемую в сербо-хорватском в едином префиксе *до-*, мы обнаруживали в области кинетических признаков пространственных отношений (вспомним: *до-* представляет собой в рамках адлативности маркированный с точки зрения лимитативности член оппозиции), то оппозиция между *при-/przy-* и *под-/pod-* в русском и польском, а также между *до-* и *при-* в сербо-хорватском относится к ориентационному аспекту пространственных отношений. Здесь маркированным членом оппозиции будут русское и польское *под-/pod-* и сербо-хорватское *при-* в качестве выражающих, кроме адлативности, также проксимальность.

Стоит отметить, что функция выражения проксимальности является также свойством предлога *pod-/pod-*, причем прежде всего, как это подчеркивает Е. Беличова-Кржижкова, в восточнославянских языках и в польском [28. S. 130]. Этот семантический оттенок предлог приобретает главным образом тогда, когда локализатором являются какие-нибудь поселение, город, крепость (ср. русск. под Москвой, пол. *doświadczenia bojowe spod Radzimina*) [28. S. 130]. В выражении проксимальности предлогом (а также префиксом) *pod* можно усматривать случай «передвижения» («shifting»), которая произошла в рамках оппозиций, установленных ориентационным аспектом пространственных отношений. А именно, из члена оппозиции, устанавливаемой по релевантности уровня, где *pod* в своем основном значении ‘sub, unter, beneath’ [21. S. 193] является семантическим противочленом *над*, этот предлог (а также префикс) становится членом оппозиции, создаваемой по релевантности расстояния, и противопоставляется различным выражениям, обозначающим расстояние локализуемого объекта от локализатора. Указанная передвижка может быть объяснена тем фактом, что локализация, реализуемая с нижней стороны локализатора, по своей природе является локализацией вблизи него, в то время как при локализации с верхней стороны такая ситуация возникает намного реже.

Приведем примеры эквивалентов перевода русских и польских формаций с парами префиксов *при-/przy-* и *под-/pod-* сербо-хорватским префиксальным с *до-* и *при-*, в которых заметны также различия между членами отдельных пар:

IV. Русск. *при-*; *под-*, сербо-хорв. *до-*; *при-*, пол. *przy-*; *pod-*: 1а. Александр Тихонович, это к вам пришла женщина с заявлением о приеме на работу? — Нет, она только *под/о/шла* ко мне и спросила, где директор... (Муравьева, 143). 1б. Aleksandrze Tichonowiczu, czy to do pana przyszła kobieta z podaniem o przyjęcie do pracy? — Nie, ona tylko *pod/e/szła* do mnie i zapytała, gdzie jest dyrektor... 1в. Александре Тихоновичу, да ли је то код вас дошла жена с молбом за пријем на посао? — Не, она ми је само пришла и упитала где је директор... 2а. Один покупатель пришел на выставку собак. Он увидел прекрасную собаку и *под/о/шел* к ней поближе (Муравьева, 144). 2б. Kupiec przyszedł na wystawę psów. Zobaczył ślicznego psa i podszedł do niego bliżej. 2в. Један купац је дошао на изложбу паса. Угледа прекрасног пса и приђе му ближе.

Как мы старались показать, функциональные различия проанализированных префиксов в рассматриваемых языках весьма различны. Проведенный анализ указывает на важность тщательного изучения славянских аффиксов с целью определения того места, которое они занимают в системах соответствующих языков, так как близость их звучания и генетическая связь без точного установления их функций подчас могут привести носителя какого-либо одного языка к неправильным выводам.

Не случайным был также выбор сопоставляемых языков. Речь шла о выявлении различий между русским и польским языками в качестве наиболее северных литературных славянских языков, с одной стороны, и сербо-хорватским как представителем славянского юга — с другой. Чешско-словацкая группа занимает с точки зрения рассматриваемой проблемы срединное положение. Хотя в функции выражения обобщенно понимаемой адлативности здесь сохранился префикс * *rgi-*, в пространственных функциях предлога (и префикса) *do(-)*, в отличие от русского и польского, не сформировался оттенок лимитативности. Чешскому языку, как пишет Ф. Копечны, неизвестен тип *dojít do lesa* в предельном значении. Для выражения этого значения предложная конструкция должна быть усилена частицей *až* [21. S. 61]. Если же речь идет о передаче посредством *pod-* проксимальности, Ф. Копечны замечает, что, за исключением русского и польского, этот семантический оттенок префикса не относится к часто фиксируемым в славянском языковом мире. И далее констатирует: «в чешском *podějít* в значении *rgjít* является русицизмом» [21. S. 196].

Анализ различий в функционировании данных пространственных префиксов на более широком славянском фоне может, таким образом, пролить определенный свет на типологические особенности отдельных групп славянских языков в исследуемой области.

Принятые сокращения

- Битехтина — *Битехтина Г. А., Юдина Л. П.* Система работы по теме «Глаголы движения». М., 1985.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка (с указанием тома и стр.). М., 1863—1866. Т. I—IV.
- Муравьева — *Муравьева Л. С.* Глаголы движения в русском языке. М., 1972.
- Нордстет — Российский с немецким и французским переводами словарь, сочиненный *Иваном Нордстетом* (с указанием тома и стр.). СПб., 1780—1782. Т. I—II.
- РМС — Речник српскохрватскога књижевног језика Матице српске — до IV тома изд. са Матицом хрватском. Нови Сад, 1967—1976.
- С. М. Дервиш — *Селимовић Меша.* Дервиш и смрт. Сарајево; Београд, 1967.
- С. М. Дервиш — *Селимович Меша.* Дервиш и смерть / Пер. А. Романенко. М., 1978.
- S. M. Derwisz — *Selimović Meša.* Derwisz i śmierć. Warszawa, 1969.
- Ц. М. Сеобе — *Црњански Милош.* Сеобе // *Црњански М.* Сеобе и друга књига Сеоба. Београд, 1962. С. 7—212. / Пер. И. Дорбы.
- Ц. М. Переселение — *Црњанский Милош.* Переселение М., 1978. Кн. I. С. 23—218.
- С. М. Wędrówki — *Crnjanski Miloš.* Wędrówki. Łódź, 1982.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Piper P.* Language in space and space in language / Ed. Radovanović M. Yugoslav General Linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1988. (= Linguistic and Literary Studies in Eastern Europe. Vol. 26).
2. *Karcević S.* Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique. Prague, 1927.
3. *Янко-Триницкая Н. А.* Особенности префиксации глаголов движения // Уч. зап. Московского городского педагогического ин-та им. В. П. Потемкина. 1952. Т. XXII. Вып. 2.
4. *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, II. Братислава, 1960.
5. *Rutkowska M.* Глаголы движения в русском и польском языках // *Slavia Orientalis.* 1978. Т. XXVII. № 3.
6. *Булатова Р. В.* Глаголы движения в сербско-хорватском языке // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964.
7. *Булатова Р. В.* Судьба соотносимых пар глаголов движения в сербско-хорватском языке // Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. 1963. Т. XXVII.
8. *Стрекалова З. Н.* К вопросу о многократных глаголах в современном польском языке // Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. 1962. Т. XXIII.
9. *Piernikarski C.* Opozycje semantyczne czasowników typu *iść: chodzić* // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej.* 1972. Т. 11.
10. *Weinsberg A.* Przyimki przestrzenne w języku polskim, niemieckim i rumuńskim. Wrocław, 1973.
11. *Пунер П.* Обележаванје просторних односа предлошко-падежним конструкцијама у савременом руском и савременом српскохрватском језику // Прилози проучавању језика. Нови Сад, 1977—1978. Т. 13—14.
12. *Пунер П.* Заменички прилози у српскохрватском, руском и польском језику (Семантичка студија). Београд, 1988.
13. *Słowski S.* Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgarskim) // *Prace Towarzystwa Naukowego Warszawskiego.* 1937. Wyzd. I. № 14.
14. *Dostál A.* Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954.
15. *Słowski S.* Funkcje prefiksu werbalnego do- w języku starosłowiańskim // *Prace Filologiczne.* 1929. Т. XIV.
16. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М.; Л., 1941. Т. IV.
17. *Miravuyova L. S.* Verbs of Motion in Russian. Moscow, 1973.
18. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 2-е изд. М., 1920.
19. *Buttlerowa D.* Związki składniowe czasowników z prefiksem do- // *W służbie nauce i szkole.* Warszawa, 1970.

20. *Wróbel H.* Prefiksacja czasowników a aktualizacja struktur predykatowo-argumentowych // *Otázky slovanské syntaxe*. Brno, 1979. IV/1.
21. *Kopečný F.* Etymologický slovník slovanských jazyků // *Slova gramatická a záměna*. Praha, 1973. Sv. 1.
22. *Babić S.* Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. Zagreb, 1986.
23. *Бояров А. П.* Глагольные словосочетания с пространственным значением в современном русском литературном языке // *Уч. зап. Рязанского гос. педагогического ин-та*. 1956. Т. XIII.
24. *Bogusławski A.* Prefiksacja czasownikowa we współczesnym języku rosyjskim. Wrocław, 1963.
25. *Sękowska E.* Funkcje semantyczno-słowotwórcze przedrostka POD- w prefiksalnych derywatach czasownikowych // *Poradnik Językowy*. 1983, № 3.
26. *Sękowska E.* Funkcje prefiksu POD- w formacjach czasownikowych // *Poradnik Językowy*. 1985, № 9—10.
27. *Weinsberg A.* Okoliczniki miejsca a przedrostki przestrzenne. // *Biuletyn PTJ*. 1970. T. XXVIII.
28. *Běličova-Křížková H.* K systému prostorových vztahů v současných slovanských jazycích // *Slavia*. 1978. Roč. XLVII. Seš. 2.

© 1994 г. ИЗОТОВ А.И.

СИСТЕМА ПОЛНЫХ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ СОВРЕМЕННОГО ЧЕШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

В настоящей статье предпринимается попытка вычленения в пределах девербативной лексики современного чешского языка системы атрибутивных причастий (в соответствии с чешской лингвистической традицией все подобные образования рассматриваются в общей массе отглагольных адъективаций и категориально не оформлены). Автором рассматриваются вопросы, связанные с определением системы полных причастных форм чешского глагола, выявлением структурной организации этой системы и определением видо-временного и залогового потенциала отдельных системообразующих элементов - четырех типов чешских полных причастных форм, а именно форм на -cí типа *dělající*, форм на -ší типа *udělavší*, форм на -lý типа *příšlý* и форм на -pý/-tý типа *(u)dělaný / (u)krytý*. В статье обосновывается относительный характер категориальной временной семантики чешских полных причастных форм и ее обусловленность видом мотивирующего глагола: перфективные полные причастные формы характеризуются причастным прошедшим временем, имперфективные - причастным настоящим временем. Отмечается возможность транспозиции настоящего причастного времени в план относительного прошлого. Анализируется категориальная залоговая семантика чешских полных причастных форм. Отмечается более последовательное выражение залоговых значений чешскими имперфективными полными причастными формами, чем перфективными, обосновывается возможность нейтрализации категориальной залоговой семантики у полных причастных форм на -pý/-tý, мотивируемых глаголами совершенного вида.

1. Определенным препятствием для сопоставительного анализа могут явиться чешско-русские терминологические различия. В чешской лингвистической литературе отсутствует понятие, адекватное содержанию русского термина *причастие*. Формально соотносительным термином *příčestí* (чешское соответствие латинскому *participium*) обозначаются исключительно краткие формы. Полные же партиципальные формы в соответствии с чешской лингвистической традицией объединяются под общим термином *(от)глагольное прилагательное* (*slovesné / verbální / deverbativní adjektivum*) со всеми мотивируемыми глаголом адъективациями (ср. 1.

Изотов Андрей Иванович — канд. филол. наук, научный сотрудник кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

C.263; 2. C.93, 132-133; 3; 4. C.137; 5. T.I. C.321-350, T.II. C.420-421; 6. C.134-141). В чешской лингвистической литературе само понятие *полное причастие* отсутствует, так как предполагается, что *причастие* краткое по определению. В настоящем исследовании мы исходим из оправданности объединения под термином *полное причастие* девербативных образований, отличающихся от собственно *отглагольных прилагательных* охарактеризованностью по виду, времени и залогу.

В соответствии с формальными показателями мы выделяем четыре типа полных причастных форм чешского глагола, а именно формы на -cí типа *dělající*, мотивируемые глаголами несовершенного вида, формы на -ší типа *udělavší* и формы на -lý типа *přišlý*, мотивируемые глаголами совершенного вида, а также формы на -nů/-tů типа (u) *dělanů* / (u) *krutů*, способные быть мотивированными глаголами как совершенного, так и несовершенного видов. Формы на -cí и формы на -ší образуются парадигматически, формы на -lý мотивируются непереходными глаголами, формы на -nů/-tů мотивируются переходными и возвратными глаголами.

2. Следует отметить принципиальное различие видо-временных характеристик форм на -cí, на -ší и на -lý - с одной стороны, и форм на -nů/-tů - с другой.

2.1. У первых трех типов полных причастных форм об их видо-временной семантике достаточно однозначно свидетельствует уже сам причастный формант, и категория времени реализуется в них как противопоставление одной формы настоящего времени (имперфективная форма на -cí) двум формам прошедшего времени (перфективные формы на -ší и на -lý). Ср.:

1. *Dokonavá slovesa nemohou vyjadřovat děj probíhající v přítomnosti* (Mluv II, 179). Глаголы совершенного вида не могут выражать действие, *осуществляющееся* в настоящем.

2. [Deverbativa typu *zhýralý*] *pojmenovávají vlastnost jakožto výsledek dříve proběhnuvšího a ukončeného děje* (Mluv I, 331). [Девербативы типа *zhýralý*] представляют качество как результат ранее *осуществившегося* законченного действия.

3. *Pro vyjádření děje proběhlého před dějem predikátového slovesa příslušně [verbální] adjektivum často chybí* (Mluv II, 141) Для выражения действия, *осуществившегося* перед действием, выраженным сказуемым, соответствующее [вербальное] прилагательное часто отсутствует.

Очевидно, что форма *probíhající*, с одной стороны, и формы *proběhlý*, *proběhnuvší* - с другой, противопоставлены не только по виду, как принято считать, но и по времени. Отнесенность передаваемого формами на -ší и на -lý действия к временному плану, предшествующему временному плану предикативного действия, то есть к относительному (причастному) прошлому, равно как и отнесенность передаваемого формой на -cí действия к временному плану, одновременному с временным планом предикативного действия, то есть к относительному (причастному) настоящему, имеет не контекстуальный, а категориальный характер.

Употребительность полных причастных форм на -lý типа *přišlý* в современных чешских текстах существенно выше употребительности полных причастных форм на -ší типа *udělavší*, поэтому основной видо-временной оппозицией в рамках чешских действительных полных причастий мы склонны считать противопоставление форм на -lý типа *přišlý* и форм на -cí типа *dělající*. Соотносительные полные причастные формы на -lý и на -cí противопоставлены как причастия прошедшего и настоящего времени. Ср.:

1. (Sylvie) *věnovala se usilovnému míchání dávno vychladlé kávy* (Adl 47). (Сильвия) принялась сосредоточенно помешивать давно *остывший* кофе.

2. V náhlém tichu slyšeli, jak na polici melodicky cinkají vychládající figurky (Adl 47)

3. Pamatuješ? Obrázek za puklým sklem a hloupůstky dotýkané dětskýma ručkama ... (Otc 501).

4. ... dutá rána a třesk pukající obrazovky mu zvěstovaly další katastrofu (Rosen 126).

5. Hérova kronikářská pamet' vyjevovala obrazy a děje dávno odešlých staletí a tisíciletí (Plud 326).

6. "Kam jdeš" - zeptal se Ondra odcházejícího Brycha (Otc 490).

Во внезапно наступившей тишине они слышали, как на полке мелодично потрескивают [только что обожженные] - остывающие статуэтки.

Ты помнишь? Картинка за лопнувшим стеклом и безделушки, которые трогают детские ручки ...

... глухой удар и треск лопающегося экрана сообщили ему еще об одном несчастье.

Память Геро-летописца вызвала картины давно минувших [букв. ушедших] столетий и тысячелетий.

"Ты куда?" - спросил Ondra уходящего Бриха.

В приведенных примерах полные причастные формы *vychladlý* и *vychládající*, *puklý* и *pukající*, *odešlý* и *odcházející* отчетливо противопоставлены по временному признаку. В примерах 1, 3 и 5 передаваемое причастной формой действие предшествует предикативному действию, а в примерах 2, 4 и 6 осуществляется одновременно с ним.

В современном чешском языке имперфективным полным причастным формам на -cí типа *dělající* по видо-временному признаку противопоставлены не только полные причастные формы на -lý типа *příšlý*, но и полные причастные формы на -ší типа *udělávší*. Ср.:

1. Poslyš, Kleo, já vím, co je život, - zdůvěřněla Chiana, *přiblíživši se* k ní tak, že musela mluvit šeptem (Plud 157).

- Послушай, Клеа, я знаю жизнь, - доверительно сказала Хиана, *приблизившись* [букв. *приблизившаяся*] к ней так, что ей приходилось говорить шепотом.

2. Hlavní intelektor našeho impulsoru objevil ve vzdálenosti několika tisíc kilometrů od nás těleso *přibližující se* k nám první světovou rychlostí (Rosen 41).

Главный интеллктор нашего импульсора обнаружил на расстоянии нескольких тысяч километров от нас объект, *приближающийся* к нам с первой космической скоростью.

Pak zazvonil a *vstoupivšimu* fámulovi dal patřičné pokyny (Mar 113).

После этого он позвонил и отдал *вошедшему* помощнику необходимые распоряжения.

4. Skleněný palác otevřený všemi svými sály, schodišti, chodbami i zahradami *vstříc vstupujícímu* vítězi ... to jsou zatím jenom sny a kdoví, nezůstanou-li jimi navždycky (Plud 289).

Стеклянный дворец, распахнутый всеми своими залами, лестницами, коридорами и садами навстречу *входящему* победителю ... пока это только мечты, и кто знает, не останутся ли они навсегда лишь мечтами.

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, формы *přiblíživši se* и *vstoupivši* противопоставлены формам соответственно *přibližující se* и *vstupující* как причастия *прошедшего* времени причастиям *настоящего* времени.

Поскольку для выражения предшествующего причастного действия в современном чешском литературном языке используются две полные причастные формы (форма на -ší типа *udělávší* и форма на -lý типа *příšlý*), равно противопоставленные по видо-временным характеристикам причастной форме типа *dělající*, закономерно возникает вопрос об их соотношении между собой. Можно отметить их стилистическую

неадекватность: формы на -lý типа *příšlý* стилистически нейтральны, формы же на -ší типа *udělavší*, напротив, нередко используются для стилизации и архаизации повествования. С другой стороны, формы на -ší типа *udělavší* образуются парадигматически, в то время как образование форм на -lý типа *příšlý* ограничено непереходными глаголами. Что же касается различий в категориальной временной семантике названных двух чешских причастных типов, то они, на наш взгляд, отсутствуют. Ср.:

1. *Koho by neuchvátily ty ... verše dávných
pěvců zachovavší se do dneška v pozdním
přepise ...* (Plud 65).

2. [Raketoplán] *zůstal zázrakem téměř ne-
porušený, zachovalý* takjak ho vyrobili kdysi
dávno Generálové ... (Rosen 139).

Кого же не заворожат эти ... стихи древ-
них сказителей, *сохранившиеся* до сегод-
няшнего дня в позднейших списках.

[Ракетоплан] чудом остался почти не по-
врежденным, *сохранившимся* таким, как-
ким его сделали когда-то давно Генера-
лы ...

В приведенных примерах соотносительные формы на -ší и на -lý передают одно и то же действие, предшествующее предикативному действию, и могут без ущерба для общего смысла высказывания взаимозаменяться.

О тождестве видо-временной семантики полных причастных форм на -ší и на -lý может свидетельствовать, по нашему мнению, также следующий пример, где данные причастные формы выступают в качестве однородных определений. Ср.:

*Československo by se stalo prvím rozpad-
lým či zaniknuvším státem v poválečné Ev-
ropě ...* (RP 11.12.90).

Чехословакия стала бы [в случае отделе-
ния Словакии] первым в послевоенной
Европе распавшимся или исчезнувшим
государством ...

В приведенном примере полной причастной формой *zaniknuvší* “погибший”, “исчезнувший”, “прекративший свое существование” по сути дела дублируется значение полной причастной формы *rozpadlý* “распавшийся”, как категориальное, так и лексическое (для государственного образования “распад” предполагает “прекращение существования”).

Как свидетельствует сравнение конструкций с соотносительными формами на -ší и на -lý, какие-либо различия в категориальной семантике названных двух причастных типов отсутствуют. Отмечаемая иногда большая отчетливость временной семантики форм на -ší типа *udělavší* (ср. [7. С.139]) вызвана тем, что с причастными формами на -ší сравнивались все девербативы на -lý в целом, то есть не только причастия на -lý типа *příšlý*, но и отглагольные прилагательные с тождественным суффиксом типа *stálý* “постоянный”, *lesklý* “блестящий” и т.п.

2.2. В то время как о видо-временной семантике форм на -cí типа *dělající*, на -ší типа *udělavší* и на -lý типа *příšlý* однозначно свидетельствует уже сам причастный формант, с формами на -ný/-tý типа (u)dělaný/(u)krytý дело обстоит иначе. Представленный в них причастный суффикс -n/-t- — единственный, которым современный чешский язык располагает для образования страдательных причастий. Суффикс -m-, представленный в ряде прилагательных (ср. *známý* “известный”, *pitomý* “глупый”, *vědomý* “сознательный”) в качестве причастного в современном чешском языке не функционирует и не функционировал, по мнению академика Б.Гавранека, никогда (ср. [8. С.11—12; 9. С.31, 50—52]). Данное обстоятельство позволяет чехословацким лингвистам говорить о временной неохарактеризованности форм на -ný/-tý, однако мы не считаем себя вправе на этом основании отказывать чешским полным причастным формам на -ný/-tý типа (u)dělaný/(u)krytý во временной семантике, проявляющейся, как нам представляется, вполне отчетливо. Соотносительные имперфективные и перфективные полные причастные формы на -ný/-tý со сходным лексическим значением противопоставлены по временному признаку точно так же,

как и рассмотренные выше имперфективные формы на -cí противопоставлены соотносительным формам на -ší или на lý. Ср.:

1. Jednoho dne se dopustila obzvlášť hrubé chyby v dopise odesílaném ministerstvu (Kap 354).

2. Ve schránce Brych našel dopis odeslaný expres (Otč 354).

3. Jako by jí byl naprosto nedostupný i obsah slov pronášených sytým, teplým hlasem (Adl 162).

4. Zvláštní na tom bylo, že první hlasitě pronesené slovo rozvířilo tichý obraz krajiny (Adl 162).

Однажды она сделала особенно грубую ошибку в письме, *отправляемом* в министерство.

В почтовом ящике Брех обнаружил письмо, *отправленное* срочной почтой.

Как будто ей был абсолютно недоступен и сам смысл слов, *произносимых* звучным, ласковым голосом.

Необычным было то, что первое же громко *произнесенное* слово взволновало тихий пейзаж.

Перфективные формы odeslaný и pronesený (примеры 2 и 4) передают действие, предшествующее предикативному действию, то есть характеризуются относительным (причастным) *прошедшим* временем, в то время как соотносительные с ними формы odesílany и proneseny (примеры 1 и 3) представляют причастное действие в его одновременности с предикативным действием, то есть характеризуются относительным (причастным) *настоящим* временем.

Интересен факт, что количество представленных в нашем материале видо-временных “страдательных” пар в десятки раз превосходит число пар “действительных” (осуществлялась сплошная выборка из современных чешских художественных, научных и публицистических текстов - всего более 10 тысяч конструкций с полными причастными формами). Позиции времени оказываются, таким образом, у чешских страдательных причастий даже более прочными, чем у действительных.

Следует отметить, что временная характеристика чешских причастий принципиально отличается от временной характеристики причастий русского глагола. В современном русском языке причастные формы характеризуются как *относительной*, так и *абсолютной* временной семантикой, причем именно последняя и является определяющей. Когда мы пользуемся понятиями *причастие настоящего* или *прошедшего времени* применительно к русскому материалу, мы имеем в виду *абсолютную* временную ориентацию причастной формы. Поэтому русские имперфективные причастия с суффиксом -ш/-вш- типа делавший или с суффиксом -енн-/-нн-/-т- типа деланный, регулярно представляющие причастное действие в его одновременности с предикативным действием, являются причастиями прошедшего времени, так как эта одновременность всегда является одновременностью в прошлом. В современном же чешском языке причастные формы характеризуются только относительной временной семантикой. Точкой отсчета для временной характеристики чешских причастий является не момент речи, как для русских причастий, а временной план соотносительного (обычно предикативного) действия. Чешские имперфективные полные причастные формы на -nú/-tý типа dělany, в отличие от русских имперфективных причастий с суффиксом -енн-/-нн-/-т- типа деланный, не ограничены планом абсолютного прошлого и не могут поэтому называться причастиями *прошедшего* времени.

Таким образом, категориальной временной семантикой перфективных полных причастных форм (всех форм на -ší типа udělavší и на -lý типа přišlý и перфективных форм на -nú/-tý типа udělaný/ukrutý) является семантика относительного прошедшего времени, а категориальной временной семантикой чешских имперфективных полных причастных форм (всех форм на -cí типа dělající и имперфективных форм на -nú/-tý типа dělany) является семантика относительного *настоящего* времени.

2.3. В отдельных случаях имперфективной полной причастной формой на -nú/-tý может передаваться действие, предшествующее предикативному действию, однако

поскольку во всех подобных случаях в контексте имеются указания на это предшествование, мы склонны рассматривать подобные случаи как *транспозицию времени*. В этом плане показательно сопоставление перфективной формы на -pů/-tů (ниже пример 1) с двумя соотносительными имперфективными, одна из которых транспонирована в план относительного прошлого (пример 2), а другая не транспонирована (ниже пример 3). Ср.:

1. [Kaštanek] rychle z ní [ledničky] vyndal [Каштанек] быстро вытащим [из холодильника] две бутылки пива, кусок колбасы, масло и сыр и положил в него две новые, заранее *приготовленные* бутылки ... (Kap 235).

2. Byla to honosná výprava v požadovaném složení a vybavení, dlouho *připravovaná* na svůj úkol a pečlivě vybraná (Plud 217). Это была торжественная экспедиция, в нужном составе и со всем необходимым снаряжением, долго *готовившаяся* к своему назначению и тщательно отобранная.

3. [Eldion] mluvil o nové hře básníka Laona *připravované* k letošním oslavám slunovratu (Plud 62). [Элдион] говорил о новой драме поэта Лаона, которую тот готовил [букв. *готовящейся*] к торжествам, посвященным солнцестоянию.

Как в первом, так и во втором примере причастное действие предшествует предикативному. Однако в примере 1 временная семантика причастия внутренне обусловлена видом мотивирующего глагола и лексический показатель отнесенности причастного действия в план относительного прошлого может быть без какого-либо ущерба для общего смысла высказывания опущен. В примере же 2 предшествование причастного действия предикативному и их временная разорванность — целиком контекстного характера, и временная семантика формы *připravovaná* в этом примере противоречит категориальной временной семантике этого класса форм. В примере 3, где указание на отнесенность причастного действия в план относительного прошлого отсутствует, та же самая форма *připravovaná* закономерно характеризуется семантикой причастного настоящего времени.

2.4. Возможность транспонирования передаваемого имперфективным причастием на -pů/-tů действия в план относительного прошлого поддерживается существованием в чешском языке довольно многочисленной группы мотивируемых глаголами несовершенного вида адъективалий, семантика которых определяется академической "Грамматикой чешского языка" как *обработанный определенным образом*. (Mluv I, 334). Ср.:

1. [Bartoš] čiperně proběhl *kovanými* [Бартош] ловко проскочил сквозь *кованые* ворота ... [*kovat imp.*] vraty ... (Otč 98)

Подобные чешские имперфективные образования соотносимы в определенном плане с русскими отпричастными прилагательными типа *молотый*. Однако в то время как русский язык располагает некоторыми формальными средствами разграничения подобных прилагательных и причастий (ср. *варенный* и *варёный*), в чешском языке одна и та же форма способна выступать то в качественном, то в процессуально-пассивном значении. Ср.:

1. K vyvýšenému altánu se klikatí *pěšina* K высокой беседке ведет извилистая *тропка*, *obsázená samšitом* и *posypaná* белесым песком с черными зернами *дробленого базальта*.

2. [Všude jenom] drny houževnaté trávy
drcéne tisícirihými stady skotu a semílané v
čelistech ovčího hemžení kolem napájedel ...
(Plud 11)

[Повсюду лишь] пучки жесткой травы,
которую топчут тысячеголовые стада и
перемальвают в челюстях овцы у водо-
поя ... [букв. *дробимой* тысячеголовыми
стадами и перемальваемой ...]

Интересно, что зачастую контекст допускает возможность как процессуально-пассивного, так и качественного восприятия причастной формы. Ср.:

Vůně květů se mísila se sladkou vůní
pražených [<pražit imp.] mandlí a *páleného*
[<pálit imp.] cukru (Adl 129).

Аромат цветов смешивался со сладким
запахом *жареного* / *жарящегося* минда-
ля и *жженого* / *плавящегося* сахара.

Ни форма девербатива, ни контекст не представляют нам возможности определить, продолжается ли процесс обжаривания кофе или плавления сахара или же он уже завершен. Мы не знаем, идет ли в приведенных и подобных примерах речь об аромате, источаемом миндалем и сахаром в процессе приготовления или же характеризуются свойства уже готового продукта. Возможность параллельного восприятия как процессуальной, так и непроцессуальной семантики подобных форм свидетельствует, на наш взгляд, не о большей, по сравнению и русскими, адъективности чешских причастий, а об их большем синкретизме, о большей комплексности и нерасчлененности их семантики.

3. При анализе залоговой категориальной семантики чешских полных причастий обращает на себя внимание тот факт, что залоговые значения выражаются имперфективными формами более последовательно, чем перфективными.

Как свидетельствует привлекаемый материал, основное залоговое противопоставление в рамках чешских полных причастных форм представлено оппозицией форм на -cí- типа *dělající*, представляющих причастное действие в *активной* перспективе, и имперфективных форм на -ný/-tý типа *dělaný*, представляющих причастное действие в *пассивной* перспективе. Ср.:

1. Vyhovoval jim vítr *čeřící* hladinu (Adl 55).

Их устраивал ветер, *покрывающий ря-
бью* поверхность [озера].

2. ... celé jezero mizelo v páře, pak jen syčení
čeřeně vody a pleskání vln napovídalo, že se
nepropadlo (Adl 15)

... все озеро скрывалось в тумане, и толь-
ко шум [букв. *покрываемой рябью*] воды
и плеск волн напоминали о его присут-
ствии.

В отличие от современного русского языка, где для передачи причастного действия в пассивной перспективе наряду со страдательными причастиями регулярно используются также и возвратно-страдательные причастия, в современном чешском языке для подобных целей используются исключительно формы на -ný/-tý. В то время как в современном русском языке полные причастные формы с возвратным компонентом -ся могут являться как действительными причастиями возвратных глаголов, так и возвратно-страдательными причастиями, в современном чешском языке все полные причастные формы с возвратным компонентом se являются действительными причастиями, мотивированными возвратными глаголами.

Ситуация с перфективными полными причастными формами существенно осложнена тем обстоятельством, что в современном чешском языке активной залоговой семантикой могут характеризоваться не только формы на -lý типа *příšlý* (ниже пример 1) и формы на -ší типа *udělavší* (ниже пример 2), но также и формы на -ný/-tý, мотивируемые *непереходными возвратными* глаголами совершенного вида типа *zúčastněný* < *zúčastnit se* “принявший участие” < “принять участие” (ниже пример 3). Ср.:

1. *Uprchlý* Cideo se skrývá v cizinecké čtvrti (Plud 414). *Сбежавший* Гидео скрывается в районе, отведенном для проживания иностранцев.

2. V obvodu z něhož pocházeli žáci byla téměř veškerá bojiště *vyuknůvší* pruskorakouské války (Syllaba 37). Те края, откуда ученики были родом, стали местом почти всех сражений *вспыхнувшей* прусско-австрийской войны.

3. Sylvia stála *otočená* [<otočit se] k oknu, a Drmarie mohla vidět jen siluetu ... (Adl 52) Сильвия стояла, повернувшись [букв. *повернувшаяся*] к окну, и Дрмария могла видеть лишь ее силуэт ...

При этом чешские перфективные формы на -*nŭ*/-*tŭ* типа *udělanŭ*/*ukrytŭ*, мотивируемые *переходными* глаголами, закономерно характеризуются *пассивной* залоговой семантикой. Ср.:

Strýc si vzpoměl, že má v kapse ještě onen pradávný doklad *podepsanŭ* [<podepsat] generálním štábetm ... (Mar 218). Дядюшка вспомнил, что у него в кармане еще лежит тот самый старей документ, *подписанный* в генеральном штабе...

Таким образом, категория залога в рамках чешских перфективных форм реализуется как противопоставление мотивируемых *переходными* глаголами форм на -*nŭ*/*tŭ* типа *udělanŭ*/*ukrytŭ*, представляющими причастное действие в *пассивной* перспективе, и форм на -*lŭ* типа *řísly*, на -*šŭ* типа *udělavšŭ* и на -*nŭ*/*tŭ*, мотивируемых *непереходными* возвратными глаголами типа *zúčastněnŭ*, представляющими причастное действие в *активной* перспективе.

Залоговое значение перфективных форм на -*nŭ*/*tŭ*, мотивируемых соотносительными по возвратности/невозвратности глаголами, может быть определено, таким образом, только в контексте. Ср.:

Z čerstvě *nalitého* [<nalít] čaje stoupá pára (Fuč 7). От только что *налитого* чая поднимается пар.

2. Ježíšmarjá, co je tohle? Taký *nalitej* [<nalít se] Господи Иисусе, что это такое? Тоже пьяный [букв. *налившийся*]?

Чешские полные причастные формы на -*cí*, на -*lŭ* и на -*šŭ* характеризуются только активной залоговой семантикой, формы же на -*nŭ*/*tŭ* способны представлять причастное действие как в пассивной, так и в активной перспективе. Незакрепленность за причастным формантом -*n*-/*t*- пассивного залогового значения делает возможными окказиональные причастные образования на -*nŭ*/*tŭ* с активной залоговой семантикой, мотивируемые *непереходными* невозвратными глаголами. Ср.:

1. [Héro] navštívil *nastoupenou* [Геро] осмотрел *построившийся* отряд [<nastoupit] jednotku námořní pěchoty ... морской пехоты... (Plud 435)

2. Proud nese i *spadané* [<spadat] listí, proč Поток несет и *опавшие* листья, почему бы ему не нести и тебя?

Следует, однако, отметить, что подобные образования, являющиеся, без сомнения, реликтами древнего состояния славянских языков, когда залоговые значения еще не были жестко закреплены за теми или иными формами, и рассматриваемые традиционно как диалектизм (ср. [1. С.254]), крайне редки и в нашем материале представлены единичными примерами.

Анализ категориальной семантики полных причастных форм современного чешского литературного языка в сопоставлении с русскими причастиями позволяет сделать следующие выводы:

Система полных причастных форм чешского глагола распадается на две частные формальные системы, противопоставленные по категории вида и, параллельно с этим, по категории относительного (причастного) времени, при этом причастный тип на

-ný/-tý оказывается как разрезанным пополам: перфективные полные причастные формы на -ný/-tý типа *udělaný/ukrytý*, характеризующаясь вместе с перфективными полными причастными формами на -ší типа *udělavší* и формами на -lý типа *přišlý* относительным (причастным) прошедшим временем, противопоставлены имперфективным полным причастным формам на -ný/-tý типа *dělaný*, характеризующимся вместе с имперфективными полными причастными формами на -cí типа *dělající* относительным (причастным) настоящим временем. Ср.:

<i>perfectiva</i>	<i>imperfectiva</i>
<i>udělaný</i>	<i>dělaný</i>
<i>udělavší</i> <i>přišlý</i>	<i>dělající</i> <i>přicházející</i>

Видовое противопоставление полных причастных форм выступает в чешском языке и как противопоставление временное, в силу чего характерные для русской причастной системы временные оппозиции в рамках одного вида (ср. делающий/делавший) или видовые оппозиции в рамках одного времени (ср. делавший/сделавший) для современного чешского языка исключены. В современном русском литературном языке причастный формант задает абсолютную временную ориентацию причастной формы, а вид мотивирующего глагола—временную ориентацию относительную. В современном же чешском литературном языке, где позиции причастного форманта как показателя временной семантики ослаблены, абсолютная временная ориентация полной причастной формы закономерно вытеснена относительной.

Видо-временные оппозиции в рамках чешских полных причастных форм образуются противопоставлением: 1) полных причастных форм на -lý и на -cí (*přišlý—přicházející*, *rozechvělý—rozechvívající se*); 2) полных причастных форм на -ší и на -cí (*vstoupivší—vstupující*, *rozechvěvší se—rozechvívající se*); 3) перфективных и имперфективных полных причастных форм на -ný/-tý (*přinesený—nesený*).

Категория залога в рамках чешских полных причастных форм выражена противопоставлением причастий, передающих действие в пассивной перспективе (формы на -ný/-tý типа *(u)dělaný/(u)krytý*, мотивируемые переходными глаголами совершенного и несовершенного видов), и полных причастных форм, передающих действие в активной перспективе (полные причастные формы на -cí типа *dělající*, формы на -ší типа *udělavší*, формы на -lý типа *přišlý*, а также формы на -ný/tý типа *zúčastněný*, мотивируемые непереходными возвратными глаголами совершенного вида). При этом залоговое значение полных причастных форм на -ný/-tý, способных быть мотивированными соотносительными по возвратности/невозвратности глаголами совершенного вида (ср. *nalitý<nalít/nalít se*) может быть определено только в контексте. Ср.:

<i>activa</i>	<i>passiva</i>
<i>dělající</i> <i>udělavší</i>	<i>dělaný</i> <i>udělaný</i>
<i>zúčastněný</i>	—
<i>přišlý</i>	—

Различные чешские причастные типы способны вступать в разное число залоговых оппозиций. Практически все переходные глаголы совершенного и несовершенного вида способны мотивировать как действительные (формы на -cí типа *dělající* и

формы на -ší типа *udělavší*), так и страдательные (формы на -ný/-tý типа *(u)dělaný/(u)krutý*) причастия. Непереходные же глаголы именно в силу своей непереходности образуют причастия с пассивной залоговой семантикой не могут, поэтому все полные причастные формы на -lý типа *příšlý* (образующиеся исключительно от непереходных глаголов), а также большая группа перфективных полных причастных форм на -ný/-tý типа *zúčastněný* (образующиеся от непереходных глаголов) в оппозиции по залогу не вступают. Весь класс несоотносительных по залогу полных причастных форм с активной залоговой семантикой противопоставлен в целом всему классу форм, характеризующихся пассивной залоговой семантикой. Основными же залоговыми оппозициями в рамках чешских полных причастных форм являются оппозиции, образуемые полных причастных форм на -cí и имперфективных полных причастных форм на -ný/-tý (*nesoucí—nesený*), а также полных причастных форм на -ší и перфективных полных причастных форм на -ný/-tý (*přinesší—přinesený*).

Ограничения, накладываемые на возможность образования в современном чешском литературном языке действительных причастий прошедшего времени, существенно снижают, по сравнению с русским, возможность передачи причастного действия в прошлом. Стилистическая маркированность и узуальная ущербность причастий на -ší типа *udělavší* обуславливают высокую функциональную нагруженность в чешском языке причастий на -lý типа *příšlý* и причастий на -ný/-tý типа *zúčastněný/nalítý*, мотивированных непереходными возвратными глаголами. Отсутствие в чешском языке причастий с суффиксом, восходящим к праславянскому суффиксу -m-, приводит к существенно большей, нежели в русском, функциональной нагруженности имперфективных причастий на -ný/-tý типа *dělaný*, сигнализирующих об одновременности причастного и предикативного действий во всех временных планах. Более жесткая, чем в русском, связь вида мотивирующего глагола и временной характеристики причастия ограничивает функциональные возможности чешских полных причастных форм и усиливает функциональную значимость сопутствующих лексических и грамматико-синтаксических средств, что приводит в конечном итоге к большему, нежели в русском, синкретизму чешских полных причастных форм.

Сокращения

Adl	— <i>Adlová V. Růže z Flander. Praha, 1976.</i>
Fuč	— <i>Fučík J. Reportáž psaná na oprátce. Praha, 1981.</i>
Кап	— <i>Kapek M. A je to gól! Praha, 1983.</i>
Мар	— <i>Marek J. Můj strýc Odysseus. Praha, 1979.</i>
Млув I	— <i>Mluvnice češtiny I. Praha, 1986.</i>
Млув II	— <i>Mluvnice češtiny II. Praha 1986.</i>
Отč	— <i>Pludek A. Nepřítel z Atlantidy. Praha, 1981.</i>
Rosen	— <i>Rosenbaum Z.—Szalai L. Dvojnásobný dvojník. Ostrava, 1983.</i>
RP	— <i>Rudé právo, deník.</i>
Syllaba	— <i>Syllaba Th. Jan Gebauer. Praha, 1986.</i>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Grepl M., Karlík P. *Skladba spisovně češtiny. Praha, 1986.*
2. Navránek B., Jedlička A. *Česká mluvnice. Praha, 1951.*
3. Hrabě V. *O používání přídavných jmen slovesných přítomných a minulých tvořených od sloves nedokonavých v ruštině a češtině // Ruský jazyk. Praha, 1955. c.9.*
4. Hauser P. *Nauka o slovní zásobe. Praha, 1980.*
5. *Mluvnice češtiny. Praha, 1986. T.I,II.*
6. Šmilauer V. *Novočeské tvoření slov. Praha, 1971.*
7. Корецнý Ф. *Пřišedší, zahynuvší—přišlý, zahynulý (Příspěvek k problému slovanského přičestí I-ového) // Славянская филология. М., 1958. Вып.II. С.138-163.*
8. Лешка О. *История причастий в русском языке до XV в. Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1956.*
9. Navránek B. *Genera verbi v slovanských jazycích. Praha, 1937. T.II.*

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ТРАДИЦИИ И ТЕКСТЕ ПРОСТРАННОГО ЖИТИЯ КОНСТАНТИНА¹

Среди памятников кирилло-мефодиевского цикла *Житие Константина* (ЖК) занимает безусловно первое место. Это объясняется не столько тем, что оно представляет собою, по всей видимости, наиболее раннее оригинальное произведение на церковнославянском языке, сколько его принципиальным значением для истории и историографии кирилло-мефодиевской миссии. Нет ничего удивительного поэтому, что ЖК многократно издавалось и переводилось на разные языки, и что ему посвящены многочисленные научные работы. В данной статье я хотел бы указать на некоторые новые выводы, сделанные при изучении текста и традиции памятника.

Несколько лет назад в Москве, на заседании, посвященном Дням славянской письменности и культуры, я имел возможность изложить некоторые соображения о рукописной традиции ЖК. Тогда я сосредоточился главным образом на двух аспектах этой проблематики [1]. Во-первых, я обратил внимание на так называемую группу *c*, т. е. группу, которую составляют списки, находящиеся в сборниках неустойчивого состава (сегодня следует уточнить: преимущественно в сборниках неустойчивого состава, так как подобное определение относится уже ко всем спискам этой группы; ниже я предлагаю для нее другое название). Вопреки мнению В. Киса, но в поддержку выводов итальянского исследователя Н. Радовича, я опроверг тезис о зависимости группы *c* от группы *b* (последняя обозначает в научной традиции те списки ЖК, которые входят в состав февральских Четых миней) и подчеркнул ее текстологическое значение. Во-вторых, я остановился на так называемом южнославянском изводе ЖК. Если принимать этот термин не в лингвистическом значении, а исключительно в текстологическом, то оказывается, что южнославянский извод ЖК как таковой не существует: здесь надо вновь упомянуть исследование Н. Радовича, который почти четверть века назад пришел к такому выводу [2. Р. 103—111]. Тогда я смог еще добавить, что южнославянская группа списков (теперь уже не извод) восходит к восточнославянскому протографу, что немаловажно, на мой взгляд, и для общей картины традиции церковнославянской литературы (см. последнюю значительную работу по этой проблематике [3]). Все эти заключения были основаны на сравнительно ограниченном рукописном материале и носили поэтому явно предварительный характер. Между тем мое знакомство с рукописной традицией ЖК расширилось, что позволяет изложить новые данные.

Дзиффер Джорджо — ассистент кафедры славянских языков и литератур университета г. Удине (Италия).

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный на Конгрессе славянских культур в Москве в мае 1992 г. с сохранением терминологии автора.

Самые важные из них касаются той части традиции, которая до сих пор оставалась практически неизвестной. Я имею в виду ту югозападнорусскую традицию ЖК, которая составляет одну из двух главных ветвей всей традиции памятника [4]. Это значит, естественно, что все, высказанное по поводу традиции текста ЖК (в том числе и мной), в действительности касается лишь одной ветви стеммы. Необходимо сразу внести уточнение: только Н. Радович отметил значение одного из списков югозападнорусской традиции и увидел в нем одну из трех главных (как он считал) ветвей стеммы [2. Р. 153]. Здесь и начинаются парадоксы истории изучения текста ЖК: рукопись, которой занимался Радович, является тем Ватиканским списком, который в 1831 г. (т. е. за 12 лет до публикации основополагающей статьи А. В. Горского) описал М. Бобровский [5. S. 101], списком, который отчасти был известен уже первому издателю ЖК, П. Шафарыку [6. S. 31—32]. Надо сказать, что таких парадоксов в этой истории еще немало. Возникает вопрос: как выглядит эта югозападнорусская традиция? Она состоит из двух отдельных групп. В первую входят четыре списка ЖК: 1) Ватиканский (Vatican. Slav. 12. Л. 82а—1056; XVII в.); 2) С.-Петербургский (РНБ(ГПБ). Собр. М. П. Погодина. № 957. Л. 393аа—41066; XVI в.); 3) Вильнюсский (БАН Литвы. Ф. 19. № 80. Л. 4876—5056; XVI—XVII вв.) 4) Московский (РГБ. Архив О. М. Бодянского. Ф. 36. Оп. II. Ед. хр. 10. Л. 1а—23а; писарская копия XIX в.)

Если разные представители первой группы были давно известны (помимо Ватиканского списка, списки Вильнюсский и Бодянского также получили известность еще в XIX в.), то нечто подобное можно сказать и о второй югозападнорусской группе: и здесь различные списки уже давно были известны в кирилло-мефодиевских исследованиях, а два из них даже целиком опубликованы. Дело в том, что эта вторая группа (которая не зависит от первой, и в этом, конечно, заключается большее ее значение) состоит из списков, содержащих последние три главы ЖК, помещаемые после *Проложного Жития* в составе *Пролога* (за одним чрезвычайно интересным древнейшим исключением: три последние главы читаются и в рукописи (единственной в группе, содержащей указание на время (1462 г.) и место издания (Луцк на Волыни) — С.-Петербург. БАН. 13.3.21 (Яцимирский 48) — вне *Пролога*² и без соседствующего *Проложного Жития*)³. На данный момент мне известно 10 списков, принадлежащих к этой группе (но среди многочисленных рукописей *Пролога* (я и здесь имею в виду югозападнорусские кодексы), несомненно, найдутся и новые). Привожу их перечень: 1) С.-Петербург. БАН. 13.2.21 (Яцимирский 48). Л. 22а—27а (1462 г.) [7. С. 49]; 2) Прага. Народный музей. IX А 44. Л. 392а—396а (XVI в.) [8. С. 105—109]; 3) Киев. ЦНБ АНУ. Почаевская лавра. 9(103). Л. 131—134 (XVI в.) [7. С. 50]; 4) Львов. НБ им В. Стефаника. Василианский монастырь. 26. С. 861—869 (XVI в.) [7. С. 50—51]; 5) Львов. Музей украинского искусства. 15788. Л. 315—318 (XVI в.) [7. С. 51]; 6) С.-Петербург. РНБ. Яворский 4. Л. 256—259а (не позднее 1579 г.); 7) Москва. РГБ. Музейное собр. 3176. Л. 109а—1146 (XVI—XVII в.) [7. С. 52—53; 9. С. 31—35]; 8) Пшемьсл. Библиотека капитула. 269. Л. 379—383 (XVI—XVII в.) [7. С. 52, 232]; 9) С.-Петербург. РНБ. Яворский 5. Л. 344б—348а (не позднее 1633 г.); 10) Львов. НБ им В. Стефаника. Петрушевич 28. Л. 2—6 (XVII в.) [7. С. 53].

Несмотря на то, что эта группа сохраняет лишь заключительную часть текста (приблизительно 20% объема), я уже отметил, что ее значение чрезвычайно велико, поскольку оно восходит не к первой югозападнорусской группе непосредствен-

² Строго говоря, *Прологом* не является и рукопись, содержащая Почаевский список (№ 3 перечня) — это минейный Торжественник особой редакции. Однако одним из источников формирования его несомненно являлся *Пролог*, к которому восходит целый ряд статей сборника, например, такой редкий текст как Слово на перенесение перста Иоанна Предтечи из Константинополя в Киев при Владимире Мономахе.

³ Хочу выразить признательность А. А. Турилову, который указал мне среди многочисленных в восточнославянской рукописной традиции фрагментов ЖК именно эту (вторую югозападнорусскую) группу и одновременно обратил мое внимание на некоторые списки, неучтенные в предшествующей литературе.

но, а к их общему протографу [4. Р. 385—394]. Из такого стемматического положения следует, что вторая югозападнорусская группа оказывается основополагающей для восстановления общего югозападнорусского протографа (который далее буду обозначать как субархетип α) и через его посредство для восстановления архетипа традиции текста ЖК в целом. Но вторая югозападная группа оказывается весьма ценной и в другом отношении: она позволяет нам лучше определить облик первой югозападнорусской группы, которая для начальных 15 глав одна представляет субархетип α . Если в трех последних главах первая югозападнорусская группа совпадает с остальной частью традиции (обозначаю ее через букву β) и противостоит второй примерно в 20 случаях правильных различий, то противоположное совпадение второй югозападнорусской группы с субархетипом α наблюдается более чем в 120 случаях⁴. В первую очередь это означает, что для последних трех глав текст второй югозападнорусской группы более исправен, чем текст первой. Но и для начальных 15 глав это сопоставление позволяет заключить, что большое число инновационных различий, характеризующих первую югозападнорусскую группу по сравнению с субархетипом β , восходит не прямо к субархетипу α , а лишь к общему протографу первой югозападнорусской группы. Очевидно, именно это обилие явно вторичных различий (я отношу пока сюда как значительные ошибки, так и характерные различия) и осложнило в прошлом признание чрезвычайного значения этой группы.

Прежде чем перейти к рассмотрению нескольких новых различий югозападнорусской традиции, считаю необходимым остановиться на ветви β . И внутри этой ветви традиции, при продолжении работы над рукописями, картина несколько изменилась (и обогатилась). В ходе сличения списков все больше определяется значение той группы, которая до сих пор обозначалась через букву a — это группа списков, находящихся (в основном) в составе октябрьских Четых миней. Во-первых, выясняется, что она представляет собой одну из двух главных ветвей субархетипа β , тогда как другая ветвь представлена прежними группами c (группа списков в сборниках), b (группа списков в февральских Четых минеях) и южнославянской. Относительно хорватско-глаголической традиции я не могу пока дать окончательного ответа: вероятно, она также восходит к субархетипу β , но я затрудняюсь определить со всею точностью ее положение в стемме⁵. Во-вторых, я пришел к выводу, что для группы a более уместно другое название: предлагаю впредь обозначать ее как первую новгородскую группу. Следует добавить, что и на более широком географическом фоне происхождение кодексов все более тесно связывается с различными списками ЖК и особенно с их текстологическими группами. И прежнюю группу c лучше определять иначе — как вторую новгородскую, тогда как группа февральских Четых миней связана с московским ареалом. Такое взаимное подтверждение текстологического анализа и географических координат указывает наилучшим образом на необходимость изучения «истории традиции» вместе с «критикой текста», если воспользоваться удачным биномом Джорджо Паскуали [10].

Нечто новое можно сказать и по поводу самого известного списка ЖК—Москва. РГБ. Московская Духовная академия 19 (МДА 19). Уже давно известно, что он является плодом контаминации по крайней мере трех различных списков: основу составляет текст, принадлежащий ко второй новгородской группе (бывшей группе c), но текст отражает и явную зависимость от представителей первой новгородской (бывшая группа a) и московской (бывшая группа b) групп [11. С. 27]. Действительность оказывается, однако, еще более сложной и интересной. Описанная контаминация не является на самом деле собственной инициативой писца списка МДА 19, так как имеются еще два других списка, которые не зависят от первого и содержат

⁴ Ранее приводимые мною цифры были несколько большими: соответственно 39 и 160 [4. Р. 392—393].

⁵ Иное мнение высказано мной в предыдущих работах, где я основывался прежде всего на одном чтении (11. XV, 27,5: съ Вардою оуемъ своимъ) и относящихся к нему вариантах, которым придавал в то же время большое значение [1. С. 62; 4. Р. 377—378].

тот же текст: я имею в виду списки С.-Петербург. РНБ. 1.738 (Буслаев 44) и Москва. РГБ. Бодянский. Оп. II. Ед. хр. 11. Но и это не все, поскольку из сопоставления списка МДА 19 с двумя другими следует, что после переписывания МДА 19 был еще раз сравнен с двумя другими списками: одним, принадлежащим ко второй новгородской группе (но к другой подгруппе по сравнению с положенным в основу первоначальной контаминации), и другим, восходящим к московской группе (b). Если же вспомнить, что текст ЖК до сих пор известен в науке главным образом по этому списку, то напрашивается вывод, что кирилло-мефодиевские исследования в течение полутора веков основывались в первую очередь на самом худшем из списков всей рукописной традиции памятника.

Изучение рукописной традиции ЖК выявило и его связи с другими памятниками кирилло-мефодиевского цикла. Если ЖК лишь в виде исключения соседствует с *Житием Мефодия* (ЖМ) и с трактатом Храбра, то более тесными являются его связи с *Похвальным словом Константину и Мефодию* и с *Похвалой Кириллу* (ПК). В то время как *Похвальное слово* встречается и после ЖК и после ЖМ, кроме одного случая (Москва. РГБ. Разумовский 73; но здесь текст *Похвального слова* дошел без начала, в составе конволюта, собранного в первой половине XIX в. из отрывков рукописей XVI и XVII вв.), когда оно не сопровождает эти Жития, ПК в русской традиции всегда следует (за одним лишь исключением) непосредственно за ЖК. Точнее, речь идет о ЖК определенной текстологической группы, а именно второй новгородской. Связь между ЖК и ПК, существующая внутри этой группы, очень тесна: за двумя исключениями (С.-Петербург. БАН. Архангельское собр. Д. 242 и Москва. РГБ. Рогожское собр. 636), все списки ЖК, принадлежащие ко второй новгородской группе, куда входят 20 полных списков, предшествуют тексту ПК; и, соответственно, наоборот — нет русских списков ПК (за одним исключением: Москва: ГИМ. Уваров 1808), в которых она не следовала бы за текстом ЖК второй новгородской группы. В определенный момент мне показалось, что существует еще одно исключение: И. И. Срезневский опубликовал в 1867 г. список ПК, по рукописи, где по всей вероятности не было ЖК (рукопись утеряна) [12]. Но здесь, видимо, ЖК и не должно было находиться, так как рукопись эта западнорусского происхождения. Поэтому неудивительно, что и в текстологическом отношении этот список ПК во многом отличен от списков новгородской традиции. Эти его особенности, равно как и частые совпадения с самым известным из списков ПК—Москва. РГБ. Севастьянов 41 (М. 1467), заслуживают, конечно, особого внимания.

Однако вернемся к ЖК и прежде всего к его западнорусской традиции. Здесь я хотел бы отметить некоторые разночтения этой ветви, которые, на мой взгляд, являются первичными, и которые меняют не только некоторые аспекты текста ЖК, но и самой кирилло-мефодиевской миссии.

В конце IV главы ЖК мы читаем, что логофет Феокист предлагает царице Феодоре дать Константину службу «да боудеть вивлотикарь оу патриарха въ свѣтъи Софїи, негли поне тако оудрѣжимъ его» (IV 5, 21—22)⁶. В литературе высказывались различные мнения по поводу термина «вивлотикарь», который одни исследователи считают соответствием греческому хартофилаксу, другие же — библиофилаксу. Дело в том, что термин «вивлотикарь» (а не «вивлютикаръ», как иногда указывают исследователи, поскольку данный вариант нигде в рукописной традиции ЖК не засвидетельствован) по всей вероятности проник в это место под непосредственным влиянием последней части текста, где упоминается Анастасий библиотекаръ: «и Анастасїа вивлотикара» (XVII 34, 8—9). Если в этом втором случае термин вполне уместен (именно с таким прозвищем Анастасий известен нам и по другим источникам), то найти греческий эквивалент первому употреблению термина «вивлотикарь», который в конечном итоге восходит к латинскому «bibliothecarius» не так легко. Но как было отмечено К. Ханником в самой интересной трактовке этого места ЖК, термины, отражающие церковные должности и ли-

⁶ Цитаты из Жития привожу по изданию П. А. Лаврова [13. С. 1—36] с указанием главы, страницы и строки.

тургические функции, в средневековых источниках всегда передаются точно [14. S. 292—294]. Традиция текста ЖК в свою очередь знает в этом месте не только вариант «вивлотикарь». Кроме чтения «книгчии», которое встречается в маленькой подгруппе второй новгородской группы, имеется и чтение «съсоудохранильникъ» — точная калька греч. *σκηνοφυλαξ*. Это чтение не является абсолютной новостью, поскольку приводится уже в издании П. А. Лаврова [13. С. XXI], откуда оно стало известно и другим исследователям — например, Ф. Дворнику [15], К. Ханнику и т. д. Однако до сих пор оно было известно лишь Ватиканскому списку, тогда как в действительности читается и в остальных трех списках первой югозападнорусской группы. Уже Ханник, который предпочитал для чтения «вивлотикарь» значение библиофилакс, в противоположность Ф. Дворнику (последний интерпретировал этот термин как хартофилакс) отметил важность различия «съсоудохранильникъ» в литургическом контексте и его историческую правдоподобность. И все же из-за неясности облика и стемматического положения Ватиканского списка он не осмелился принять этот вариант взамен традиционного «вивлотикарь». Сейчас, при новой стемме, где первая югозападнорусская группа занимает столь важное место, нет, кажется, сомнения, что Константин был назначен именно скевофилаксом: напомним, что с 612 г. под большим скевофилаксом служили четыре священника, шесть диаконов и два чтеца. Если Константину было тогда 24 года, то весьма правдоподобно, что он был назначен скевофилаксом-диаконом.

Перейдем теперь к самой важной части ЖК — тому месту, где речь непосредственно о славянской миссии. Чрезвычайно важным событием здесь, безусловно, является перевод Константином литургических книг. В начале XV главы читаем: «И въскорѣ же сѧ весь црѣковный чинъ прѣложи, и наоучи а оутрени, и годинамъ, обѣднѣи, и вечерни, и павечерници, и таинѣи слоужбѣ» (XV 28, 4—6). Эти слова касаются непосредственно самого начала славянской литургии, и неудивительно, что они часто привлекали внимание исследователей. Известная трудность возникла, когда исследователи пытались уточнить, какой именно чин богослужения Константин перевел в Моравии. Если верить сведениям ЖК, то он должен был перевести монастырский типикон Саввы Освященного. Но в этом видится историческое противоречие, поскольку Константин тогда еще не был монахом; более того, его миссионерская деятельность никоим образом не ограничивалась монашеством (или даже духовенством). И в этом случае текстологический анализ дает, как мне представляется, окончательный ответ: в первой югозападнорусской группе нет упоминания обедни (чего нет и в большей части списков субархетипа β) и, что важнее всего, павечерницы. Из этого следует, что Константин перевел не монашеский типикон, а (как, например, предполагал еще 20 лет назад болгарский исследователь Б. Чифлянов) кафедральный типикон Святой Софии («чин Великой Церкви») [16]. Вероятно, писец субархетипа β, по всей видимости монах, полагал, что в перечне опущено упоминание этого последования, и добавил его; подобным же образом уже позднее другой писец (протографа второй новгородской группы) счел необходимым пополнить перечень также термином «обедня» (и от этой группы явно вторичное чтение должно было впоследствии попасть в ту контаминированную группу, к которой относится и пресловутый список МДА 19)⁷.

До сих пор в литературе считалось, что хронологические данные о пребывании Константина и Мефодия в Моравии в ЖК и ЖМ расходятся (оставляю здесь в стороне данные *Итальянской легенды*, где речь идет о четырех с половиной годах): автор ЖМ говорит о трех годах, между тем как в ЖК сообщается, что пребывание длилось 40 месяцев. Но эта цифра — вновь чтение только субархетипа β. Первая югозападнорусская группа говорит здесь о трех годах, т. е. так, как и ЖМ. По этому поводу следует напомнить, что это чтение было указано в первом издании П. Шафарика, который частично пользовался и Ватиканским списком [6. S. 32] (из

⁷ Противоположную (и ошибочную) интерпретацию я предложил ранее, когда, считая чтение «обедня» аутентичным, писал о его отсутствии как о соединительной ошибке одной части рукописной традиции [1. С. 62].

него Шафарик ввел в научный оборот всего пять разночтений). В данном случае, на мой взгляд, есть все основания полагать, что писец субархетипа β заменил первоначальное хронологическое указание (три года) другим (40 месяцев), которое носило более явный символический характер: здесь можно сослаться на анализ Х. Шедер, которая (не зная о разночтении Ватиканского списка) писала о символическом значении (и вторичном характере) сведения ЖК по сравнению в ЖМ [17. S. 237].

Еще более интенсивно исследователи дискутировали по поводу цели путешествия Константина, когда он хотел рукоположить своих учеников. Критическая литература этого вопроса огромна, и я хочу напомнить лишь главные из выдвинутых гипотез: братья направлялись в Венецию, чтобы оттуда продолжить путешествие в Константинополь, Рим или в Аквилею [18. С. 132—133]. В тексте первой югозападнорусской редакции имеется однозначный ответ на этот вопрос, совпадающий с мнением таких исследователей, как А. Брюкнер, Н. К. Никольский и Ф. Гривец: Кирилл и Мефодий направлялись в Рим. Буквальное чтение данной группы: «прѣбыть три лѣта въ Моравѣ, и поиде въ Ри(мъ) с(вѣ)титъ оуч(ени)къ свои(хъ)» (Вильнюс 80. Л. 503а).

Я оставил для заключения одно особенно темное и загадочное место ЖК, над которым трудились многие исследователи, можно сказать даже — не одно их поколение: имею в виду эпизод о «русских письменах». Не буду приводить здесь обзор огромной литературы по данному вопросу, так как не стремлюсь предложить еще одну интерпретацию этого места. Моя задача скромнее — представить чтение из первой югозападнорусской группы и сопоставить его с уже известными. Цитирую вначале русский перевод Б. Н. Флори: «Нашел же здесь евангелие и псалтырь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и сравнил ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему, хваля Бога» [18. С. 77—78]. Слово «различил» дано в издании курсивом, так как переводчик счел здесь нужным исправить текст (в основе перевода лежит список МДА 19). Но на самом деле разночтение «разлучи» является исправлением лишь по отношению к одной части традиции, потому что это чтение находится и в первой новгородской группе, чье значение внутри ветви β я уже подчеркнул. Другие списки ветви β имеют такие разночтения как «различна», «различно», «различи», «различие», «различнаа». А в первой югозападнорусской группе данное место читается: «обрѣтъ же тоу еу(агге)лие и алтырь роускыми писмены писано, и чл(овѣ)ка шбрѣ(тъ) гл(аголю)ща тою (бесѣдоу и) ⁸ бесѣдова с ни(мъ) и силоу рѣчи приимъ своеи бесѣде прикладаа разлучи писмена несъгласнаа и съгла(с)наа оучини и к б(о)гоу въ м(оли)твѣ прилежа(въ) въскорѣ(же) на(ча)ть чести и сказати» (Вильнюс 80. Л. 493б). Здесь Константин выступает не как лингвист, заботящийся о различении гласных и согласных букв, а как поборник православия: он устраняет из Евангелия и Псалтыри те части, которые не соответствуют ортодоксальному христианскому учению, и одновременно приводит в порядок те части этих книг, которые, напротив, не противоречат этому учению. Мне представляется, что такое чтение заслуживает внимания всех исследователей: быть может, оно позволяет перевести вопрос об этом темном месте ЖК в другую плоскость. Конечно, *русские* письмена остаются таковыми, но я должен признать, что вопрос о первоначальном чтении мне представляется менее важным, чем большинству исследователей. Считаю вероятным исключить возможность того, что в оригинале стояло именно дошедшее чтение (русские), и что «сирская» гипотеза остается более вероятной [18. С. 115—117]. Но более значительным, на мой взгляд, является другой факт: все списки ЖК говорят именно о русских письменах, и такое искажение, по-видимому, восходит к архетипу всей традиции текста. Это значит, иными словами, что мы имеем здесь косвенное указание на то, что архетип ЖК восходит к

⁸ Эти два слова в Вильнюсском списке (и только в нем) отсутствуют из-за *saut même au même*.

восточнославянскому ареалу, что самый древний этап традиции текста, который можно выявить с помощью приемов текстологической критики, является русским⁹. Вот чем в первую очередь определяется значение этого места.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дзиффер Дж.* Рукописная традиция пространного Жития Константина // Советское славяноведение. 1991. № 3. С. 59—63.
2. *Radovich N.* Le pericopi glagolitiche della Vita Constantini e la tradizione manoscritt cirillica. Napoli, 1969.
3. *Турилов А. А.* Памятники письменности восточных и южных славян в южнославянской рукописной традиции XIII—XIV вв. Проблемы и перспективы изучения // Информационный бюллетень МАИРСК. М., 1992. Вып. 25. С. 87—97.
4. *Ziffer G.* La tradizione russa sud-occidentale della Vita Constantini // Studi slavistici offerti a Alessandro Ivanov nel suo 70 compleanno, a cura M. Ferrazzi. Udine, 1992.
5. *Scriptorum veterum nova collectio.* Roma, 1831. № V.
6. *Safařík P. J.* Památky dřevního písemnictví Jihoslovanů. Praha, 1851.
7. *Климент Охридски.* Събрани съчинения / Подготвили за печат Б. Ст. Ангелов и Хр. Кодов. София, 1973. Т. 3. Пространни жития на Кирил и Методий.
8. *Яворский Ю. А.* Новые рукописные находки в области старинной карпаторусской письменности XVI—XVIII вв. // Knihovna Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarp. Rusi pri Slovan. ústavu. Praha, 1931. С. 2. S. 105—109.
9. *Ангелов Б.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Кн. II. С. 31—35.
10. *Pasquali G.* Storia della tradizione e critica del testo. Firenze, 1934.
11. *Флоря Б. Н.* Рукописная традиция памятников Кирилло-Мефодиевского цикла. Итоги и задачи изучения // Жития Кирилла и Мефодия. М.; София, 1986.
12. *Срезневский И. И.* Два сборника житий XIV в. с похвалой епископа Климента Кириллу Философу // Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867. № I—XI. С. 53—60.
13. *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
14. *Hannick Ch.* Die byzantinischen Missionen // Kirchengeschichte als Missionsgeschichte. München, 1978. Bd. II. № 1.
15. *Dvornik F.* Les legendes de Constantin et de Methode vues de Byzance. Praha, 1933. P. 341.
16. *Чифлянов Б.* Богослуженият чин, преведен от братяте Кирил и Методий в началото на моравската миссия // Славистичен сборник. София, 1973. С. 57—68.
17. *Shaeder H.* Geschichte und Legende im Werke der Slavenmissionare Konstantin und Method // Historische Zeitschrift. 1935. Bd. 152.
18. Сказания о начале славянской письменности / Отв. ред. В. Д. Королюк, вступ. статья, перевод и комментарии Б. Н. Флоры. М., 1981.

⁹ Это наглядно подтверждается в первую очередь стеммой, демонстрирующей восточнославянское происхождение обоих субархетипов — α и β .

© 1994 г. ДЬЯКОВ В. А.

«КНЯЖНА ТАРАКАНОВА». ПО ПОЛУЗАБЫТЫМ АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ

О существовании таинственной красавицы, обреченной на мучительную смерть в Алексеевском равелине Петропавловской крепости за то, что она назвалась дочерью императрицы Елизаветы Петровны и графа А. Г. Разумовского, знают многие их тех, кто интересуется историей. Не только в России и Польше, но и во многих других странах она с первых десятилетий прошлого века стала героиней душещипательных романов, повестей, рассказов и пьес, а в XX в. также и кинофильмов, имевших немалый кассовый успех. Из недавних можно назвать, в частности, театральную постановку по пьесе Л. Г. Зорина «Царская охота» и шедшую в 1990 г. кинокартину «Ленфильма» с тем же названием. С именем «княжны Таракановой» связано немало разнообразных мифов, весьма далеких от исторической реальности. Один из них нашел отражение в большом полотне известного живописца прошлого века К. Д. Флавицкого [1], хранящемся в Третьяковской галерее, другие — в написанных давно, но не раз переиздававшихся исторических повествованиях Г. П. Данилевского [2] и П. И. Мельникова-Печерского [3], в пользующемся популярностью литературном творчестве нашей современницы Н. М. Молевой [4]. Династия Романовых, тщательно охраняя свои семейные тайны, долгое время держала под спудом касающуюся «княжны Таракановой» документацию экспедиции Правительствующего Сената.

Основной массив более или менее достоверных источников, на которых могли базироваться научные исследования о самозванке, сложился между 1863 и 1905 гг. Начало его создания было положено маленькой (объемом 24 страницы) брошюрой «О мнимой княжне Таракановой», изданной в 1863 г. в Лейпциге находившимся в эмиграции князем А. П. Голицыным и имеющей следующий подзаголовок: «Известие о пребывании в Риме в 1774 или 1775 годах неизвестной принцессы Елизаветы, именованной себя дочерью российской императрицы Елизаветы Петровны. Почерпнуто из оставшихся о ней сведений в Архиве итальянского департамента бывшего Польского королевства». В тексте брошюры содержатся более или менее пространные цитаты из писем самозванки от 14, 17 и 19 января 1775 г. (по новому стилю), а также приведены двадцать пунктов поддельного завещания Елизаветы Петровны по копии, оказавшейся в руках маркиза Д'Античи [5].

В 1867 г. статс-секретарь В. Н. Панин с разрешения Александра II выпустил в свет публикацию, которая наряду с адресованным на высочайшее имя простран-

ным докладом ее составителя содержала приложение, включающее 30 документов Тайной экспедиции. В подборку были включены следующие тексты, воспроизводимые на языке оригинала и не сопровождаемые переводами: завещания Петра I, Екатерины I, Елизаветы Петровны и «данные для составления воззвания к флоту» (франц. яз.); письма самозванки к турецкому султану, барону Горнштейну, А. Г. Орлову, Н. И. Панину, В. Гамильтону, кардиналу Албани и письма к самозванке Ф. Ф. Лимбург-Стирума, К. Радзивилла, М. Огиньского, де Марина (Шенка), Монтегю, Пшедзецкого (все на франц. яз.); письмо А. Г. Орлова самозванке (на немец. яз.), пять его донесений Екатерине II и рескрипт императрицы С. Грейгу (на рус. яз.) [6]. Почти одновременно появилась публикация директора Государственного архива К. К. Злобина. В нее вошли: пространный протокол показаний княжны на русском языке под заглавием «Допрос самозванки»; ее письма Екатерине II и А. М. Голицыну (на франц. яз. с переводом на русский); датированные 22 марта и 7 июня 1775 г. письма Екатерины II к вице-канцлеру А. М. Голицыну и донесения последнего к императрице от 31 мая, 2 июня, 12 августа и 26 октября; письмо генерал-прокурора А. А. Вяземского к А. М. Голицыну от 26 июня и донесение коменданта Петропавловской крепости А. Г. Чернышева А. М. Голицыну от 6 декабря 1775 г. о смерти и похоронах самозванки; наконец, фрагмент из описей вещей самозванки [7]. Публикации В. Н. Панина и К. К. Злобина, взаимно дополняя друг друга, ввели в научный оборот значительную часть документальных источников, используемых теми, кто интересуется судьбой самозванной княжны.

Хорошим дополнением к двум предшествующим стала появившаяся в 1905 г. публикация С. Панчулидзева [8]. В ней после краткого обзора ранее опубликованных документов воспроизводится пространный текст записки Д. Н. Блудова, представленной им Николаю I после знакомства с хранившимися в тайне материалами о самозванной княжне. Выполняя роль придворного историографа, этот видный сановник «любопытнейшими» из просмотренных им бумаг о самозванке назвал: «допросы ее и лиц, взятых с нею; донесения фельдмаршала Голицына; донесение исповедовавшего ее священника; выписки из бумаг ее; письма ее к Орлову». Что касается всего сохранившегося комплекса документов, то его характеристика дается Д. Н. Блудовым в десяти «пунктах»: I. Отобранные бумаги, часть I—258 номеров; II. Отобранные бумаги, часть II—50 номеров; III. Бумаги, частью отобранные у самозванки в Пизе, частью писанные ею в Петропавловской крепости — 23 номера; IV. Переписка ее в Риме — 38 номеров; V. Полная копия № IV с переводом донесений на итальянском языке; VI. Пять донесений Орлова Екатерине II; VII. Копии некоторых писем самозванки, в том числе английскому посланнику в Неаполе Вильяму Гамильтону; VIII. Подлинное дело следственной комиссии на 370 полулистах, из коих утрачены номера от 277—283, а вложены без нумерации письмо Орлова на немецком языке и некоторые другие бумаги; IX. Донесение Голицына Екатерине II от 19 апреля 1775 г. о собранных о самозванке бумагах; X. Повеление Екатерины II Грейгу от 16 мая 1775 г.

Называвшиеся тексты В. Н. Панина и Д. Н. Блудова, как и приложенные к ним документальные подборки, не имели и не могли иметь исследовательского характера. Это были сугубо официозные публикации, обнародованные для того, чтобы направить в желательное русло тот интерес к судьбе «княжны Таракановой», которым ознаменовалось первое десятилетие царствования Александра II. Сановные археографы исходили, во-первых, из того, что никаких кровных связей с царской семьей «княжна» не имела и не могла иметь, во-вторых, что императрица Екатерина II была в деле самозванки строгим, но справедливым судьей. Соответственно ими подбирался архивный материал и трактовалось его содержание. В результате слабо освещенным осталось многое из того, что важно для историков, в том числе происхождение и воспитание Али-Эмете, ее жизненные планы и связи с той политической средой, в которой она оказалась после знакомства с видными деятелями Барской конфедерации М. Огиньским и К. Радзивиллом.

С чисто научными целями впервые использовал документы Тайной экспедиции польский историк Э. Лунинский, который опубликовал в 1908 г. монографическое

исследование о «княжне Таракановой». Многие из них он пространно цитировал в основном тексте монографии, а часть опубликовал в форме приложений к первому изданию книги [9]. В числе опубликованных документов находятся: письма самозванки султану, А. Г. Орлову, А. М. Голицыну в русском переводе, письмо к самозванке Орлова, четыре письма к ней М. Огиньского, повторно изданы письма А. Г. Орлова к Екатерине II и ее рескрипт С. К. Грейгу. Э. Лунинский, поначалу не очень надеявшийся получить доступ к архивным материалам, встретил полную поддержку со стороны российских архивистов и на страницах своей книги выразил им благодарность. «Возможность осмотра этих рукописей, — заявлял он, — раскрыло все предприятие... двери Сезама отворились настезь, отворились без запрещений и ограничений; директор Государственного архива Сергей Горяинов делал все возможные облегчения, окружал мои труды громадной заботливостью и доброжелательством и даже препроводил для просмотра подлинные документы из государственного архива в Москве» [9. С. 263—269]. Без документальных приложений книга Э. Лунинского переиздавалась трижды в 1909—1911 гг.; в 1991 г. вышло репринтное воспроизведение издания 1909 г. [10].

Только через восемьдесят лет после Э. Лунинского снова обратилась не только к специальной литературе, но и к документальным материалам Н. М. Молева — член Союза писателей, автор многих интересных и содержательных произведений по истории искусства и гражданской истории России XVIII—XIX вв. Свою версию биографии самозванки она изложила в двух рассказах: «Ее называли княжной Таракановой» (1980) и «Эпизод об узнице Ивановского монастыря» (1984). В первом из них Н. М. Молева широко использовала материалы о том, как трактовали данную тему Д. Н. Блудов и В. Н. Панин. Преувеличивая односторонность блудовско-паннинской концепции и обвиняя ее создателей в сокрытии и фальсификации документов Тайной экспедиции, Н. М. Молева сочла возможным заявить: «Несмотря на все розыски — никаких следов фонда Таракановой выявить не удалось» [4. С. 170].

Между тем все материалы, которые штудировал Э. Лунинский, в полной сохранности находятся в том же VI разряде Государственного архива и под теми же номерами, которые им были присвоены еще в XIX в.: Российский государственный архив древних актов в Москве (РГАДА). Ф. 6. Оп. 1. Д. 531, 532, 533. Тщательное знакомство с материалами позволяет высказать уверенность в том, что в имеющиеся публикации вошли важнейшие тексты без сколько-нибудь существенных искажений. В то же время ясно, что весьма значительная часть материалов не включена в прежние публикации и не фигурирует вовсе или недостаточно использована Э. Лунинским. Особенно это касается бумаг, отобранных при аресте самозванки и ее спутников.

Дело № 531 объемом 399 листов первоначально было озаглавлено: «О самозванке и об отправлении бывших при ней служителей за границу. 1775-го июня 29 и 1776 января 13». Второй заголовок, данный позднее, в процессе технической обработки дела в Государственном архиве, лучше раскрывает его содержание: «О пребывании в гор. Петербурге самозванки Елизаветы Таракановой, о сделанных ей допросах и о ее смерти». В деле сосредоточены все материалы, связанные с арестом самозванки и ее спутников, содержанием их в Петропавловской крепости, ходом следствия, дальнейшей судьбой арестованных. В оригиналах или копиях в деле имеются, например: четыре письма А. Г. Орлова к самозванке и одно к императрице; письма Екатерины II к А. М. Голицыну (5 писем), к С. К. Грейгу (2 письма); донесения императрице от А. М. Голицына (всего 19); переписка А. М. Голицына с А. А. Вяземским, А. Г. Чернышевым и другими официальными лицами. Протокол первых показаний самозванки, опубликованный в «Сборнике Русского исторического общества», имеет только в переводе на русский язык, а дополнительные показания, названные «запиской», — в русском переводе и французском оригинале. Сохранились написанные по-французски письма княжны Таракановой к императрице и к А. М. Голицыну. Есть в деле не только в переводе, но и в польских оригиналах показания Я. Чарномского и М. Доманьского, а также подлинники показаний других подследственных лиц — на их родном языке или в переводе. В подлин-

никах имеются составленная А. М. Голицыным инструкция для священника Петра Андреева и его донесение о беседе с самозванкой за несколько дней до ее смерти.

Материалы дела позволяют внести в существующие представления о «деле Таракановой» ряд уточнений более или менее серьезного характера. Это касается, во-первых, спутников самозванки. Судя по документам дела, полное имя Чарномского — Ян Антоний, Доманьского — Михал Людвик; Кольфингера (Colfinger) звали Иофан, двух итальянцев — Героним Маркузини и Джованни Анциолли; слугами Чарномского и Доманьского были Юзеф Рихтер (Рыхтер) и Ян Лабендский, а кроме того еще богемец Аган Чех; служанка самозванки, которую в литературе называют Мешед или Мешедде, подписала свои показания старческим, но вполне отчетливым почерком — Fransisca von Melschede. Во-вторых, сугубо секретное следствие А. М. Голицын вел не в одиночку, как утверждают некоторые авторы, а по меньшей мере с одним постоянным помощником — коллежским асессором Василием Ушаковым. 26 мая 1775 г. Ушаков дал строжайшую подписку, в сохранившемся тексте которой говорится, что ему «сказан Ея Императорского Величества указ, чтобы он о содержащейся в Петропавловской крепости женщине и о существе ее преступления, которое он из допроса ее, переводимого им с французского на русский язык обстоятельно знает, вовсе никаких слов никому ни под каким видом ни письменно ни словесно не открывал, но содержал бы все то в высшем секрете под лишением своего живота». После этого текста рукой Ушакова дописано: «Так Ея Императорского Величества указ коллежский асессор Василий Ушаков слышал и во исполнение оного подписуюсь» (Л. 56).

Кроме протоколирования или перевода показаний, В. Ушакову поручена была важная работа по реферированию бумаг, отобранных у арестантов. В результате этой работы появилась «Переводная выписка из отмеченных французских бумаг, найденных у самозванки» и другой аналогичный текст, оставшийся без заглавия. Из отобранных бумаг были сделаны для А. М. Голицына довольно пространственные выписки, касающиеся преимущественно не личной жизни самозванки, а политических вопросов разного рода (Л. 150—168, 225—233).

Не безынтересной представляется «Опись имеющимся в двух баулах вещам», принадлежавшим самозванке. В описи значатся: «роброны юпки попарно-тафтяные», «кофточка и юпка ж попарно», «одне юпки атласные», «польские кафтаны», «амазонские кафтаны», «мантильи ... три розовые ... четыре белые ... восемь рубах голанского полотна», «платок батистовых тридцать четыре, флоровых вкупе двенадцать», «двадцать пар новых лайковых перчаток». Кроме этого были еще: «ящик с разными камнями, табакерками», «чепраки ... солонка, ложки столовые и чайная, ножик и вилка столовые серебряные с позолотой». Значатся в описи и книги: «четыре географических, шестнадцать, видно, исторических на иностранных языках ... один лексикон на французском, немецком и российском диалектах». Следом за процитированным документом идет «Ведомость, коликое число употреблено в каждые сутки съестных и питейных припасов по цене денег». К сожалению, ведомость «глухая» — в ней зафиксированы только суммарные расходы, но не называются, какие именно «припасы» закупались. Общая сумма расходов на всех арестантов с 26 мая по 31 декабря 1775 г. — 474 руб. 33 коп. (Л. 236—243).

Самозванка, видимо, умерла в родах [12], судьба других арестантов была решена «во исполнение высочайшего соизволения» специальным документом — «Определением», которое подписали 13 января 1776 г. А. М. Голицын и А. А. Вяземский. Вменив пребывание в Алексеевском рavelине в наказание спутникам самозванки, Екатерина II соизволила отпустить их на волю. Каждому освобожденному были даны деньги «на бедность», с каждого из них взята клятва о неразглашении сведений относительно всего происшедшего. В январе — марте 1776 г. их в три приема ст-правили за границу через Ригу, причем каждую группу сопровождал сенатский курьер с двумя конвойными солдатами. Две группы проследовали до границы без задержек, а одна группа для сохранения тайны должна была несколько задержаться в Риге. 20 марта 1776 г. рижский генерал-губернатор, адресуясь к А. А. Вяземскому, доносил, что Я. Чарномский и М. Доманьский вместе со слугами Ю. Рихте-

ром и Я. Лабендским доставлены, «но как Его Королевское Высочество принц прусский Генрих в Ригу еще не прибыл, то согласуясь с предложением вашего сиятельства, я реченых арестантов удержал здесь и отдал в цитадельную крепость; а как скоро Его Высочество Ригу проедет, то она за границу с надлежащим конвоем и с крепким подтверждением о невъезде им в Россию во всю их жизнь отправлены будут без малейшего замедления» (Л. 281).

Около ста листов в деле 531 отнесены к разделу, озаглавленному «Черновые»; там собраны первоначальные проекты и неиспользованные варианты различных официальных бумаг, а также подлинники некоторых немаловажных текстов, возникших в ходе следственного процесса. В числе последних: французский подлинник показаний самозванки, озаглавленных «Записка» (Л. 286—297) и французский текст ее письма А. М. Голицыну (Л. 379—380); написанные по-польски показания Я. Чарномского (Л. 298—305) и Ю. Рихтера (Л. 309—312), а также немецкоязычное показание Ф. Мельшеде (Л. 306—308). Из других документов интересен неизвестно как оказавшийся в деле черновик письма Екатерины II А. М. Голицыну от 29 июня 1775 г. В писарском почерком написанный текст этого документа чьей-то начальственной рукой сделана вставка, позволяющая судить о том, как складывалось отношение императрицы к «известной женщине». Вот этот фрагмент: «Вице-адмирал Грейг доносил нам, что он с сею девкою разговаривал и из произношения ее разговора приметить мог, что она едва ли не полька и говорит по-польски, потому можете вы при разговорах с нею и сами сделать свое примечание, что и подлинно она не польская ли бродяга, ибо по всем ее бумагам видно, что больше всех наций заботилась о пользе Польши» (Л. 326).

В деле № 532, состоящем из двух частей, собраны в качестве вещественных доказательств все бумаги, отобранные у арестованных, а отчасти и у других участников событий. К сожалению, отсутствуют какие-либо сведения о том, у кого именно и при каких обстоятельствах отобран каждый конкретный документ, да и сколько-нибудь понятной мотивировки систематизации документов внутри дела обнаружить не удалось. Знакомство с делом, включающим в целом 932 листа различных материалов, позволяет выделить в них: во-первых, архив самозванки, во-вторых, архив Чарномского и Доманьского, в-третьих, различную следственную документацию, в том числе переписку лиц, которые были так или иначе связаны с самозванкой или ее спутниками, оказавшимися под арестом. Более половины имеющих текстов — на французском языке, 20—25% — на польском, а остальные, кроме русского, на немецком, итальянском, латинском, турецком языках. Небольшая часть переписки «княжны» содержит зашифрованные фрагменты, но в деле есть цифровой ключ и большинство зашифрованных мест прочитаны следствием.

Польская часть корреспонденции, собранной в первой части дела № 532, практически не связана с самозванкой, хотя представляет несомненную ценность для истории конфедератского движения. Наиболее раннее из польских писем датировано 1767 г., есть несколько текстов, относящихся к 1768 и 1769 гг., остальные написаны в 1770—1775 гг. Кроме Кароля Радзивилла и Михала Огиньского, с которыми самозванка имела более тесные связи, в переписке фигурируют другие руководящие деятели Барской конфедерации и многие ее сторонники, прежде всего Я. Чарномский и М. Доманьский (судя по всему, именно у них и была отобрана большая часть сохранившихся польских писем). В содержании польской переписки выделяются две темы: во-первых, все дела, связанные с налаживанием антирусского сотрудничества конфедератов с властями Османской Порты, во-вторых, вопросы взаимоотношений находившихся в эмиграции конфедератов с их сторонниками на польских землях.

Практически все письма самой самозванки, как и большинство адресованных ей писем, написаны на французском языке. Заслуживает внимания то, что даже немецкий князь Ф. Ф. Лимбург-Стирум — формально жених, а фактически муж самозванки — лишь несколько раз воспользовался в переписке с «княжной» родным языком, а в подавляющем большинстве случаев свои чувства излагал по-французски, даже любовное стихотворение для нее сочинил на этом же языке. Его большое

письмо из Оберштейна от 24(13) августа 1774 г. начинается, в частности, так: «A Altesse Serenissime Madame La Princesse Elisabeth de Woldomire Ali Emieté A Stirum». Не немецким, а французским языком воспользовался князь Лимбург-Стирум, чтобы оформить официальный датированный маем того же года документ о передаче во владение княжне Елизавете графства Оберштейн (Ч. 1. Л. 429—430, 276—277). На французском писали к самозванке польские корреспонденты, включая М. Огиньского и К. Радзивилла; на том же языке написаны письма к ней не только от французских дипломатов, но и от английского консула Джона Дика. Среди адресованных самозванке нет ни одного письма, ни одной записки на польском языке; не обнаружено даже нескольких слов, написанных ею по-польски. Среди «черновых» бумаг в первой части дела № 532 есть два неизвестно кем изготовленных рукописных словарика — польско-персидский и польско-итальянский, а также сопоставительная табличка латинского и польского алфавитов, изготовленные для «княжны» Я. Чарномским или М. Доманьским. Это убедительно свидетельствует о том, что польского языка она не знала, а лишь начала с ним немного знакомиться.

Начало второй части дела № 532 (Л. 1—5) имеет заглавие: «Извлечения из бумаг женщины, именовавшей себя принцессой Елизаветой»; затем следует гораздо более пространный текст аналогичного документа на французском языке (Л. 6—21). Вместе они, с помощью кратких аннотаций и цитирования, иногда довольно пространныго, дают представление о содержании примерно 70 документов, отнесенных следствием к числу наиболее важных. Всего к делу № 532 в качестве вещественных доказательств приобщено 346 документов. 258 из них находятся в первой части; во второй части подшито еще 88 документов, зарегистрированных в двух перечнях на листах 24—25 и 175—176. Это прежде всего: бумаги самозванки, в том числе оригиналы и копии ее писем к турецкому султану, Н. И. Панину, кардиналу Албани, аббату Роккатани, Гамильтону; черновики манифеста к российскому флоту, поддельных «завещаний» Петра I, Елизаветы Петровны, «описания мест на Каспийском море». В деле также хранятся: корреспонденция «третьих» лиц, в частности конфедератских деятелей Радзивилла, Потоцкого, Огиньского, Вельгорского, Каленьского, Радзишевского, Ханецкого; некоторые официальные акты Барской конфедерации на французском и латинском языках. Отдельно могут быть названы еще несколько документов, привлекающих внимание своей необычностью. Во-первых, это восемь плотно исписанных листов, свидетельствующих о серьезных усилиях какого-то поляка (вероятно, Я. Чарномского) изучить турецкий язык (предметно-тематические словарики на названных языках, сравнительные таблицы грамматических форм) (Л. 27—35). Во-вторых, это чей-то, по-видимому, того же Чарномского перевод с французского на польский язык нескольких весьма пространных выдержек из трактатов Ж.-Ж. Руссо (Л. 142—163).

Более подробной характеристики требует документ, появившийся гораздо позже — в связи с подготовкой блудовско-панинской публикации документов о княжне Таракановой. Это никем не заверенный текст, написанный крупным старческим почерком: «В 1857 г. император Александр II приказал подвергнуть цензуре собственной Его Императорского Величества канцелярии все бумаги, относящиеся к мнимой дочери императрицы Елизаветы и находящиеся во втором отделении государственного архива. Бумаги эти содержали различные акты: I. Найденные в Пизе бумаги самозванки и сопутствующих ей поляков — номеров 258. II. Такие же бумаги — номеров 50. III. Те же бумаги и письма самозванки из Петропавловской крепости к фельдмаршалу князю Голицыну — номеров 23. IV. Корреспонденция самозванки, которую она вела во время своего пребывания в Риме с польским послом маркизом Д'Античи; отчеты Роккатани и Д'Античи к ксендзу Гжижотти — номеров 38. V. Всеподданнейшие доклады графа Орлова императрице Екатерине II в деле самозванки. VI. Копии некоторых бумаг самозванки, между прочим ее письмо к английскому послу в Неаполе Вильяму Гамильтону. VII. Оригиналы подследственных актов. IX. (Sic!, цифра VIII пропущена). Всеподданнейший доклад князя Голицына 19 апреля 1775 г. императрице о деле найденных у самозванки бумаг и о

других делах. После просмотра этих (бумаг) на их основании были уложены памятные записки. Из этих последних была сделана выписка и помещена в московской газете (sic!) «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» (Л. 406—406а). Сопоставление приведенного перечня с сохранившимся комплексом документов следствия об «известной женщине» не оставляет сомнения в том, что подозрения о сколько-нибудь существенных изъятиях, а тем более о фальсификации материалов в годы царствования Николая I и Александра II не имеют под собой никаких оснований.

Дело № 533 совсем маленькое и состоит оно из случайных документов, что и отразилось в заглавии: «Письма и конверты с адресами, писанными Таракановой в 1772—1773 гг.». Открывается дело конвертиком, заадресованным по-французски неизвестным почерком; автор письма обращается к самозванке как к «великой княжне Елизавете» (Л. 1). Три таких же конвертика надписаны рукой самой «принцессы Елизаветы» и адресованы А. Г. Орлову (Л. 2, 4, 7). Имеются короткое и не имеющее даты письмо самозванки к нему (Л. 3), а также два письма неясного происхождения, написанные тоже по-французски. Для исследователей эпохи может представлять интерес каким-то образом попавшее в дело письмо к И. И. Шувалову от 6 октября 1772 г. Адресовано оно во Флоренцию мосье Шувалову, подписи трудно читается, а в тексте упоминается граф Орлов (вероятно, А. Г. Орлов-Чесменский); судя по содержанию, прямого отношения к судьбе самозванки письмо не имеет (Л. 9—10).

Авторы работ, написанных после книги Э. Лунинского, к сожалению, не обращались к первоисточникам (см. [4; 11]). Между тем, далеко не полностью использованные документы следственного дела позволяют обогатить складывающуюся картину многими деталями. Однако это едва ли изменит главный вывод, который заключается в том, что «известная женщина» была иноземной авантюристкой, что все попытки соединить ее биографию с биографиями предполагаемых дочерей Елизаветы Петровны не дали и едва ли смогут дать сколько-нибудь убедительные результаты. Более того, многие серьезные специалисты придерживаются мнения, что Елизавета Петровна была бездетной, а все легенды о ее дочерях и сыновьях не выдерживают проверки фактами.

Как же так, удивится читатель, неужели истинной оказывается официозная «блудовско-панинская» версия биографии самозванки, которая не раз подвергалась критике за то, что она прямо или косвенно оправдывает тюремщиков? Но имеющиеся на сегодняшний день источники эту версию подтверждают, а предположения о том, что придворные историографы скрывали или серьезно фальсифицировали источники, в конечном итоге не подтверждаются.

Истоки авантюризма самозванки, первоначально называвшейся Али-Эмете, Э. Лунинский связывал с психопатологической сферой, а причину ее включения в политическую борьбу — с удивительным стечением обстоятельств. Все решил случай, утверждал он; судьба свела ее с руководящими деятелями Барской конфедерации, оказавшимися в эмиграции. «Людей с историческим именем, — писал Лунинский, — она выбирала менее всего за их политическое значение — больше же за временное достоинство — деньги... Планы ложной царевны подгоняла как бы бешеная буря... Только на неделю или две она намечала свои стратегические планы». После неудавшегося романа с М. Огиньским была сложная интрига с Лимбург-Струмом, которая не принесла Али-Эмете богатства, а затем наступил возврат на польскую стезю, вылившийся во временный альянс с К. Радзивиллом. Когда исчерпал себя и этот источник денежных средств, графиня Пинеберг (она же княжна Волдомир) решила стать княжной Елизаветой и, совершив поворот на 180 градусов, обратила свой взор к графу Орлову. Э. Лунинский писал по этому поводу: «Денежные затруднения, расчеты на личное расположение Орлова загнали ее в ловушку и подрезали ей ноги» [9. С. 243, 245].

Природные способности и большая начитанность позволяли «княжне» довольно удачно имитировать политическую деятельность, но по существу она явно не имела устойчивых политических ориентиров и симпатий. Прав был Э. Лунинский, ког-

да писал: «Планы царевны не имели и части ясной, разумно выраженной сущности дела, они носили печать того же хаоса, который характеризует ее сказки... При помощи России она хотела побрататься с Персией, устроить „черкесское государство“, в Киеве собрать войско и поспешить на помощь Станиславу Августу». Сравнивая Лжедмитрия и Емельяна Пугачева с самозванной княжней Елизаветой, Лунинский делал вывод не в ее пользу и заявлял, что в двух первых случаях речь идет о настоящей трагедии, а в третьем мы имеем дело с полуопереткой, ибо «княжна», по его мнению, «не выросла выше лжи и посредственности». Образ действий «княжны» Лунинский связывал с духом времени, с нравами и обычаями некоторых слоев тогдашнего общества. Он писал: «Величие госпожи Азова (таков один из титулов, которые присваивала себе «княжна». — В. Д.) совершенно исчезает: это колос, выросший на ниве, где не было ни одного плодоносящего зерна. Ее появление имеет значение только *signum temporis*. В ней, как бы в зеркале, хорошо отразились отличительные свойства эпохи... некоторые временные заблуждения, в которых отжили уже свой век пережитые понятия под напором просвещенного абсолютизма и энциклопедизма» [9. С. 246—247].

Имеющиеся источники позволяют проследить события только на протяжении последних трех лет жизни самозванной «княжны». Обо всем предшествующем можно судить лишь по ее рассказам, которые едва ли заслуживают доверия. Маловероятно, что когда-либо обнаружатся материалы, позволяющие получить надежные сведения о происхождении и детстве самозванки, а вот узнать кое-что о ее жизни за год-два до приезда в Париж вполне возможно. Однако для этого необходимо, во-первых, заново проработать документы, хранящиеся в РГАДА, во-вторых, возможно тщательно изучить французские, немецкие и английские архивы и газеты хотя бы за 1770—1771 гг. Что касается польской и чешской версий происхождения «княжны», то они мне представляются совершенно необоснованными. Достаточно объемный и разнообразный архив самозванки и ее спутников убедительно подтверждает, что она охотнее всего пользовалась французским, знала другие западноевропейские языки, в частности немецкий, английский, итальянский, но признаков знакомства с каким-либо из славянских языков не обнаружила. Упоминавшееся выше мнение англичанина С. К. Грейга о том, что самозванка говорит с польским акцентом, на мой взгляд, не представляется сколько-нибудь авторитетным.

Столь же далеким от истины мне представляется и утверждение Д. Н. Блудова, будто «с вероятностью можно заключить..., что она немка». Едва ли можно предположить, что, будучи немкой, «княжна» стала бы переписываться со своим немецким женихом и мужем исключительно на французском языке. Самозванка, — писал Д. Н. Блудов, — «может быть и еврейского происхождения»; но в пользу этой версии он не смог привести никаких конкретных соображений [8. С. 433].

Относительно «истинной дочери Елизаветы Петровны» (как в варианте отцовства А. Г. Разумовского, так и в варианте отцовства И. И. Шувалова) моя позиция была и остается весьма скептической. Даже в том случае, если бы императрица Елизавета имела дочь, то ее биография и история «известной женщины», умершей в Петропавловской крепости, не пересекались и не могли пересекаться друг с другом. Мне кажется, что с исследовательской точки зрения целесообразно четко отделить, наконец, биографию Али-Эмете как своеобразное отражение центрально-европейского исторического процесса от жизнеописаний незаконнорожденных отпрысков династии Романовых как типичного явления российской истории. Стремление рассматривать Али-Эмете в одной связке с «истинной» дочерью Елизаветы было обусловлено определенными реалиями, которые давно изменились. Династические соображения больше не влияют на оценку фактов; документы о «княжне Таракановой» сохранились и вполне доступны для тех, кто желает с ними познакомиться. Поэтому не только можно, но и нужно изменить подход к теме, как это начал делать Э. Лунинский, а вслед за ним другой польский профессор, Владислав Евсевицкий, который написал новое исследование о «княжне Таракановой», к сожалению, пока неизданное.

1. *Дмитриев Н.* Художественные новости в Петербурге. Картина Флавицкого: Княжна Тараканова в темнице // Отечественные записки. 1864. Т. 157. С. 883-887.
2. *Данилевский Г. П.* Княжна Тараканова. 1775—1776 гг. СПб., 1883
3. *Мельников П. И.* Княжна Тараканова и принцесса Владимирская. СПб., 1868.
4. *Молева Н. М.* Ее называли княжной Таракановой // Архивное дело №... Рассказы. М., 1980. С. 163—203.
5. *Голицын А. П.* О мнимой княжне Таракановой. Лейпциг, 1863.
6. *Панин В. Н.* О самозванке, выдавшей себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны. По архивным источникам // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1867. № 1. С. 1—91, 1—61.
7. Бумаги из дела о самозванке, известной под именем княжны Таракановой. Из Государственного архива // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1867. С. 169—193.
8. *Панчулидзе С.* Самозванка Тараканова // Русский архив. 1905. № 1. С. 425—443.
9. *Лунинский Э.* Княжна Тараканова. Исследование по актам Государственного архива. М., 1908.
10. *Лунинский Э.* Княжна Тараканова. М., 1909; М., 1910; М., 1911. Репринтное издание. М., «Орбита», 1991.
11. *Лурье С. С.* Княжна Тараканова // Вопросы истории. 1968. № 10.
12. *Долгоруков П. В.* Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860—1867. М., 1992. С. 403.

НАСЛЕДИЕ ОСКАРА КОЛЬБЕРГА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

В конце 1992 г. к очередному, 68-съезду Польского этнографического общества была приурочена научная конференция «Источниковедческая ценность наследия Оскара Кольберга для современных исследований народной культуры». Съезд и конференция состоялись в Познани и в небольшом городке Познаньского воеводства Шамотулах. Конференцию организовали Польское этнографическое общество (президент — профессор З. Клоднички), редакция «Dzieł wszystkich Oskara Kolberga», Национальный музей в Познани, Музей замка Гурков в Шамотулах при содействии и участии директора Института этнологии в Познани профессора, доктора Зб. Ясевича.

Выбор места и времени конференции были неслучайны. Познань является центром исследовательской и издательской работы над наследием великого польского слависта XIX — начала XX в.: с 1962 г. здесь находится «Редакция всех трудов Оскара Кольберга» (Redakcja Dziej wszystkich Oskara Kolberga), объединившая большой коллектив специалистов — филологов, музыковедов и этнографов. (Подготовка издания началась с 1958 г. во Вроцлаве под руководством профессора Ю. Гаека). Возглавляли редакционный комитет академик Юлиан Кшижановский, после его смерти — академик Герард Лабуда. Главным редактором издания с 1981 г. был профессор Юзеф Буршта. Со второй половины 1987 г. редакция работает под руководством профессора Богуслава Линетте. За тридцать лет небольшой коллектив сотрудников редакции переиздал тридцать шесть томов, подготовленных к печати самим Кольбергом, но ставших библиографической редкостью даже в Польше, и тридцать томов по неопубликованным рукописям увидело свет впервые. Однако доступные теперь исследователям и широкому кругу читателей 66 томов не исчерпали всего наследия Кольберга: общее количество запланированных публикаций составит 88 книг.

Научная ценность издания определяется не только универсальным, всеобъемлющим содержанием материалов, относящихся к народной культуре поляков, украинцев, белорусов, чехов, словаков, лужицких сербов, южных славян, но и высоким уровнем текстологической культуры; каждый том содержит, кроме архивных материалов, статьи и комментарии крупных современных полонистов и славистов.

Издание состоит из серий и отдельных томов, осуществляется на основе региональных монографий самого Кольберга, а публикация рукописных материалов — на принципах, тщательно разработанных профессором Ю. Бурштой (они опубли-

кованы в 1965 г. в 39-м томе «Dzieł wszystkich»). Эдиционная концепция последовательно реализована во всех томах, начиная с этого и включая те, которые находятся в редакционной подготовке. Тип издания предусматривает следующий состав каждого тома: историко-этнографический очерк региона, этническая характеристика местного населения и местной народной культуры (материальной и духовной), характеристика местного диалекта, публикация описаний обычаев и обрядов, текстов преданий, легенд, сказок, пословиц и поговорок, текстов и мелодий песен, описание игр, танцев, народного театра. Такое комплексное содержание монографий основывается на признании О. Кольбергом и издателями его наследия принципа диалектности народной культуры и неразрывных связей народной жизни и национальной культуры, сложности и вместе с тем цельности последней.

Среди серий, входящих в «Dzieła wszystkie», выделяется объемом собранных материалов серия, посвященная Великопольше («Poznańskie»); она составляет семь томов (тома 9—15) и является переизданием серии, увидевшей свет при жизни Кольберга, в 1875—1882 гг. Это обстоятельство также придает особый смысл тому, что специальная научная конференция прошла в Познаньском воеводстве (Кстати, замечу, что первый песенный сборник О. Кольберга также увидел свет в Познани в 1842 г.).

Мне привелось ознакомиться с работой редакции «Dzieł wszystkich» и с некоторыми материалами рукописного наследия Кольберга дважды — в 1973 г., еще при жизни профессора Ю. Буршты, и в дни последней научной конференции. Считаю своим долгом засвидетельствовать, что стабильный состав сотрудников, обладающих высокой квалификацией и большим опытом, преемственность в работе главных редакторов способствовали успешному преодолению текстологических проблем и трудностей, возникавших при подготовке к печати разрозненных, не всегда удобочитаемых рукописей О. Кольберга и его многочисленных корреспондентов (среди этих рукописей не только чистовые тексты, но и многочисленные полевые записи со вставками и поправками рукой Кольберга).

В целом, все издание «Dzieł wszystkie» композиционно делится на следующие части: региональные монографии, изданные Кольбергом под общим названием «Lud» (тома 1—23); региональные монографии, изданные Кольбергом под общим названием «Obrazy etnograficzne» (тома 24—33); региональные монографии, подготовленные Кольбергом, но изданные после его смерти, в 1891—1907 гг. (тома 34—36); региональные монографии, издававшиеся с 1965 г. по рукописям, хранящимся в архиве Кольберга (тома 37—57); тома с этнографическими материалами, относящимися к восточным, западным и южным славянам (тома 58—59); отдельный том пословиц и поговорок (т. 60); исследования, статьи, корреспонденция Кольберга (тома 61—66); музыкальные сочинения и обработки Кольберга (тома 67—69); тома дополнений и приложений к изданным сериям (тома 70—84); биографические материалы о Кольберге (том 85) (см. [1]).

Таким образом, энциклопедическое издание «Dzieł wszystkich Oskara Kolberga» следует признать одним из самых значительных предприятий современной полонистики и славистики в целом.

Осмыслению значения наследия О. Кольберга для современных славистических исследований были посвящены доклады и сообщения участников конференции, а также разносторонние консультации и собеседования специалистов, собравшихся из городов Польши, России и Чехословакии.

Профессор Б. Линетте подвел итоги 30-летней деятельности редакции и остановился на перспективах дальнейшей работы коллектива. Предстоит редакционная подготовка томов, куда войдут не публиковавшиеся ранее материалы по некоторым регионам Польши, по украинской культуре, а также томов, посвященных культуре южных и западных славян (за исключением материалов по лужицким сербам, уже изданным в 1985 г. как первая часть 57 тома). В дальнейшем будет вестись трудоемкая работа над материалами, которые составят содержание четырнадцати томов приложений и дополнений. Кроме того, будут изданы несколько томов указателей

ко всему изданию, которые помогут исследователям и читателям ориентироваться в обширном мире народной культуры славян.

В докладе профессора В. Беньковского (Краков) охарактеризована деятельность Кольберга в период его пребывания в Краковском воеводстве, где он проводил полевые исследования еще в 1860-е годы и особенно позднее, живя постоянно с 1871 г. в имении Конопкив в Модльнице (в 1884 г. он переехал в Краков, где скончался в 1890 г.). Местная региональная культура заняла заметное место в наследии Кольберга: ей посвящена одна из самых содержательных серий «Dzieł wszystkich» (тома 5—8). Привязанность Кольберга к этой части Польши не препятствовала его интенсивным исследованиям народной культуры других регионов и его плодотворной издательской деятельности (в Кракове опубликована большая часть собранных им материалов — 32 тома!).

Доклад магистра Д. Павляк (Познань) «Народная музыка в наследии О. Кольберга» существенно дополнил новыми наблюдениями давнюю статью М. Собеского о композиторской и музыковедческой деятельности собирателя. Д. Павляк на материалах, исследованных в процессе подготовки рукописей Кольберга, осветила эволюцию его отношения к народной музыке, оценила ее место в издании его сборников, в частности инструментальной музыки в сериях «Lud» и «Obrazy etnograficzne» охарактеризовала технику записи Кольбергом народных мелодий. Оглашенный доклад представляет собою обобщенное изложение темы, предполагающей в дальнейшем более конкретный специальный музыковедческий анализ.

Магистр Э. Миллер (Познань) охарактеризовала использованные Кольбергом методы документации фольклорных материалов и связанные с этим проблемы эволюционной текстологии при подготовке издания «Dzieł wszystkich».

Магистр А. Скурва (Познань), осуществившая огромную текстологическую работу над большей частью всего издания, посвятила доклад частной, но совершенно не освещенной в науке теме: «Этнографическая иконография в собрании О. Кольберга». В докладе представлено отношение ученого к иллюстрации как к одному из источников изучения народной культуры. Докладчик продемонстрировала способы и качество воспроизведения иллюстраций в серии «Lud». Она рассказала о сохранности иллюстративного материала в рукописной части архива Кольберга и поделилась соображениями об издательских проблемах, возникших при воспроизведении этого материала в соответствующих томах «Dzieł wszystkich».

С большим интересом восприняла аудитория сообщение магистра В. Пшевожно-го (Познань) о создании компьютерной базы и о технике индексации различных сведений, содержащихся во всем издании «Dzieł wszystkich».

Автор настоящего сообщения имел возможность поделиться своими оценками той части наследия польского ученого, которая посвящена культуре украинского и белорусского народов. Кольберг проводил полевые исследования в Подолии (1858—1862), Закарпатье (1861), на Волини (1862), а с 1867 г. на протяжении почти двадцати лет собирал материалы в Полесье, на Карпатах и в Галиции. Только часть этих материалов была издана при жизни собирателя (монография «Рокуіе» и некоторые тексты, записанные в Подолье). Большая же часть украинских и белорусских материалов издана по рукописям после смерти собирателя. Монография «Watyń» подготовлена Ю. Третьяком (Краков, 1907), все остальные украинские материалы — А. Демартином, В. Курашлевичем, Б. Линетте, М. Тарко. Изданные под общей редакцией доктора М. Тарко в 1970-е годы (тома 54—57), эти материалы, а также белорусская монография, подготовленная С. Касперчаком и А. Павляком и изданная под редакцией А. Скурвы (т. 52), значительно расширила источниковедческую базу для исследований народной культуры восточных славян. Публикация этих материалов, до недавнего времени оставшихся неизвестными специалистам, является событием в современной славистике и вносит существенные коррективы в прежние представления о вкладе Кольберга в украинистику и белорусистику.

Научная конференция побуждает определить восприятие наследия О. Кольберга в современной русской, украинской и белорусской науке. К сожалению, прихо-

дится констатировать, что, хотя большое значение его деятельности единодушно признавалось в советский период, лишь в редких случаях она была предметом специальных исследований. Едва ли не единственной аналитической работой на русском языке остается давняя статья Л. Н. Виноградовой [2]. В исторических трудах М. К. Азадовского и С. А. Токарева имя Кольберга лишь упомянуто. В работах В. А. Юзвенко, О. А. Правдюка и других высоко оценено значение Кольберга для украинской науки [3]. Удивительно, что не появились рецензии на названные выше серии «Dzieł wszystkich» относящиеся к нескольким регионам украинского этноса. Сравнительно большее внимание О. Кольбергу уделено в белорусской печати [4]. В журнале «Польмя» (1970. № 8) опубликована рецензия А. Гудаса на белорусский том «Dzieł wszystkich». Доклад И. Крука на Кольберовской конференции 1991 г. будет опубликован в сборнике материалов этой конференции. Тексты из Кольберовского собрания включены в многотомный свод «Беларуская народная творчасць» (тома «Зімовыя песні», «Весельныя песні», «Жартоўныя песні», «Сямейнабытавыя песні»). Сведения о Кольберге приводятся в «Белорусской советской энциклопедии» (Т. 6. Минск, 1972, статья И. Соломевича) и в «Энцыклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі» (Т. 3. Мінск, 1986, статья Л. Барага). К сожалению, опыт создания Кольбергом региональных монографий и его издательская концепция в целом не учтены в дискуссиях последних лет о подготовке многотомных сводов фольклора восточнославянских народов, соответствующих томов в «Своде фольклора народов Сибири» и других подобных изданий.

Наследие О. Кольберга заслуживает глубокого научно-критического анализа с позиций современной отечественной славистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dzieła wszystkie Oskara Kolberga*. Informator wydawniczy. Poznań, 1991.
2. *Виноградова Л. Н.* Место и значение О. Кольберга в польской фольклористике // Советское славяноведение. 1967. № 6.
3. *Юзвенко В.* Українська народна творчість в польській фольклористиці. Київ, 1961. С. 92—94; *Юзвенко В.* 66 томів фольклорного зібрання Оскара Кольберга // Народна творчість та етнографія. 1969. № 6. С. 25—29; *Правдюк О. А.* Українська музична фольклористика. Київ, 1978. С. 145—146 и др.; *Слов'янська фольклористика. Нариси розвитку. Матеріали.* Київ, 1988. С. 111—113.
4. *Бандарчык В. К.* Гісторыя беларускай этнаграфіі XIX ст. Мінск, 1964. С. 267—268; *Беларуская фалькларыстыка.* Мінск, 1989. С. 110—116.

© 1994 г. БЕРНШТЕЙН С. Б.

ИЗ МОЕГО БОЛГАРСКОГО АРХИВА

В моем архивном собрании хранятся материалы, имеющие прямое или косвенное отношение к истории и диалектологии болгарского языка, болгарской литературе, истории болгарского народа, русско-болгарским контактам. Некоторые из них опубликованы. В настоящее время идет подготовка к фронтальному описанию всего архива, восходящего в своей наиболее старой части к 1929 г. Большое место в архиве занимают материалы, относящиеся к работе над «Болгарским диалектологическим атласом». Их публикация составит отдельную книгу. Обширны материалы по истории славяноведения, болгарской колонизации Бессарабии и Херсонской губернии. Сохранившиеся документы хорошо передают историю славяноведения в России между двумя мировыми войнами.

В архиве оседали и материалы, не имеющие прямого отношения к моим научным интересам. В данном случае речь идет о дореволюционном русском славяноведении. Большое место в архиве занимает переписка русских и зарубежных славистов. Она отражает историю изучения многих вопросов славяноведения.

И. Г. Бакалов

В конце 20-х годов в Болгарии широко отмечалось пятидесятилетие болгарского писателя Елин Пелина (литературный псевдоним Дмитрия Иванова Стоянова). Я был тогда студентом славянского отделения историко-этнологического факультета МГУ. В центре моих интересов находилась Болгария, болгарский язык и культура. Научные курсы по этим разделам болгаристики читал проф. А. М. Селищев. Практические занятия по болгарскому языку вела политэмигрантка М. Г. Колинкоева. Читая с ней тексты Ивана Вазова, Алеко Константинова, особое внимание мы уделили произведениям Елин Пелина. Узнав от А. М. Селищева, что русских переводов этого писателя нет, я решил познакомить русского читателя с некоторыми его рассказами. Колинкоева горячо поддержала мой замысел. С ее помощью я отобрал несколько рассказов, для начала перевел один из них — «Андрежко», написал краткое вступительное слово о писателе. Мой друг художник выполнил макет обложки, используя цветовую гамму болгарского флага, и послал в издательство (ГИХЛ). Спустя достаточно продолжительное время я получил ответ, где предлагалось позвонить по указанному телефону. Выяснилось, что мне предстоит беседа с Георгием Бакаловым, о котором в то время я ничего не знал.

Встреча с Бакаловым состоялась в Институте Маркса-Энгельса и продолжалась

долго. Прежде всего я должен был ответить на ряд вопросов: почему я заинтересовался болгарской литературой и Болгарией вообще, нет ли у меня в роду болгар, кто руководит моими занятиями по болгарскому языку. Наконец, разговор принял конкретный характер. Мой собеседник подробно изложил свой взгляд на творчество Елин Пелина. «Конечно, Елин Пелин — это крупное дарование. Писатель яркого и самобытного таланта. Однако вопросы литературы и искусства мы не можем решать в отрыве от политической обстановки, от реальных условий, в которых мы живем и работаем. Нужно иметь в виду, что Елин Пелин — наш активный политический противник. Он является близким другом царя, ездит с ним на охоту, участвует в царских оргиях, активно выступает не только против коммунистов, но и против всех левых сил Болгарии. А как активен писатель, когда нужно защищать официальную политику царской Болгарии. Достаточно вспомнить его „Пижо и Пендо“. И таких произведений у писателя много. Вспомним его „Китка за юнака“. Публикация произведений Елин Пелина в Советском Союзе в настоящее время, когда у нас в стране активизируются антинародные силы, опасна. Болгарский народ не поймет нас. Вот почему я дал отрицательный отзыв на ваше предложение. Конечно, придет время, когда в вашей стране будут издавать произведения Елин Пелина, но это произойдет не так скоро». Молча я покинул Институт, в стенах которого решались судьбы литературы многих народов.

Реакция Колинкоевой на мой рассказ о встрече с Бакаловым была бурной: «Кто дал право Бакалову решать такие вопросы! Я много лет была учительницей в Болгарии, я знаю, что наш народ любит и чтит. Но в нашей партии сильны догматики, сектанты, которые оценивают художественное творчество с позиции сегодняшней газеты».

Прошло много лет со дня неудачной попытки издать в 1930 г. в Москве рассказы Елин Пелина. Я был гостем Болгарской академии наук. Елин Пелина уже нет в живых, его имя окружено всеобщим почетом и даже любовью. Я посетил старых друзей. Конечно, прежде всего свою бывшую учительницу Мару Колинкоеву. В уютной квартире на Янтра, 17 собралось несколько бывших политэмигрантов. С некоторыми из них я был хорошо знаком по Москве и Одессе. Мы вспомнили прошлое. Колинкоева подробно рассказывала о моей неудаче с рассказами Елин Пелина. Все единодушно осуждали Бакалова — я внимательно слушал. Так меня интересовала реакция на его позицию. «Бакалов был всегда догматиком и схоластом», — говорит мой старый друг Райна Кандева. Но сколько вреда принесли эти догматики схоласты!

2. Корней Чуковский

Холодный и дождливый сентябрь 1948 г. Летом я руководил диалектологической экспедицией в болгарские села Бессарабии. Во время отпуска я отдыхал в академическом санатории «Узкое», в прошлом — загородное имение князей Трубецких. Большинство комнат санатория пустовали. Я оказался за одним обеденным столом с известным писателем и литературоведом Корнеем Ивановичем Чуковским. Очень быстро и ненавязчиво он узнает все, что его может интересовать. Мои специальные занятия в области болгароведения вызвали у него повышенный интерес ко мне. По его просьбе уже на другой день начались наши занятия болгарским языком. Каждый день утром в течение двух часов в его комнате мы читали тексты, проводили занятия по фонетике. Старый человек легче усваивал материал чужого языка, нежели студенты филологического факультета.

После «Узкого» устанавливается регулярная телефонная связь по разным вопросам болгаристики. Личная встреча состоялась в день открытия IV Международного съезда славистов. Он проходил в новом здании университета. По просьбе Чуковского я организовал его встречу с академиком П. Диневым.

Наступили трудные годы, так хорошо описанные Чуковским в его автобиографии. Почти прекратились телефонные разговоры. Неожиданно 11 сентября 1963 г.

я получил письмо: «Дорогой Самуил Борисович. От души благодарю Вас за драгоценный подарок. До сих пор я пользовался „Болгарско-русским речником“ Саввы Чукалова. Теперь у меня появился новый стимул для того, чтобы заняться чудесным болгарским языком и научиться судить о тех переводах, которые изготавлиются для болгарских читателей. Перевод моего сочинения „Люди и книги“ кажется мне недоразумением. Насколько я мог понять, на обертке сказано, будто эта книга получила... ленинскую премию, чего никогда не бывало. И зачем было переводить целую книгу, когда можно было перевести из нее 3—4 статейки, действительно интересные болгарскому читателю. Очень хорошо было бы узнать Ваше мнение об этом переводе, о переводах Христо Радевского и вообще о других переводах с русского. Еще раз спасибо, с глубоким уважением. К. Чуковский».

Дату последнего письма Чуковского установить невозможно из-за нечеткости почтового штампа. Вот его содержание: «Дорогой Самуил Борисович! От всей души поздравляю Вас с Новым годом, с новым счастьем. Раза три я звонил Вам по телефону, но неудачно, а потом заботы... и только теперь могу поблагодарить Вас за Ваше доброе расположение ко мне. Спасибо и еще раз спасибо. Простите, что пишу на открытке. Здесь, в Переделкино, нет ни конвертов, ни марок. Да здравствует Болгария! Всегда Ваш К. Чуковский».

Из недавно опубликованных воспоминаний Чуковского («Знамя», 1992) мы узнаем, что в годы наших встреч и переписки ему пришлось пережить много тяжких и унижительных событий. Однако он нашел в себе силы сохранить чувство достоинства, свою исконную связь с подлинной русской интеллигенцией.

МАТЕРИАЛЫ К УЧЕБНИКУ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Седакова О.А.

Церковнославянско-русские паронимы

ПОДТВЕРДИТИ (ПОДТВЕРЖЪ), ПОДТВЕРЖАТИ (ПОДТВЕРЖАЮ) – укреплять, обязывать, ὑποζώνουσι: *Иже востыгше, всякимъ образомъ помогашъ, подтверждающе корабль – Подняв ее (лодку), мы всяческими способами обязывали корабль (Деян. 27,17).*

ПОЖАТИЕ – жатва: *Прежде пожатию смертнаго, прежде сѣда страшнаго ... согрѣшеніи ми дарови избавленіе (О., гл.5, Нед. веч, стих. пок.).*

ПОЖРАТИ (ПОЖРЪ) – 1: приносить в жертву (см. ЖРАТИ); 2: поглотить: *Да не погрѣзятъ мене вѣра водная, ниже пожретъ мене глѣбина – Да не потопит меня морская буря и да не поглотит меня глубина (Кан. Самар (Иосиф)).*

ПОЗОРЪ – зрелище, θεωρία, публичное собрание: *Молѣхъ не вѣдати себѣ въ позоръ – Просили его (апостола Павла) не показываться на зрелище (Деян. 19,31); И вси пришедшии народи на позоръ сѣи видаше вывѣюща, вѣюще перси свои возвращаша – И все люди, сошедшиися на это зрелище, видя происходившее, уходили, бия себя в грудь (Лк. 23,48).*

ПОКАЗАТИ (ПОКАЖЪ) явить, проявить, δεῖχνύουσι: *Покажи водѣ сѣю волю избавленія – Яви в этой воде воду спасения (Треб); И глѣбока мнѣ мгла, ноць грѣха, но ѣкво днѣ сына, спсе, покажи ма – И я в глубокой тьме, в ночи греха, но сыном дня, Спаситель, яви (сделай) меня.*

ПОКРОВЪ – кровля, στέγη: *Шкрыша покровъ ижеже въ и прокопавше свѣснша ѡдръ – Открыли (сняли) кровлю, где был Он, и проделав в ней отверстие, спустили постель (Мр. 2,4).*

ПОЛКЪ – 1: войско, военный лагерь: *Совра тѣмоудей полкъ инь и ѡполчиса лицъ рафона ѡбъ днѣ странѣ потока (3 Макк. 5,37); 2: ополчение: *И sovra чѣда всѣхъ израильтанъ ... ѡ мама даже до велика, и жены ихъ, и чѣда ихъ, и**

Продолжение. Начало см. Славяноведение. 1992. № 5 – 1993. № 4.

имѣніа, полкъ великъ ѕѣлѡ, принѣти въ зѣмлю іѣдинѣ (1 Макк. 5, 45); 3: стан: ѿ възѣмъ мѡуѡсѣѣи кѣпѣ свою, потчѣ ю внѣ полка далѣче ѡ полка (Исх. 33, 7); 4: крепость, в которой лагерь, казармы, παρεμβολή: Пристѣплъ же тысащникъ іатъ ѡгѡ, ѿ повелѣ связати ѡгѡ вѣрнги желѣзными ... ѿ повелѣ ѡтвести ѡгѡ въ полкъ — Приблизившись, тысяченачальникъ взялъ его и приказалъ сковать желѣзными цепями ... и приказалъ отвести его в крепость (Деян. 21, 33–34); 5: собрание Полцѣ: оуѣченичѣсгин, гдѣ рече, въ ѕѣдѣте въ іѣрлѣимѣ — Собрания учениковъ, сказалъ Господь, оставайтесь в Иерусалимѣ (К. Возн. (Ис. II.)); 6: поход, στρατοπεδεία; • ПОЛКЪ ГДЕНЬ — скиния среди стана, παρεμβολή χυρίου: ѡ отцы ихъ надъ полкомъ гдѣнимъ, стрегѣще вхѡда (1 Пар. 9, 19).

ПОЛОЖЕНІЕ — установление, назначеніе, θέσις: Положеніемъ не былъ вси вышнѣго, ѕвѣствомъ же снѣ — Ты не по установленію (θέσει), но по сущности (οὐσία) былъ Сынѡмъ Всевышнѣго (К. Пр. Г. (И. Д.)).

ПОЛЫНЫЙ — равнинный (противопост. ГОРНЫЙ — нагорный): Приде же іаковъ ... въ мамврію, во градѣ полыный (Быт. 35, 27); ѿ во градѣхъ горныхъ, ѿ во градѣхъ полыныхъ ... (Иер. 32, 44).

ПОЛЫСКІЙ — полевой, дикий: Насытатса дрѣва полыскаа, кѣдрѣи лѣвантѣин (Ис. 103, 16).

ПОМЫШЛАТИ (ПОМЫШЛАЮ) 1: представлять, размышлять, φανάζεσθαι: Дѣнь ѡнь страшный помышляющи, дше моѡ, повдѣи вжигѡущи свѣщѣ твою — Тотъ страшный дѣнь представляя, о душа моя, бодрствуй, держа зажженную свечу твою (Полун. тропарь); 2: созерцать, νοέω: Невидимаа во ѡгѡ ѡ создѣніа мѣра творѣннѣи помышляюма видимаа сѣтъ — Ибо то, что у Него невидимо отъ создѣнія мѣра, черезъ созерцаніе твореній становится видимымъ (Рим. 1, 20); 3: замышлять: Беззаконіе помысли на ложѣ своѣмъ: предѣтѣ всѣкомѣ пѣтѣи невлѣгѣ — Замышляя на ложѣ своемъ безуміе, собирался встать на все дурныя пути (Ис. 45, 5).

ПОНОСИТИ (ПОНОШѢ) — 1: выносить (см. носѣти): Іѣвиласа всѣи ширшаа нѣсѣтъ, поносивши ѕнѣждѣтелѣ твоѡгѡ — Ты явилась пространнее небесъ, выносила [во чреве] Творца Твоего (Бог. Фом. Сб); 2: поносить, ѡνειδίω: Блжѣнѣи ѡсте ѡгдѣ поносаѣтъ вѣмъ (Мф. 5, 11).

ПОНОСНЫЙ — позорный, оскорбительный: Расплѣтѣ поносное, дѡ вѣчце, твоѣи снѣ претерпѣлъ ѡсѣтъ (КсК); Нѣсѣтъ радѣи поноснѣю претерпѣ смѣртъ (Утр. Вел. Сб).

ПОНОСѢ — позор, поношеніе: ѡмѣи ѡ менѣ поносѣ ѿ оуничиженіе (Ис. 118, 22).

ПОПОЛЗНОВЕНІЕ — паденіе, ѡλίσθησα: ѡзѣ воюса цѣловѣніа стрѣннаго твоѡгѡ, стыдѣннѣса поползновѣніа — Я страшуся Твоего дивнаго прѣветствія, опасаясь паденія (Мк. 10, 31).

ПОРѢГѢТИСА (ПОРѢГѢЮСА) — 1: надругаться, насмехаться (см. рѡгѢТИСА): ѿ порѡгѣютса ѡмѣ, ѿ оуѡзвѣтъ ѡгѡ, ѿ ѡплюютъ ѡгѡ (Мк. 10, 34); 2: надругаться, овладѣть силой: Внѣде ко мнѣ ѡтрокѣ ѡврѣннѣ ... порѡгѣтнѣса мнѣ ѿ рече: да вѣдѣ съ тобою — (Жѣна Потифара жалуетса на Иосифа): Пришелъ ко мнѣ рабъ еврей ... чтобы надругаться надо мной и говорил: я буду с тобой (Быт. 39, 17).

ПОСЛАДНІЙ – позднейший (по времени), ἔσχατος: Ἦ въ послѣднѣмъ ѿ дѣвы воплощенномъ безсѣмennomъ хрѣтѣ вѣс – *И в позднейшее [время] без семени воплотившемуся от Девы Христу Богу (К.Рожд.)*; 2: конечный: ἄςъ ѿсмы ѡфа и ѡмега, первый и послѣдній (Откр. 1,11); 3: послѣдний по значенію, по положенію, ἔσχατος: Ἄνοι же бѣдѣтъ пѣрвіи и послѣдни пѣрви (Мк. 10,31). • **ПОСЛАДНАА** – смерть, ἔσχατος: Во всѣхъ словесѣхъ твоихъ поминай послѣднѣа твоѡ, и во вѣки не согрѣшиши – *Во всехъ делахъ твоихъ помни конецъ твой, и вовеки не согрешишь (Сир. 7,39)*.

ПОСЛѢШЕСТВО – свидетельство, свидетельство обвинения, μαρτύριον: Злато ваше и сребро и зоржавѣ, и ржа ихъ въ послѣшество на васъ бѣдѣтъ (Иак. 5,3).

ПОСЛѢШЕСТВОВАТИ (ПОСЛѢШЕСТВЮ) – свидетельствовать: Не послѣшестви на друга своего свидѣтельства лжна (Исх. 20,16).

ПОСПѢТИ (ПОСПЮ) – помогать, способствовать: Ἦ стѣпати ми правѡ всегда поспѣти во спасительномъ пѣти – *И помоги мне всегда праведно идти путемъ спасенія (О., г.7, Вт. Утр., Блаж.)*.

ПОСПѢШАТИ (ПОСПѢШАЮ, ПОСПѢШИТИ, ПОСПѢШѢ) – 1: помогать, содействовать, συνέρω: Поспѣшить намъ вѣ спасеніи нашихъ (Часъ 3); 2: делать быстро, ускорить: Поспѣши время и помани клятвы и да повѣдатъ величіа твоѡ – *Ускорь время и вспомни клятву и да возвестятъ великіе (дела) Твои (Сир. 36,9)*.

ПОСПѢШЕНІЕ – усердие, успех: Ἦ во всѣмъ благодѣ поспѣшеніе.

ПОСПѢШНЫЙ – содействующий, многообещающий, ἐνεργός: Дверь во ми ѡверзеса велика и поспѣшна (1 Кор. 16,9).

ПОСТОАНИЕ – опора, твердое место, оплот, κατάστασις: Οὐγκѣвохъ въ тимѡни и нѣтъ ми постоаніа – *Я погряз в глубокой трясины, и нетъ мне опоры (Пс. 68,9)*.

ПОСТОАТИ (ПОСТОЮ) – устоять (ср. непостоанный): Ἄще беззаконіа навриши гди, гди, кто постоитъ – *Если Ты посмотриши на грехи, Господи, Господи, кто устоитъ (Веч. стих.гл.8)*.

ПОСѢЩЕНІЕ – проявление милости¹: Посѣщеніемъ же посѣтитъ васъ вѣс (Быт. 50,24); Живѣтъ же и милость положиа ѿси оу менѣ, посѣщеніе же твоѣ сохрани мой дѣхъ (Иов. 10,12).

ПОСѢЩАТИ (ПОСѢЩАЮ, ПОСѢТИТИ (ПОСѢЩѢ) – 1: оказывать вниманіе милостиво (т.е. сотворить милость): Ты вѣси, гди, аспомани мѡ, и посѣти мѡ, и защити мѡ ѿ гонящихъ мѡ (Иер. 15,16); 2: оказывать вниманіе взыскательно (сотворить суд, наказать): Ὁгда сѣхъ ради не посѣщи, рече гдѣ – *Неужели за это не посету гневом, говоритъ Господь (Иер. 5,29)*.

ПОСАГАТИ (ПОСАГАЮ), ПОСАГНѢТИ (ПОСАГНѢ) – выходить замуж: Хошѣ оубо юнымъ вдовицамъ посагати – *Итак, я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак (1 Тим. 5,14)*; Въ воскресеніе во ни женатса, ни посагаютъ – *Ибо в воскресеніи (т.е. в новой жизни) не женятся, не выходятъ замуж (Мф. 22,30)*.

ПОТЕРПѢТИ (ПОТЕРПЮ) – ждать, иметь терпение (ср. ТЕРПѢТИ): Ἦ мене

¹ В синодальномъ переводѣ Библии – *попечение*.

рѣди твоѣгѡ потерпѣхъ тѣ, гдѣи, потерпѣ дѣша моѣ въ слово твоѣ, оупова дѣша моѣ на гдѣ — Ради имени Твоего ждал я Тебя, Господи, ждала душа моя по слову Твоему, уповала душа моя на Господа (Прит. 20,22); Не рцы: ѡтмщѣ врагѣ: но потерпѣ гдѣ, да ти помѡжетъ — Не говори: отамцу врагу: но ожидай Господа, и поможет тебе (Прит. 20,22); Молчащѣ ми потерпѣтъ, и вѣщающѣ ми ѣмѣтъ внимати — Пока я молчу, они будут ждать, и когда заговорю, послушают (Прем. 8,12).

ПОТРЕБИТЕЛЬ — истребитель: Тебѣ славимъ тѣи потреби́телѣ — Славим Тебя, уничтожившего смерть (О., гл. 1, Сед. воскр).

ПОТРЕБИТИ (ПОТРЕБАЮ), ПОТРЕБАТИ (ПОТРЕБАЮ) — 1: истреблять, уничтожать: Грѣхѡвнѣю печалью потребающи (Посл.М); Страсти тѣлесныя прѣжде всѣхъ потребѣи (ЖАПБ); Ыма ѡгѡ потребилъ ѡси въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка (Пс 9,6); Хранитъ гдѣ всѣ любящыя ѡгѡ, и всѣ грѣшники потребитъ (Пс 144,20).

ПОТЩАТИСА (ПОТЩИСА) — поспешить, σπεύσας (ср. ТЩАНИЕ): Ы потщавса слѣзе, и прѣятъ ѡгѡ рѣдѣса — И он (Закхей) поспешно сошел и принял Его с радостью (Лк.19,6); Ы потщаса, и снѣ водонѡсъ на мѣшца своѣ и напои ѡгѡ, дѡндеже написа — И поспешила и сняла кувшин на руки и напоила его, пока он не наполнился (Быт. 24,18); Бже, въ пѡмощь мою вонми: гдѣи, помѡщи ми потщиса — Боже, услышь меня в помощь мне; Господи поспеши мне помѡчь (Пс 69,1-2); Оугѡдна во бѣ гдѣви дѣша ѡгѡ: сегѡ рѣди потщаса ѡ средѣ лѣкѡвствѣа — Угодна была Господу его душа: потому он и поспешил [уйти] от нечестивых (Прем. 4,14).

ПОВЧАТИСА (ПОВЧАЮСА), ПОВЧИТИСА (ПОВЧИСА) — 1: размышлять, обдумывать: ѡгда же поведѣтъ въ предающе, не прѣже пѣцѣтеса чтѡ възглагѡмете, ни повчайтеса — Когда же поведут вас предавать, не заботьтесь наперед, что сказать, и не обдумывайте (Мр. 13,11); 2: приготовляться, προεχθαι, замышлять: Всѣю шаташаса ѣзыцы, и людѣ повчѣшаса тѣштнѣмъ — Зачем в смятении были племена, и народы замышляли тщетное? (Пс 2,1).

ПОВЧЕНИЕ — 1: размышление, занятие, μελέτη: Оустѡ моѣ възглагѡлютъ премѣдрѡсть, и повчѣние сѣрдца моегѡ рѣзѣмъ — Уста мои изрекут премудрѡсть и размышление сѣрдца моего — знание (Пс 48,24); Согрѣса сѣрдце моѣ во мнѣ и въ повчѣнии моѣмъ разгорѣтса ѡгнь: скажи ми гдѣи кончинѣ мою — загорелось сѣрдце мое во мне, и в мыслях моих разгорелся огонь: ... скажи мне, Господи, кончину мою ... (Пс 38,4); 2: изречение: Послѣшай слѣха во гнѣвѣ ярости гдѣи, и повчѣние ѣзѣтъ ѡгѡ ѣзѣдетъ — Слушай, что слышно в гневѣ ярости Господней, и из уст его выйдет поучение (Иов 37,2); 3: замыслы, ухищрения Оустнѣ востающихъ на мѣ, и повчѣние ѣхъ на мѣ весь дѣнь — Уста востающихъ на меня, и замыслы их против меня (Плач. 3,62).

ПОХВАЛА — 1: похвальное слово; 2: честь, слава, прославление; • дѣвственнаѡ похвалѡ — прославление девственности (обращение к Пресвятой Богородице); • съ похвалѡю — с благодарностью.

ПОХВАЛЫ — особые молитвы в составе Литургии.

ПО'АТИ (ПОЙМЪ) — 1: взять: Воставъ поимй отроча и мѣръ ѳгѡ, и вѣжи во ѳгѡпетъ (Мф. 2,8); И рече валакъ къ валаамъ: градн, поимй та на мѣсто йно (Числ. 23,27); 2: взять замуж: И йже пѣщеницъ поиметь прелюбодѣйствуетъ — *И тот, кто женится на разведенной, прелюбодѣйствует* (Мф. 5,32); 3: принудить: И аще ктѡ тѣ поиметь по силѣ поприще едино, иди съ нимъ два — *И если кто тебя принудит пройти с ним одно поприще, иди с ним два* (Мф. 5,41).

ПРАВДА — 1: справедливость: Сядъ и правдъ во іаковѣ ты сотвориша ѳси (Пс. 98,4); Милость и йстина срѣтостася, правда и миръ ѡблובызастася; йстина ѡ землѣ возсѣа, и правда съ нѣбесе приниче (Пс. 86, 12-14); Господѣе, правдъ и оуравненіе (τὸ δίκαιον καὶ τὴν ἰσότητα) равомъ подавайте — *Господа, оказывайте рабам вашим должное и справедливое* (Кол. 4,1); 2: оправдание: Сказа гдѣ спсѣніе свое, предъ языки ѡкры правдъ свою (Пс. 97,2); Ибо гдѣ дастъ блгость и земля наша дастъ плодъ своѣ. Правда предъ нимъ предъидеть, и положитъ въ пѣть стѡпн своѣ; Млтъ же гдѣа ѡ вѣка и до вѣка на волющихъса ѳгѡ: и правда ѳгѡ на сынѣхъ сынѡвѣ, хранѣщихъ завѣтъ ѳгѡ ... (Пс. 102,17-18); 3: праведность, внутренняя правота, правосудие, δικαιοσύνη: И стѣ финеесъ и оумилостивн, и престѣ сѣчь: и вмениса ѳмъ въ правдъ, въ рѡдъ и рѡдъ до вѣка — *И встал Финес и умилостивил [Бога] и прекратилась битва и вменилось [это] ему в праведность, в род и род навеки* (Пс. 105,31-32); Вѣрова авраамъ вѣн и вмениса ѳмъ въ правдъ (Рим. 4,3); Авелевѣ, йисе, не оуподобихса правдѣ (Вел.К.,Вт.,п.1); Блженннм ѡчѣшн и жѣждѣшн правды (τὴν δικαιοσύνην) іако тѣмъ насытитса. Блженннм изгнѣнн правды рѣдн (ἔνεχεν δικαιοσύνης), іако тѣхъ ѳсть цѣство нѣсное (Мф. 5,6,10); Іакоже рѣвъ повѣрженнн всѣкаа правда наша предъ тобѡ (Треб. Посл.ел.).

ПРАВИТИ (ПРАВЛЮ) — исполнять: Йхже дарѡи стѣимъ твоимъ церквамъ ... право правѣщихъ слово твоеѡ йстины — *Их (иерархов) даруй Твоим святымъ церквам ... праведно исполняющимъ слово Твоей истины* (Лит. Зл.).

ПРАВЫЙ — прямой в противоп. кривому, λέος: И вѣдетъ стрѡпѡтнаа въ правѣа — *И неровные [пути] сделаются ровными* (Лк. 3,5); 2: истинный, праведный, ὀρθος: Сѣрдце чисто созижди во мнѣ вѣже, и дѣхъ правъ ѡбнови во оутрѡбѣ моѣй (Пс. 50,12); Сильно на землѣ вѣдетъ сѣмѣа ѳгѡ, рѡдъ правыхъ благословитса. (Пс. 111,2); Возсѣа во тмѣ свѣтъ правымъ (Пс. 111,2;4). • NB: русскому ПРАВЫЙ соответствует цсл. ДѢСНЫЙ.

ПРАЗДНОВАТИ (ПРАЗДНЮ) — 1: пустовать, быть упрздненнымъ: Законъ изнеможе, прѣзднуетъ ѳвѣіе, писаніе же все въ тебѣ небрѣжено вѣсть, пророцы изнемогѡша и все праведное слово — *В тебе (грешная душа) Закон (Моисеев) обессилен, Евангелие упрзднено, все Писание в пренебрежении, Пророки утратили силу и все слово правды* (Вел.К., пнд., п. 9); 2: праздновать, отмечать праздник.

ПРАЗДНЫЙ — 1: пустой, незаполненный (в пространственном смысле), οὐρανοῦτος: И пришѣдъ ѡбращеть прѣзднѣнъ, пометѣнъ и оукрашенъ — *И придя находит его (дом) пустым, выметенным и убранным* (Мф. 12,44); 2: незанятый, праздный: И рече ймъ: прѣздни, прѣздни

ѣсте, сего ради глаголете: да ѣдемъ пожрѣмъ въ нашемя. нынѣ оубо шѣдше дѣлайте — И сказал (Фараон) им: Праздны вы, праздны, потому и говорите: пойдём принесем жертвы Богу нашему. Идите же и работайте (Исх. 5, 17-18); 3: пустой, незначительный, негодный, ἀργός: Всяко слово праздное, еже аще рекѣтъ человецы, воздадѣтъ ѡ немъ слово въ день седный (Мф. 12, 36).

ПРЕВОСХОДИТИ (ПРЕВОСХОЖЪ) — восходить: ἵκω на некасѣмю превосходяще горѣ ... придѣте и станемъ на горѣ сионской — Будто восходя на неосязаемую гору ... придите и встанем на горе Сионской (К. Преобр).

ПРЕВРАТИТИ (ПРЕВРАЩЪ) — 1: опрокидывать, разрушать: ἵ βυστὴ ἐγὰρ преврати въ всѣ грады страны томъ, поманѣ въ Авраама ... — И когда разрушил Бог все города той местности, вспомнил Бог Авраама... (Быт. 19, 28); 2: отвращать, уничтожать, катастрофѣ: Преврати сердце ихъ возненавидѣти люди егѡ — Отвратил сердце их (египтян), чтобы они возненавидели народ Егѡ (Ис. 104, 25).

ПРЕВРАТИТИСЯ — 1: опрокинуться, рухнуть: лѣсть же превратисѣ, и вѣра распрострѣсѣ — Заблуждение рухнуло и вера распространилась (К. Воздв. (Маям.)); 2: обратиться против: ἵ превратисѣ сердце фараоново, и равевъ егѡ на люди (Исх. 14, 5).

ПРЕВРАЩЕНІЕ — разрушение, катастрофѣ: ἵ изсѣла (гдѣ) лота ѡ среды превращеніѣ, егда преврати гдѣ грады, въ нихъ же живѣше лотъ — И высѣла Лота из среды разрушения, когда разрушал Господь города, в которыхъ жил Лот (Быт. 19, 29).

ПРЕДВАРИТИ (ПРЕДВАРЮ) — 1: встретить, застать врасплох: Чрево моѣ воскипѣ, и не оумолчитъ: предвариша мѣ днѣ нищеты (Иов. 30, 27); 2: предупреждать, прийти раньше то же, что ВАРИТИ (см.) Предварившіѣ оутро ѣже ѡ маріи ... — Пришедшии прежде утра [те, кто с] Марией (Посл. Пасх.); • **ПРЕДВАРИТИ ЛИЦЕ** — приветствовать: Предваримъ лицѣ егѡ во исповѣданіи (Ис. 94, 2).

ПРЕДВИДѢТИ (ПРЕДВИЖЪ) — видеть перед собой: Свѣщенникъ мѣ предвидѣвъ мѣмѡ ѣде (Вел. К., ср. п. 1).

ПРЕДВОСХИЩАТИ (ПРЕДВОСХИЩАЮ), ПРЕДВОСХИТИТИ (ПРЕДВОСХИЩЪ) — похищать, захватывать что-либо прежде кого-либо. См. ВОСХИЩАТИ: Двѣрѣ покѣисѣ, двѣрѣ Швервеса цѣтвѣла оужѣ, и предвосхищаютъ ѣ фарісеѣ и мытари и прелюбодѣи кающіисѣ — Покайся, душа, открылась уже дверь Царства и похищаютъ его (царствие) прежде тебя кающіисѣ фарисеи и мытари и прелюбодѣицы (Вел. К., Пнд., п. 9).

ПРЕДЛОЖИТИ (ПРЕДЛОЖЪ), ПРЕДЛАГАТИ (ПРЕДЛАГАЮ) — 1: положить (перед собой), замыслить, представить: Не предлагахъ предъ очима мойма вещь законопрестѣпнѣю (Ис. 100, 3); 2: положить перед (т.е. принести в жертву), отдать: Въ рѣцѣ твой предложѣ дѣхъ мой (Ис. 30, 6).

ПРЕДЛОЖЕНІЕ — 1: жертва, прѣдѣсѣс (В частности хлебов в Ветх. Завете). См. ПРЕДЛОЖИТИ, 2. • **ХЛѢБЫ ПРЕДЛОЖЕННА** или **ХЛѢБЫ ЛИЦА** — жертвенные хлебы: ἵ дадѣ ѡмѣ авіemelѣхъ іерей хлѣбы предложеніѣ, ꙗкѡ тамѡ не въ хлѣба, но токѣмѡ хлѣбы лица, ꙗже взѣты ѡ лица гдѣмѣ (1 Цар. 21, 6); 2: представление наперед, замысел, решение, воля, прѣдѣсѣс

(См. ПРЕДЛОЖИТИ): Оумомъ, и словомъ, и произволѣніемъ, и предложеніемъ и мыслію, и дѣланіемъ согрѣшивъ (Вел. К., Инд., п. 4); Твёрдаго не имѣла вси предложеніа во всѣхъ ꙗже вси и ѿниже ѿскѣсилася вси, но ꙗвилася вси нетерпелива — Не имела ты (душа моя) твердого умысла во всем, что знаешь и чем была испытана, но показала себя нетерпеливой (Вел. К., Вт. п. 4); По предложенію вѣкъ, ѿже сотвори ѿ хртѣ іисе гдѣ нашемъ — По извечному решению, которое Он исполнил во Христе Иисусе, Господе нашем (Еф. 3, 11).

ПРЕДПИСАТИ — прообразовать, проурафω.

ПРЕДПРОІАТИ (ПРЕДПРОІЕМО) — узнать наперед: И сіе предпріемый исіаи возопи — И узнавший это наперед Исаия восклицал ... (Пасх. утр.).

ПРЕДРАЗСЪЖДАТИ (ПРЕДРАЗСЪЖДАЮ) — предызбрать: Жезлъ ... прозвѣніемъ предразсѣждаетъ священника: неплодѣщей же прѣжде цѣркви нынѣ процвѣтѣ древо кѣта (К. Воздв.).

ПРЕДРАЗСЪЖДѢНІЕ — предызбрание, προκτισις: Ѽ сѣха прозвѣніе жезла іереѣва, ізраілю предразсѣдѣніе (КРБ. (1), п. 5).

ПРЕДСТОАТИ — начальствовать, стоять во главе, προϊστημι: Подавай, въ простотѣ; предстоай со тшаніемъ — Раздающий [раздавай] в простоте, начальник [начальствуй] с усердіем (Рим. 12, 8).

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ — глава, от ПРЕДСѢДАТИ — сидеть на первом месте: Критскаго тѣ пастыра и предсѣдателя, и вселенныа мѣтвенника вѣдѣй ... — Зная тебя (св. Андрея Критскаго) как пастыря и главу и молитвенника за всю вселенную (Вел. К., ср., п. 6).

ПРЕДЪАВЛАТИ (ПРЕДЪАВЛАЮ) — показывать наперед: Спасеніе Ѽ смѣа человекоубійцы всѣмъ предъавлаа въ послѣднѣа лѣта — Наперед показывая всем спасение от человекоубійцы змея в последние времена (КБГ (Маюм)); Аггль нарекса вси ѿчеє слово ѿже къ намъ твоє предъавлаа пришествіе — Ты назвал Ангелом [вестником], Слово Отчее, показывая наперед Твое пришествие к нам (О., гл. 2, Нед. пол., К., п. 5).

ПРЕДЪАВЛЕННЫЙ — явный, очевидный, πρόδηλος: Нѣкихъ же человекъ сѣтъ предваряюще на сѣдъ: нѣкимже и послѣдствіютъ — Грехи некоторых людей явны (очевидны), опережая [их], идут на суд за другими же [их грехи] пойдут следом (1 Тим. 5, 24).

ПРЕЗНРАТИ (ПРЕЗНРАЮ), ПРЕЗРАТИ (ПРЕЗРАЮ) — 1: не обращать внимания, отвергать: Оусопшиа равѣ твоа оупокѣй, презнраа ихъ вса согрѣшѣніа (Сл. уопш., Т.); Дѣлъ твоихъ да не презриши, созданіа твоегѡ да не ѡставиши правосѣде — Твореній Твоих не отвергни, создания Твоего не оставь, Судия праведный (Вел. К., Инд. II. 4); 2: обманывать: Да не какѡ ѡсажетъ ма ѡтець мой, и вѣдѣ предъ нимъ ꙗкѡ презнрааи, и наведѣ на себѣ клѣтвѣ (Быт. 27, 12).

ПРЕИМЩІЙ — превосходящий, начальствующий: Стѣйшихъ херувимовъ и тварей преимщам (О., гл. 5, Сб. веч., стих под. ПБ); ꙗкѡ сѣдъ жесточайшій преимщимъ бываеетъ (Прем. 6, 6).

ПРЕИТИ (ПРЕИДѢ), ПРЕХОДИТИ (ПРЕХОЖѢ) — 1: превзойти: Всѣхъ преидохъ, вѣчце, согрѣшеними — Всех превзошел я, Владѣстница, прегрешеньями

(Св.6); 2: проводить жизнь, см. ХОДИТИ: ОУНЫНІЕМЪ ПРЕДОХЪ ЖИТІЕ — В унынии я прожил жизнь (Вел.К., Ср.п.1); ПРЕХОЖДАХЪ ВЪ НЕЗЛОБИИ СЕРДЦА МОЕГО ПОСРЕДѢ ДОМА МОЕГО — Я ходил (жил) в незлобии сердца моего в доме моем (Пс 100,2); 3: приходиться, преодолевать: Птицы небесныя и рыбы морскія переходящія стези морскія (Пс 8,9); 4: миновать, кончаться (чаще в этом значении МИМОУТИ, ПРЕСТАТИ): Власть его, власть вечная, также не пройдетъ (Дан. 7,14).

ПРЕКРАЩАТИ (ПРЕКРАЩАЮ) — сокращать: Время прекращено есть прочее — Время уже сокращается в дальнейшем (1 Кор. 7,29).

ПРЕЛАГАТИ (ПРЕЛАГАЮ), ПРЕЛОЖИТИ (ПРЕЛОЖУ) — 1: претворить, переменить: Се азъ оударю жезломъ иже въ рещи моеи, по водѣ речной, и предложитса въ кровь (Исх. 7,17); 2: перемещать, перенести: Винохъ предложень висть не видѣти смѣрти: и не обрѣташеса, зане предложи его въ — Енох перенесен был так, что не видел смерти: и не стало его, потому что Бог преселил его (Евр. 11,5; Быт. 5,22).

ПРЕЛОЖЕНІЕ — 1: претворение; 2: перенесение, переселение: Прѣжде во предложеніа своего свидѣтельствованъ висть, какъ оугоди въ — Ибо прежде переселения своего (Енох) получил свидѣтельство, что угодил Богу (Евр. 11,5).

ПРЕЛЕСТНИКЪ — обманщик, оболъститель: Прельстиса прелестникъ; прельстивыйсѧ избавлетса премудростію твоєю, вѣже мой — Обманут обманщик (дивол), а обманутый спасен премудростію Твоею, Боже мой (Утр. Вел. Сб).

ПРЕЛЕСТНЫЙ — обманчивый, ἀπατεῖνος: Хошашъ сѣмѣонъ ѿ нынѣшняго вѣка преставитисѧ прелестнаго ... — Симеону, желающему преставиться от обманчивого века сего ... (КАПБ, п.7).

ПРЕЛЕСТЬ — 1: обман, ἀπάτη Ср. ЛЕСТЬ: Радѣйсѧ, прелести печь оугасившѧ — Радуйся, угасившая печь обмана (КАПБ); ѿ прелести вражѧ миръ избавлѣи — От обмана врага (дьявола) спасающий мир (Стих. на Госп. возв., 1 гл.); 2: блуждание, уклонение, κλάνη: Радѣйсѧ, прелести державѧ поправшѧ (КАПБ, п. 6); Нозѣ твой, также ма ѿ пѣти прелести свободившѧ (Вел. пов.).

ПРЕМІРНЫЙ — надмирный, принадлежащий духовному миру, будущему веку, ὑπερχόσιος: Силъ оутанвѧ великѧ премірныхъ и великѧ на землѧ — Будучи скрыт и от надмирныхъ и от земныхъ сил (К. Рожд. (Маям)); Дарѧ намъ мирнаѧ и премірнаѧ твоѧ благѧ — Даруя нам Твои блага в этой жизни, и в будущей (или: мирские и надмирные) (Утр.). • ПРЕМІРНАѧ — небо, будущая жизнь.

ПРЕПОДОБНЫЙ — 1: прекрасный, блаженный, благоприятный, αἰσιος: Достѡннъ всѧ во всѧ времена пѣтъ быти преподобными (φωναῖς αἰσιος) — Досл. Быть воспеваемымъ блаженными голосами (Веч.); 2: благочестивый, чистый, ὁσιος: Воздѣюще преподобнымъ рѣки безъ гнѣва и размышленіа (1 Тим. 2,8); 3: агиологический термин: Преподобныхъ и вѣносныхъ отѣцъ нашихъ ...

ПРЕСЛАВНЫЙ — небывальщій, παράδοτος: Въ во хотѣшѧ, оудѣбѧ скончѧются и преславнаѧ — Если Бог изволит, и небывалое совершается благополучно (К. Бл.).

(Св.6); 2: проводить жизнь, см. ХОДИТИ: ОУНЫНИЕМЪ ПРЕДОХЪ ЖИТИЕ – В унынии я прожил жизнь (Вел.К., Ср.п.1); Прехождяхъ въ незлобїи сѣрдца моего посреди домъ моего – Я ходил (жил) в незлобии сердца моего в доме моем (Пс 100,2); 3: приходиться, преодолевать: Птицы невѣсныя и рыбы морскїа прехождѣше стези морскїа (Пс 8,9); 4: миновать, кончаться (чаще в этом значении МИНОУТИ, ПРЕСТАТИ): Власть бгѡв, власть вѣчная, ꙗже не прейдетъ (Дан. 7,14).

ПРЕКРАЩАТИ (ПРЕКРАЩАЮ) – сокращать: Время прекращено есть прочее – Время уже сокращается в дальнейшем (1 Кор. 7,29).

ПРЕЛАГАТИ (ПРЕЛАГАЮ), ПРЕЛОЖИТИ (ПРЕЛОЖУ) – 1: претворить, переменить: Се азъ оударю жезломъ ѿже въ рѣцѣ моеи, по водѣ рѣчнѣи, и преложится въ кровь (Исх. 7,17); 2: перемещать, перенести: Виноухъ преложень бысть не видѣти смѣрти: и не ѡвбрѣтѣшеса, зане преложитъ бгѡв бгѣ – Енох перенесен был так, что не видел смерти: и не стало его, потому что Бог преселил его (Евр. 11,5; Быт. 5,22).

ПРЕЛОЖЕНИЕ – 1: претворение; 2: перенесение, переселение: Прѣжде во преложенїа своего свидѣтельствованъ бысть, ꙗко оугоди бгѣ – Ибо прежде переселения своего (Енох) получил свидетельство, что угодил Богу (Евр. 11,5).

ПРЕЛЕСТИНИКЪ – обманщик, оболъститель: Прельстїса прелестникъ; прельстївыииса ѿзбавлѣтса премѣдростїю твоєю, бже мой – Обманут обманщик (дивол), а обманутый спасен премудростью Твоею, Боже мой (Утр. Вел. Сб).

ПРЕЛЕСТНЫЙ – обманчивый, ἀπατεῖνος: Хощѣшъ сѣмѡнъ ѡ нынѣшняго вѣка престѣвитиса прелестнаго ... – Симеону, желающему представиться от обманчивого века сего ... (КАПБ, п.7).

ПРЕЛЕСТЬ – 1: обман, ἀπάτη Ср. ЛЕСТЬ: Радѣиса, прелести печь оугасившала – Радуйся, угасившая печь обмана (КАПБ); ѡ прелести вражїа мїръ ѿзбавлѣи – От обмана врага (дьявола) спасающий мир (Стих. на Госп. возв., 1 гл.); 2: блуждание, уклонение, πλάνη: Радѣиса, прелести державѣ поправшала (КАПБ, п. 6); Нозѣ твой, ꙗже мѣ ѡ пѣти прелести свободившїа (Вел. пов.).

ПРЕМІРНЫЙ – надмирный, принадлежащий духовному миру, будущему веку, ὑπερκόσμος: Силь оутѣивса ѡнко премїрныхъ и ѡнко на землїи – Будучи скрыт и от надмирныхъ и от земныхъ сил (К. Рвжд. (Маям)); Дарѣа намъ мїрнаа и премїрнаа твоѣа благѣа – Даруя нам Твои блага в этой жизни, и в будущей (или: мирские и надмирные) (Утр.). • **ПРЕМІРНАА** – небо, будущая жизнь.

ПРЕПОДОБНЫЙ – 1: прекрасный, блаженный, благоприятный, αἰσιος: Достѡннъ всїи во всѣа времена пѣтъ быти преподобными (φωναῖς αἰσίας) – Досл.: Быть воспеваемым блаженными голосами (Веч.); 2: благочестивый, чистый, ὁσιος: Воздѣюще преподобныа рѣки безъ гнѣва и размышленїа (1 Тим. 2,8); 3: агиологический термин: Преподобныхъ и бгѡносныхъ ѡтѣцъ нашихъ ...

ПРЕСЛАВНЫЙ – небывалый, παράδοτος: Бгѣ во хотѣшъ, оудѡбѣ скончѣются и преславноа – Если Бог изволит, и небывалое совершается благополучно (К. Бл.).

ПРЕПРА́ТИ (препира́ю) — побеждать в споре (пра — спор, раздор; пра́ти — спорить): *Всюду препра́нь вы́хъ азъ окаянникъ ѿ своего совѣсти ... — Потому и побежден я, несчастный, собственной совестью ...* (Вел. К., Инд., п. 4).

ПРЕСЪПЛЕ́НІЕ — нарушение чего-либо: Пресъплѣнѣмъ же заповѣди паки нѣ возвративый въ зѣмлю — *И за нарушение заповеди вновь возвративший меня в землю* (Посл. погр.).

ПРЕСЪЩИ (пресъкъ) — рассекать, рассеивать, διατμήγω: ѿ свѣта пресъкъи первородный свѣтъ ꙗко во свѣтѣ дѣла поютъ тѣ — *Распространяющий первородный Свет от Света, чтобы во Свете творения славили Тебя.*

ПРЕТІТИ (прещѣ) — гневаться, угрожать, негодовать на кого-либо, ἐμψροάομαι: **ПРЕТІТИ** въ себя, **ПРЕТІТИ** въ дѣхѣ — скорбеть, возмущаться: *Иисъ же паки претѣ въ себя, прѣиде ко гробѣзъ* (Ин. 11, 38).

ПРЕЩЕ́НІЕ — 1: угроза, казнь: *Огненное прещеніе мѣжески поправше — Угрозу пламени (отроки) мужественно победили* (КБО); 2: гнев: *Избавити ны ѿ надлежащаго и праведнаго своего прещенія — Спасити нас от законного и праведного Своего гнева* (Вел.).

ПРИБЫВА́ТИ (привываю), **ПРИБЫ́ТИ** (привѣдѣ) — сообщаться: *Боляни ꙗже ѿ дѣвола нѣмъ привывающіа — Страха, который сообщается нам от дѣвола* (Вел. Пов.).

ПРИБОДІ́ТИ (привожѣ) — представлять, выказывать: *радыся, тебѣ приводимъ* (Отп. гл. 7).

ПРИБА́ТЬ — намерение, воля, προθέσει (ср. совѣтъ): *Последовати ихъ оученію, житію, привѣтѣ, вѣрѣ, долготерпѣнію, любви* (КС; 2 Тим. 3, 10).

ПРИГЛАСИ́ТЬ (приглашѣ), **ПРИГЛАСИ́ТИ** (приглашаю) — призывать, обращаться с речью: *И всѣа пригласати тебѣ научивъ: радыся ... — И научив всех обращаться к Тебе [Так]: радуйся...* (КАПБ); *Съ плачемъ приглашаю: свѣше мнѣ простри превогатаа, рѣкъ твою* (О., гл. 1, Сб., пов., КПБ п. 1).

ПРИЗРА́ТИ (призрю), **ПРИЗРА́ТИ** (призираю) — воззреть, обратить внимание, снизить, оказать милость, εφοράω, ἐπιβλεπω: *Оучителю, молю ти съ, призри на сына моего, ꙗко единокорденъ ми ѣсть ...* (Лк. 9, 38); *Тако мнѣ сотвори гдѣ во дни, въ нѣже призрѣ ѿати поношеніе моѣ въ человецѣхъ* (Лк. 1, 26); *ꙗко призрѣ на смиреніе равы своего* (Лк. 1, 48).

ПРИЛІ́ЧИЕ — согласованность, созвучие, ἀρμονία (ср. ликъ — хор): *Раздѣльшися древле гласъ, съ согласившихся, во едино приличіе бжѣственнѣ совокупн —* (К. Пят. (Малюм)).

ПРИЛІ́ЧНЫЙ — подходящий, соответствующий: *Мѣра мѣртвымъ сътъ прилична — Благовонія подобають умершим* (Посл. В. (Вел. Птм.)).

ПРИЛОЖЕ́НІЕ — прибавление (см.: приложити, 2): *Въ приложеніе бжѣственныа твоеа выгодати, и твоего царствіа присвоеніе* (Мл. по Прич.).

ПРИЛОЖИ́ТИ (приложѣ) — 1: повторить, сделать вновь: *Паки послѣ голубицъ и не приложн возвратити съ къ немѣ потѣмъ — И вновь пустил голубку и она уже не вернулась к нему* (Быт. 8, 12); 2: прибавить: *Кто же ѿ васъ пекися можетъ приложити възрастъ своего локоть единъ — И кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту на один локоть?*

(Мф. 6, 27); ἵκω ѓзекѣа слезю на лѣжи моѣмъ, приложѣтисѣ мнѣ лѣтѣмъ животѣ — Какъ Иезикия, плачу на ложе моем, чтобы прибавились мне годы жизни (Вел. К., Чт., п. 7).

ПРИЛѢЖАТИ (ПРИЛѢЖЪ) — услуживать: Приведѣ ѓгѣ въ гостѣнницѣ, ѥ прилѣжѣ ѓмъ (Лк. 10, 3).

ПРИЛѢПЛАТИСА (ПРИЛѢПЛАЮСА), **ПРИЛѢПИТИСА** (ПРИЛѢПИЮСА) — иметь общение, жить вместе: Не лѣпо мѣжъ ѥдѣаннѣхъ прилѣплатисѣ ѥли прихѣдѣти ко ѥноплеменнѣхъ (Деян. 10, 28); сегѣ рѣди ѡставитъ человекъ ѣтца своегѣ ѥ матерь: ѥ прилѣпитсѣ къ женѣ своей, ѥ бѣдетѣ ѣба въ плѣгѣ ѣдинѣхъ (Мф. 19, 5).

ПРИПАДАТИ (ПРИПАДАЮ), **ПРИПАСТИ** (ПРИПАДЪ) — пасть ниц (перед кем-либо), молить на коленяхъ: Приидѣте, поклонѣмсѣ ѥ припадѣмъ самѣмъ хрѣтѣ црѣви ѥ вѣгъ нашѣмъ (Час.); Припасти ко щедрѣтамъ твоѣмъ ѡ нашихъ грѣсѣхъ ѥ ѡ людскѣхъ неведѣнѣхъ — Молить на коленяхъ милостей Твоихъ о нашихъ грѣсахъ и о человеческомъ неведении (БЛЗ).

ПРИПѢВАТИ (ПРИПѢВАЮ) — воспевать: Животворящей трѣце трѣстѣю пѣснь припѣвающе (Лит. Зл.).

ПРИСВОѢНІЕ — 1: общность, дружба, сродство, οἰκειότηα: Присвоѣнѣ хрѣтѣво ѥдѣ ѡринъвый златѣмъ: — Иуда, ради золота (денегъ) отвергшиѣ близость Христу (Тр. В. Ср. (Маюм)); 2: усвоение, получение: Въ приложѣнѣе бжѣственнаѣ твоѣѣ благодѣти ѥ твоѣгѣо царствѣа присвоѣнѣ (Млв. по Пр.); Дрѣга мѣ бывша врагъ слыхъ ради присвоѣнѣа, ѡ сегѣо мѣ изъавалѣте ... — Меня, ставшего другомъ врагу (т. е. Лукавому) из-за приобретения дурного (дурныхъ вещей), освободите меня отъ него (О., гл. 2, Чтв., К. Ан., п. 1).

ПРИСВОИТИ (ПРИСВОЮ) — сделать своимъ, присоединить: Свѣбѣди ѥ присвоѣи твоѣмъ снѣ ѥ вѣгъ нашѣмъ (О., гл. 4, Пт. нов. КЛБ, п. 4).

ПРИСНЫИ — 1: истинный, γνήσιος: Тртѣхъ присномъ чѣдѣхъ по ѣбщей вѣрѣ (Тит. 1, 4); 2: близкий, родной.

ПРИСНО — всегда, постоянно, ἀεί: Нынѣ ѥ присно ѥ во вѣки вѣкѣмъ

ПРИСТРАСТІЕ — страдание (см.: СТРАСТЬ) Тѣлеснаѣ болѣзни ѥзѣавѣи, ѥ дѣшѣвнагѣо пристрастѣа пѣвцы твоѣ, ѣдинственнаѣ трѣце неразѣльнаѣ (О., гл. 7, нед. утр., К. ПТр, п. 9).

ПРИСТРАШНЫИ — утрашенный, ἔμφωβος: Пристрашнымъ же бѣвшимъ ѥмъ — И когда они бѣхѣи въ страхѣ... (Лк. 24, 5).

ПРИСѢЩІИ — присутствующий, находящийся рядомъ, (отъ пѣрѣци): Молю же, да не присѣщъ дерзѣю надѣанѣмъ ѥмъже помышлѣю смѣти ныкѣ — И прошу, чтобы въ личномъ присутствѣи не прибегнуть мнѣ къ смѣлой решѣтельности, которую думаю употребѣти противъ некоторыхъ (2 Кор. 10, 2); Присѣщѣю во подражѣютъ ѥю, ѥ желѣютъ ѡшѣдшѣа — Еѣ (добродетѣли) подражѣютъ, когда она рядомъ, ѥ желѣютъ еѣ въ еѣ отсутствѣи (Прем. 4, 3).

ПРИТЕКАТИ (ПРИТЕКАЮ), **ПРИТЕЩІИ** (ПРИТЕКЪ) — прибегнуть, обратиться (см. ТЕЩІИ): Надѣждѣ къ тебѣ прѣтекающѣхъ (Вел. К., Ср. п. 2); Всѣмъ ѣусѣрдѣемъ ѥ любовѣю прѣтеклѣ еѣи хрѣтѣ (Вел. К., Ср. п. 2).

ПРИТЧА — 1: уподобление, сравнение, παραβολή, образъ: ѥмъже прѣтча во врѣмѣ настѣѣщее ѣутвердѣсѣ — Она же (перѣвая скинѣя) устанѣвлена

как образ настоящего времени (т.е. до „времен оправдания“ (Евр. 9,9); 2: иносказание, в противоположность прямому выражению, парокси́а: *Сѣ въ прѣтчахъ глаголахъ вамъ: но прѣдетъ часъ, вѣгда ктождѣ въ прѣтчахъ не глаголю вамъ, но ѣвѣ ѿ оца возвѣщѣ вамъ (Ин. 16,25)*; 3: пословица, изречение, парокси́а: Приклоню въ прѣтчѣ оухо мое, ѿвѣрѣ во псалтири гана́не мое (Пс 48,5); Прѣтчи соломона сына дави́дова (Прит 1,1); И изглагола соломонъ три ты́сящи прѣтчей, и быша пѣсни ѣго пѣть ты́сящѣ (3 Цар. 4,32); 2: *уничужит* ходячий предмет обсуждения, сплетен, насмешек: Положилъ ѣси насъ въ прѣтчѣ во ѣзыцѣхъ, покиваню главы въ людехъ (Пс 43,16); И вѣдешн тамо въ гаданіе, и въ прѣтчѣ и повѣсть во всѣхъ ѣзыцѣхъ (Втор. 28,37).

ПРИЧАСТНИКЪ – сообщник, соучастник: Причастникъ ѣзъ ѣснъ всѣмъ вошнымъ тебѣ (Пс 118,63); 2: получающий Святое Причастие.

ПРИЧАЩА́ТСЯ (ПРИЩАЩАЮСЯ) – приобщаться, соучаствовать: И не причащались въ конѣцѣ совѣта ихъ (Утр. стих. 5 гл.); Ты же, ѿ дѣшею моѣ, сѣн не причащались ѣси благодати, за невоздрожаніе (Вел. К. Пнд. п.8); Нескверныхъ твоихъ причащѣсн и пречистыхъ таннѣ (Мла. ко Пр.); 2: принимать Святыя Дары.

ПРИШЕ́ЛЕЦЪ – 1: новообращенный, прозелит, просѣлу́тос: Преходите море и сушу, сотвори́ти еди́наго пришельца – (Книжники и фарисеи), вы обходите море и сушу, чтобы обратить хотя бы одного (Мф. 23,16); • Русск. *пришелец* соотв. *цсл. пришлѣцъ*.

ПРІА́ТНЫЙ – 1: принимаемый, достойный пріятия, угодный, δεχτοῦς: Ни котѣрый прорѣкъ пріатенъ ѣсть во ѣтѣчествіи своемъ (Лк. 4,24); Дара тебѣ пріатна не принесѣхъ когда – Угодного тебе дара я не принес никогда (Вел. К. Вт. п. 1); Радѣйся, принимаемое воскурение молитвы (КАПБ); 2: способный к пріятию, δεχτιχός: Оумъ пріатенъ.

ПРОВОДА́ТИ (ПРОВОДАЮ) – пронзать: Проводаѣшисн въ рѣвра и пригвождаѣшисн вѣдыко рѣкѣми (Утр. Вел. Сб.).

ПРОГНА́ТИ (ПРОГНОЮ) – пройти: Лицы ѣнльстін стопами поитъ чѣрмный и влажнѣю главнѣ прѣгнаше – Сонны израильские сухими стопами Чермное море и водную глубину прошли (К. Пр Г. (Маюм.)).

ПРОЗЕВА́ТИ (ПРОЗЕВАЮ) – 1: растить: Прозева́ли травѣ скотомъ, и слакъ на слакъ чело́вѣкомъ (Пс 103,14); 2: прорасти: Чело́вѣкъ вметѣетъ сѣмя въ зѣмяю, ... и сѣмя проѣваѣетъ и растѣтъ (Мр. 4,26-27).

ПРОЗНЕ́СТИ (ПРОЗНЕСѢ) – принести: Древо гбереть во ѣдемѣ прѣжде прознесѣ, древо же кѣтное сла́дкѣю жизнь процвѣтѣ – Некогда древо (познания) принесло горечь, крестное же древо дало цвет сладостной жизни (О., гл. 8, Ср. утр., сед.).

ПРОЙТИ (ПРОЙДѢ) – произойти: Слава прошѣдшемъ ѣзъ тебѣ – Слава Происшедшему от Тебя (Богор., гл. 1, Отп. Воск.); И зъ не ѣже цвѣтъ пройде хѣтѣсь – Из нее произошел цветок Христос (КС).

ПРОКОПА́ТИ (ПРОКОПАЮ) – проделать отверстие, ѣξορούσθαι: ѿкрыша покрѣвъ ѣдѣже въ, и прокопавше свѣснша ѣдрѣ (Мр. 2,4).

ПРОМЧА́ТСЯ (ПРОМЧѢСЯ) – пронестись: И промчѣсн слово сѣе во ѣдѣехъ да́же до сегѣо днѣ (Мф. 28,15).

ПРОПИСАТИ (ПРОПИША) — прообразовать, предвещать: Премірное воскресеніе прописаше плотью пригвожденнаго хр҃та в҃га — *Надмирное воскресение прообразовав плотью пригвожденного Христа (К. Воздв. (Маюм)).*

ПРОСВѢТИТИ (ПРОСВѢЩІЮ), ПРОСВѢЩАТИ (ПРОСВѢЩАЮ) — 1: освещать, даровать свет: Вѣ свѣтъ истинный ѿже просвѣщаетъ всакаго человека грядущаго въ міръ (Ин. 1,9); Просвѣти, молю, ѡдѣланіе души моеѧ (Сл. Вел. Вм); 2: дать зрение: Слепцы ваша просвѣтихъ — *Слепцам вашим вернул зрение (Утр. (12 Ев)).*

ПРОСВѢЩЕНІЕ — свет, освещение, φωτισμος: Воссѧ вселеннѣй просвѣщеніе истинны твоѧ — *Засветил для вселенной свет истины Твоей (КАИС);* ѿко многосвѣтлое воссѧвлѣши просвѣщеніе — *Ибо Ты затеплила пресветлый свет (КАПБ, ук 11);* ѿ да вѣдѣтъ въ просвѣщеніе на твѣрди небеснѣй ѧко свѣтити по земѧи — *И да будут (светила) давать свет на тверди небесной, чтобы светить земле (Быт. 1,15).*

ПРОСИТИ (ПРОШ) — нуждаться в чем-либо, желать чего-либо, δέωμαι: Радѣиса молчаніа просѧщихъ вѣро — Хаїре, σιγῆς δεομένων πίστις — *Радуйся, вера того (в то), что требует молчания (АПБ, ук 2).*

ПРОСТОТА — искренность, чистота (см. **ПРОСТЫЙ** ἀπλότης: ѿ простотѣ сообщеніа къ нимъ ѿ ко всѧмъ — *И за искреннее участие к ним и ко всем (2 Кор. 9,13);* Пріимѧхъ пишѧ въ радости ѿ въ простотѣ сѣрдца (Деян. 2,46); Тѣи же оумретъ въ силѣ простоты своеѧ, всецѣлъ же, благодѣшествовалъ ѿ благодѣшествовалъ (Иов. 21,23); 2: совершенное единство: Три ѿпостѧси почитати въ простотѣ властѣ — *Три Ипостаси чтить в единстве власти (К. Пят. (ИнД.));* 3: целостъ (ненарушенность), здоровье: Тѣи же оумретъ въ силѣ простоты своеѧ, всецѣлъ же благодѣшествовалъ ѿ благодѣшествовалъ (Иов. 21,23).

ПРОСТРАНСТВО — свобода, облегчение, радость: Спсѣніе ѿ пространство въ скорбехъ (Посл. М.); ѿ скорби призвахъ гдѧ, ѿ оуслыша мѧ въ пространство (Пс. 117,6).

ПРОСТЫЙ — 1: цельный, единый, неделимый на части: Трѣце простѧа нераздѣльна, ѣдиносѣнна, ѿ естество ѣдино, свѣтѣ ѿ свѣтъ, ѿ сѧ трѣи, ѿ ѣдино сѣто поѣтса вѣтъ трѣца (Вел. К., Чт, п.7); Трисѣченный свѣтъ славословимъ ѿ простѧи трѣце нынѣ поклонимса (О. гл. 5 Нед. КЛТр. п.6); 2: открытый, прямой, верный, чистый, ἀπλός: ѿгда оубо ѡко твоѣ прѣсто вѣдетъ, все тѣло твоѣ свѣтло вѣдетъ (Лк. 11,34); Или какъ польза ѧко прѣстѣ творити вѣдѣши пѣтъ твоѣ — *Или что пользы, если идти непорочным путем? (Иов. 22,3);* 3: прямой, стоящий прямо (в значении благоговейно, внимательно) ὀρθός: Премрѣость, прѣсти; оуслышимъ сѣтѣ ѡтгѧа — *Премудрость. [Встанем] прямо, чтобы услышать чтение Св. Евангелия (Лит. Зл.);* Прѣсти пріимше сѣхъ, прѣстѣхъ, бессмертныхъ нѣсныхъ ѿ животворѧщихъ, страшныхъ хр҃товыхъ тѧннѣ, достѣино благодаримъ гдѧ — *Благоговейно приняв Святых, Божественных, Пречистых, бессмертных и животворящих, чудных Тайн Христовых ... (Отп. дней.);* 4: обыкновенный, κοινός: Силы же не прѣсты творѧше вѣтъ рѣкама павловыма — *Бог творил не малые чудеса руками Павла (Деян. 19,11);* Исповѣда тебѣ быти в҃га не нага ѿ человека не прѣста (Стих. Фом. нед.); 5: простолюдин,

незнатный, неучёный (не относящийся к духовному сословию): **Пред⁵** царьни подобаетъ стоати, и не стоати пред⁵ мѣжнн простѣми (*Прит. 22, 29*); **Видаше** же петрово дерзновѣнїе и ѿоанново, и развѣмъше, ꙗкво челоуѣка неknнжна бѣта и прѣста — *Видев смелость Петра и Иоанна и понимая, что они люди неученые и простые ... (Деян. 4, 13).*

Прѣстѡ — прямо, благоговейно, ὀρθῶς, ἀπλῶς: **Прѣстѡ стоащїе** (*О исх. души*).

Прѣтнвнн — 1: враждебный, сопротивный (*тж.* дьявольский): **И ѡ всѣакаго лѣкавствїа прѣтнвнаго мнѣ врага ѿзвѣи мѣ** — *И от всякого зла сопротивного мне врага спаси меня (Млв.); Без напѣсти прѣйтн ѡ всѣакаго зла прѣтнвна — (Ночь) пережить без нападения [со стороны] всяческаго вражескаго зла (Млв.);* 2: противоположный: **Радѣйсѣ, прѣтнвнаѣ вѣ тождѣ собравшаѣ** — *Радуйсѣ, соединившая противоположности в единое (КАПБ).*

Прохлѣднн — отраднн (*от ἀναψύξις* — прохлада, отдых): **Да прѣйдѣтъ времена прохлѣдна ѡ лица гднѣ** — *Да придут времена отрады от Господа (Деян. 3, 20).*

Прѡшенїе — просимое, предмет просьбы: **И дадѣ ѿмѣ прѡшенїе ѿхѣ**, послѣ сътѡсть вѣ дѣши ѿхѣ — *И дал им по просьбам их (просимое ими) насытил души их (Пс. 105, 16).* **Братїамѣ и сродннкомѣ нашнмѣ дарѣнн** ꙗжеко ко спсѣнїю прѡшенїа — *Братьям и родным нашим даруй по их просьбам то, что во спасение (Млв).*

Прѡчѣе — впоследствии, впредь, λοιπόν: **Спнте прѡчѣе и почнвѣйте** — *Спите дальше и отдыхайте (Мк. 14, 41);* **Лѣто живѡтѣ нашѣго, прѡчѣе сохрани невредѣннѡ** — *Время жизни нашей сохрани впредь без вреда (КБО);* **Петръ вопїаше тн ... оубо прнзовѣши ли мѣ прѡчѣе оубчннкѣ бѣтн** — *Петр взывал к Тебе: ... призовеши ли меня впредь в ученики (Твои)? (Сед. по 2-м стих. 5 гл.).*

Прѡшнѣ атнса (**прѡшнѣ аюса**) — распускаться, провѣллов: **Ѳгда прѡшнѣаютсѣ оубжѣ, видаше самн вѣсте**, ꙗкво **вннз⁵** жѣтѡвѣ бѣтъ: — *Когда они (деревья) уже распускаются, то вы, увидев, сами знаете, что уже близко жатва (Лк. 21, 30).*

Прѡмѡ — 1: напротив, перед лицом, ἀπέναντι: **ꙗкво агнець прѡмѡ стрнгущаго ѡгдѡ** — *Как агнец перед лицом стригущего (КАИС);* **Сѣдѣше прѡмѡ грѡба** — *(Мария и Магдалина), сидя перед гробницей (Мф. 27, 61);* 2: против: **Дрѣзнн мой и ѿскреннн мой прѡмѡ мнѣ прнвнлнжншасѣ и стѣша** — *Друзья мои и ближние мои супротив меня приблизились и встали (Пс. 37, 13).*

Пѣстнтн (**пѣщѣ**) — 1: отпустить, освободить, ἀπολύω: **Ѳ сегїѡ ѿскаше пїлатѣ пѣстнтн ѡгдѡ** — *С того времени Пилат искал освободить Его (Ив. 19, 12);* 2: прогнать, дать азвод: **ѿже аще пѣстнтѣ женѣ своѣю, развѣ словесѣ прѣлюбѡдѣнна, и ѡжѣннтсѣ ѿноу, прѣлюбѡы творнть** — *И если кто прогонит жену свою, кроме как по вине прелюбодеяния, и женится на другой, он прелюбодействует (Мф. 19, 9);* 3: разрешить, дозволить (*отсюда маслѡвѣстѣ, сырѡвѣстѣ* — последний день разрешения на мясо и молочную пищу).

Пѣстнн — 1: пустынный, безлюдный, ἔρημος: **Пѣсто бѣтъ мѣсто и чѣсѣ**

оужѣ минѣ — Место здесь пустынное и время уже позднее (Мф. 14, 15); 2: лишенный чего-либо (с род. надежем): Занѣже вѣсь пѣсть и пѣса ѣсть (Млв. к Прич.); Пѣсть оснь плодовъ бл҃гочестивыхъ (Вел. К. Ср., п. 1) • ПѢСТАА ЖЕНА — женщина, не имеющая мужа, или оставленная мужем жена: ꙗко многа чада пѣстыа паче нежели имѣшиа мѣжа — Потому что у оставленной (безмужней) гораздо больше детей, чем у имеющей мужа (Ис. 54, 1).

ПѢНІЕ — 1: песнопение, молитвословие: ПѢНІЕ всѣкое побеждаетса спрострѣтиса тѣщѣеса множествѣ многихъ щедротъ твоихъ (АПБ, конд. 11); ПѢНІЕ всеміренное приносѣ ти недостойный, вопню ти ... (АИСЬ конд. 1); 2: восхваление, хвала: Крѣпость и пѢНІЕ, ѣзъ тебѣ, влѣдичице мѣръ рождѣса — Сила и хвала, Владычица, — Родившиица от Тебя миру (Посл. Погл); 3: пение, хор: ꙗ хоненіа начальникъ левитскій, начальникъ пѢНІИ занѣ разѣменъ бѣ — Я Хоненія, глава левитов, руководитель хоров, ибо он был научен (1 Пар. 15, 22). ПѢТНІ (ПОЮ) — 1: воспевать, славить: Оустнѣ мои ѡверзи, во ѣже пѣтн тѣ, стѣа трѣце (МУ); Ты во всѣ истинный свѣтъ, просвѣщѣааи и ѡсвѣщѣааи всѣческаа, и тѣа поѣтъ всѣа тѣаръ, во вѣки вѣк(овъ), аминъ (МУ); Слышаша пастыриѣ аγγελовъ поющихъ плѣтское хрѣтѣво пришествіе — Услышали пастухи ангелов, воспевающих пришествие Христа во плоти; 2: совершать молигвенное пение: ꙗ воспѣвше, ѣзыдоша въ горѣ ѡлеонскѣ (Мф. 26, 30).

РАВОАЪПНО — как подобает рабу: Терафіми пречѣстѣи со страхомъ равоаѣпно, трѣпостѣсно славатъ вѣжествѣ (О., гл. 1, К. Воскр., п. 8).

РАВОТА — рабство, δουλεία: Не прѣаесте бо дѣа равоаты пѣки въ воаъзнь: но прѣаесте дѣа сыноположеніа — Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы вновь [жить] в страхе: но приняли Духа усыновления ... (Рим. 8, 15); Да ѣзѣвѣши, ꙗже создѣаъ ѣси, ѡ равоаты вражіа — Спаси тех, кого Ты создал от рабства у врага (Час); ѡ срѣдникѣвъ ... продѣса въ равоатѣ слѣдкѣи, во ѡбразѣ гдѣнь — Родными ... продан был в рабство возлюбленный (Иосиф) (Вел. К. Пнд., п. 5)

РАВОТАТИ (РАВОТАЮ) — 1: быть рабом, δουλεύω: Сѣла авраамле ѣсмы, и никомѣже равоатахомъ никомѣже — Мы — потомство Авраамово и никогда ни у кого не были в рабстве (Ин. 8, 33); 2: служить: Равоатайте гдѣви со страхомъ, и радѣйтесѣ ѣмѣ съ трѣпетомъ (Пс. 2, 11); Внегда собратисѣ людемъ вкѣпе, и царѣмъ ѣже равоатаи гдѣви — Когда соберутся вместе народы и цари чтобы служить Господу (Пс. 101, 23).

РАВНОАЪШНЫИ — равный по духу, близкий, ἰσοφυος: Ты же человекѣ равноаѣшне, вѣко мой и знѣвмый мой (Пс. 54, 14).

РАВНЫИ — равнинный: Земляа нагорнаа и равнаа, ѡ дождѣа небѣснагоа нападѣтѣса всегда (Исх. 11, 11).

РАДНІ (предлог одновременно причины и цели, всегда употребляемый в постпозиции) 1: из-за; по причине; в связи с: Стрѣха раднѣ рѣдѣнска ... — По причине страха перед иудеями (Ин. 7, 13); ꙗ настѣви мѣа на стезю правѣю врагѣ моихъ раднѣ (Пс. 26, 12); 2: для: Свѣвота человекѣа раднѣ вѣсть, а не человекѣкъ свѣвоты раднѣ (Мт. 2, 27).

РАДОВАТИСЯ, РАДѢИИСА 1: выражение приветствия (пер. греч. χαῖρε): И воини сплѣтше вѣнѣцъ ѿ тернѣа, возложѣша ѣмъ на главѣ, ... и глаголахъ: радѣиса црѣю іудейскій (Им. 19, 2-3); Іаковъ вѣѣ и гдѣѣ іисъ хртѣ рабѣ, ѡбѣманадесате колѣнома, иже въ расъанѣн, радоватиса (Иак. 1.1) — единственное употребление формулы античного приветствия в апостольских посланиях; в остальных случаях — Благодать вамъ и миръ; 2: радоваться: а дрѣгъ жениховъ столъ и послѣшаа ѡгѣ, радостію радѣетса за гласъ жениховъ (Им. 3, 29).

РАЗВРАТИТИСЯ (РАЗВРАЩЕИСА) — совратиться, отступить: се во нѣкѣа развратѣшаса въ слѣдъ сатаны (1 Тим. 5.15); ѡретикѣа человекѣа ... ѡрицаѣиса, вѣдѣѣѣ іакоу развратѣса такоуѣѣѣ (Тит. 3, 11).

РАЗВРАТЪ — скопление, толпа, ἐπισύστασις: И ни въ цѣркѣѣ ѡбрѣтѣоша мѣа къ комѣ глаголюща, илѣи развратъ творѣща нарѣдѣ — Ни в святилище не находили меня спорящим с кем или собирающим (возмущающим) толпу (Деян. 24, 12).

РАЗВРАЩЕНЫИ — превратный, δεστροαμένη: И ѿ васъ самѣхъ востанѣтъ нѣжѣе глаголющѣи развращѣннаа, ѡже ѡторгати оученики въ слѣдъ себѣ — И из вас самих востанут люди, говорящие превратные [вещи], чтобы отторгнуть вслед за собой учеников (Деян. 20.30); ѿ рѣде невѣрнѣѣѣ и развращѣннѣѣѣ (Лк. 9.41).

РАЗВЕѢ — кроме, только: Иже аще женѣ свою развѣе словесѣе любодѣѣннаго — Если кто даст развод жене своей, кроме как по вине любодѣяннѣа... (Мф. 19, 9); Ты во ѡсѣѣ вѣѣ нашѣ, развѣе тебѣ инаго не знаѣмъ — Ибо Ты — Богъ наш, не знаѣмъ другого, кроме Тебѣа (Посл. Пасхи).

РАЗГНЕВАТИ (РАЗГНЕВАЮ), РАЗГНЕТИ (РАЗГНЕѢ) — открывать, διανοίγω: Книгамъ разгнѣавнымъ ... — Когда книги раскроются... (Вел. пов).

РАЗДРАЖАТИ (РАЗДРАЖАЮ), РАЗДРАЖИТИ (РАЗДРАЖѢ) — возбудить ревность, παραζηλάω: Какѣоу раздражѣ мою плѣтъ, и спасѣ нѣкѣа ѿ нихъ — Не возбужу ли ревность в сродных моих по плоти, и не спасу ли некоторых из них? (Рим. 11, 4).

РАЗМЫСЛИТИ (РАЗМЫСЛЮ) — передумать, раскаяться: И речѣ вѣѣ: потрѣвлѣю человекѣа, ѡгѣже сотвори хъ ... занѣ размысли хъ, іакоу сотвори хъ ѿ (Быт. 6, 7).

РАЗМЫШЛѢНИЕ — сомнение, несогласие, διαλογισμός: Воздѣюще преподавеныма рѣки безъ гнѣва и размышленѣа — Воздевая святыѣе руки безъ гнева и сомнения (1 Тим. 2, 8); Вся творѣте вѣсѣ роптанѣа и размышленѣа — Все делайте безъ ропота и сомнений (Филип. 2, 14).

РАЗРЕШИТИ (РАЗРЕШАЮ), РАЗРЕШИТИ (РАЗРЕШѢ) — 1: развязать, λύω: Разрѣшити ремѣнь сапогъ ѡгѣ (Мр. 1, 7); 2: отпустить, освободить, λύω: И ѡже аще разрѣшиши на землѣ, вѣдѣтъ разрѣшѣно на небѣсахъ — И то что ты отпустиши на земле, отпустится на небесах (Мф. 16, 19).

РАЗРЕШИТИСЯ (РАЗРЕШЕИСА), РАЗРЕШИТИСЯ (РАЗРЕШАЮСЯ) — уйти из жизни, ἀναλύω: Желанѣе имѣѣѣ разрѣшитиса и со хртѣомъ вѣѣѣѣ, мнѣѣѣѣ пачѣ лѣѣше — Имею желание разрешиться и умереть со Христом, ибо это несравненно лучше (Филип. 1, 23).

РАЗСЪДИТИ — истолковать: Сѣнъ видѣхомъ, и расъсѣдѣаѣѣ ѡгѣ нѣсть (Быт.

40, 8).

РАЗЪМНЫЙ — 1: понятный, известный, γνωσθήτος: Кротость ваша разъмна да бѣдетъ всѣмъ челоуѣкомъ — *Ваша кротость пусть будетъ известна среди всехъ людей (Филип. 4,5)*; Сѣ же вѣсть разъмно всѣмъ живѣщимъ во ѳѳесѣ — *Пусть же будетъ это известно всемъ жителямъ ѳфеса (Деян. 19,7)*; 2: познаваемый, γνωστός: Занѣ, разънное вѣже, γὰρ ἐστὶν въ нѣхъ: — *Ибо то, что познаваемо у Бога, явлено им (Рим. 1,19)*; 3: способный понимать, наученный: Даниѣль разъмень вѣсть во всѣмъ видѣнїи и сонѣхъ — *Даниил умелъ понимать всякое видение и сон (Дан. 1,17)*; И хшоненѣ, ... начѣльнїкъ пѣнїи, занѣ разъмень вѣ (1 Пар. 15,22); невещественный, невидимый, νοητός (сином. оуѣмный, словѣсный): Не вѣдїмѣл нѣсѣ, но разъмѣл; 5: созерцательный, в противоположность деятельному (см. рѣзъмъ, 3): Лѣстница ... оуказанїе ѳсть ... дѣлѣтельного восхожденїа, разъмнаго возшествїа (Вел.К., Пнд., п.4) • **ДРЕВО РАЗЪМНОЕ** — дерево познания добра и зла: Крѣтъ за древо разънное ... прїѣмъ ѳсѣи — *Ты принялъ Крест ... из-за [оукушения] отъ древа познания (Кан. гл. 5)*.

РѢЗЪМЪ — 1: познание, понимание, смысл, γνώσις, ἐπίγνωσις: рѣзъмъ недоразъмѣваемый разъмѣти двѣ ищущїи (γνώσιν ἄγνωστον γυνῶναι) — *Непознаваемое знание познать желая, Дева ... (АПБ, ук. 2)*; рѣжтѣ твоѣ хрѣтѣ вѣже нашъ возснѣл мїрови свѣтъ рѣзъмѣ — *Рождество Твое, Христе Боже наш, зажгло для мира свет познания (Троп. Рожд.)*; Дѣти рѣзъмъ спсѣнїа людемъ ѳгѣо — *Подать знание о спасенїи народу Егѣо (Рожд.Предт.)*; 2: ум, дух, διανοΐα: Млѣтва пророчїицы дрѣвле ѣнны ... къ силнонѣ и вѣрѣ рѣзъмѣвъ ... — *Молитва пророчїицы Анны в древности ... Богу сил и духов ... (К.Пятїд.)*; 3: разумение, внутреннее знание, γνώσις: рѣзъмѣ, премѣдрнхъ превосхождѣмѣ рѣзъмъ (АПБ); И свѣтъ твоѣ, гдѣи знаменасѣ на насъ, въ рѣзъмѣ поющїхъ тѣ (Конд. Богоявл) • **РѢЗЪМЪ ВЪ ЗРѢНїИ** — созерцание: Женѣ ми двѣ рѣзъмѣти, дѣлѣнїе же и рѣзъмъ въ зрѣнїи лїю оуѣво дѣлѣнїе ѣкѣо многочѣднїю: рахїль же рѣзъмъ, ѣкѣо многотрѣднїю — *В двухъ женахъ же понимай деятельную и созерцательную [любовь], в Лїи — многодетной — деяние, в Рахили — многострадальной — созерцание (Вел.К.)*; 4: совет, γνώμη: Моѣ прѣмѣти прїѣмшїи рѣзъмъ смїїнѣ, пнщїи вѣжтвеннѣи изгнѣна вѣсть — *Моя прѣматеръ, принявъ советъ змїа, изгнана была отъ божественнаго наслажденїа (К.Бл.Б. (Ив.Д.))*.

РАЗШНОРѢТІСА (РАЗШНОРѢСА) — обольститься: И ѳдѣїи и насѣтївсѣ, внемѣи себѣ, да не разшнорѣтсѣ сѣрдѣце твоѣ, и прѣстѣпїте, и послабїте боуѣомъ иныѣмъ (Втор. 11,16).

РѢНА — болѣзнь, μάστιγος. Русск. „рана“ соответствует цсл. ἰδῶν (см.): И вѣдїи цѣлѣѣ ѳ рѣны твоѣѣл (Мр. 5,34); Не прїблѣнїтсѣ къ тебѣ слѣѣ и рѣна не прїблѣнїтсѣ тѣлѣснїи твоѣѣл (Лс. 90,10).

РАСКѢАТІСА (РАСКѢАСА) — 1: взять назад, передумать: Кмѣтсѣ гдѣ, и не раскѣетсѣ (Лс. 109,4); И вѣдѣ вѣрѣ дѣлѣѣ ихъ ... и раскѣасѣ вѣрѣ ѳ слѣѣ ѳже глѣблѣше сотворїти иѣмъ, и не сотворїи (Иона 3,10); Да не когдѣ раскѣютсѣ людїе, вѣдѣвшѣе рѣтъ, и возвратѣтсѣ во ѳгѣпѣтъ — *Чтобы народъ, увидев*

воинство, не передумал и не вернулся в Египет (Исх. 13,17); 2: сокрушаться, раскаиваться: Тогда видѣвъ ꙗ́дѣ преда́выи ѿго, ꙗ́ко ѿсѣдиша ѿго, раскѣльса возврати тридесать сребреники ... (Мф. 27,3).

РАСТВОРѢНІЕ – смешение, ἀνάχρασις: Какъ вѣжествѣ растворѣніе ѿтество чело́вѣческое претѣрпнѣ – Какъ чело́вѣческое естество вынесет смешеніес Божествомъ (К.Бл.Б. (Ф. и Ин.Д.).

РАСТВОРѢТИ (РАСТВОРИ) – 1: сотворить, создать: Бѣню вѣжественнѣю пакнѣйтѣа́ словомъ растворѣвъ – Бѣню вѣжественнѣю пакнѣйтѣа́ словомъ растворѣвъ – Божественное омовение воскресения сотворив словом... (К.Пят (Ин.Д.)); Но вѣтъ растворѣ тѣло, хѣдѣйшемъ вѣльшѣ дѣвъ чѣсть – Но Богъ соразмерил тело, для низшего предусмотрев большее внимание (τιμή) (1 Кор. 12,24); 2: примешать: (дѣвъ) оубѣнствѣ же любадыство растворѣвъ, пока́ннѣ свѣтвое показа́ ѡбѣе – [Давид] примешав к любодѣяннѣю убийство, сризу же явил двойное покаяннѣ (Вел.К. Пн 7).

РАСТЕСА́ТИ (РАСТЕШѢ) – рассекать, отсека́ть голову: Дѣши растѣсаныхъ за свидѣтельство ꙗ́сво (Откр. 20,4).

РАСТО́РГНУТИ (РАСТО́РГНУ) – разорвать: ꙗ́ расто́ргните сердца́ вѣша, а не рѣзы вѣша (Иоиль 2,12).

РВѢНІЕ – раздор, ревность, соревнование: ꙗ́дѣже во вѣтъ вѣсъ зависти ꙗ́ рвѣннѣ ꙗ́ распри, не плѣтстѣи ми ѿсте – Ибо если среди вас зависть и соревнование, и раздоры, не плотские ли вы? (1 Кор.3,3); ꙗ́дѣже во зависти ꙗ́ рвѣннѣ, тѣ нестроѣннѣ ꙗ́ всѣа́а слѣ вѣщѣ – Ибо где зависть и раздор, там неустройство и все худое (Иак 3,16).

РѢЗА – одежда, ἑσθήσις, верхнее платье, плащ, ἱμάτιον: Мѣжа двѣ предъ нимнѣ вѣтъ рѣзахъ влещѣшнхса (Лк. 24,4); ꙗ́ превобразиса предъ нимнѣ, ꙗ́ просвѣтиса лице ѿгѣо ꙗ́ко солнце, рѣзы же ѿгѣо вѣша вѣлаы ꙗ́ко свѣтъ (Мф. 17,2); ѡдѣлѣлса свѣтомъ ꙗ́ко рѣзою (Пс. 103,2); ѡскверннхъ плѣти моеѣ рѣзѣ ꙗ́ ѡкалѣхъ ѿже по ѡбразѣ стѣе ꙗ́ по подобію – Я осквернил одежду плоти моей (т.е. плѣть как одежду) и замарал то, что по образу Твоему, Спаситель, и по подобію (Вел.К., Пд., п. 1); 2: облачение священнослужителя; 3: оклад иконы.

РОДСТВО – 1: происхождение, генеалогия, γένεσις: Кни́га родствѣ ꙗ́св хрѣта; 2: ад, геена (смешение γένεσις (евр. „мука“) и γενεά (греч. „род“): ꙗ́ ѡгненнаго родствѣ ꙗ́змѣннѣтъ мѣ – И избавит меня от геены огненной (КНП).

РОЖДЕСТВО – 1: Рождество Спасителя, γένεσις: Рѣжтѣво твоѣ хрѣте вѣже нашѣ възстѣ мѣровн свѣтъ рѣзѣма (Трон. Рожд); 2: рождение: ꙗ́ мнѣмѣдѣи видѣ чело́вѣка слѣпа ѡ рождества – И, проходя мимо, увидел человека, слепого от рождения (Ин. 9,1); 3: дитя (то, что рождено): Мѣртвѣмъ воспѣннѣ нѣнѣ даровѣса, твоѣмъ несказаннымъ ꙗ́ неизреченнымъ рѣжтѣомъ, вѣце всечѣта – Нынѣ даровано воскресение умершим, Всечистая Богородица, непостижимо и неизреченно Рожденнымъ от Тебя (Св. 6); Ты же чѣта красѣнса, вѣце, ѡ възтаннѣ рождества твоѣгѣо – Ты же ликуй, Чистая Богородица, воскресеннѣю Рожденнаго Тобой (К. Пасх., п. 9, урм.).

РОЗГА (мн. ч. рѣжѣе) – ветвь, κλάμα: Прострѣ рѣзги ѿгѣо до мѣра, ꙗ́

даже до рѣкъ ѿтрасли ѿгѣо (Ис 8,12); ѿзъ ѿсьмъ лозѣ, вы (же) рѣждѣ (Ис 15,5).

РѢГѢТИСА (РѢГѢЮСА) — глумиться, надругаться: ѿ поклѣншеса на колѣнѣ предъ нимъ, рѢгѢхъса ѿмъ (Мф. 27,29); Да не, когда положитъ основаніе, и не возмѣжетъ совершити, вси видѣшии начинѣтъ рѢгѢтиса ѿмъ — *Чтобы, когда заложит он основание и не сможет довершить, не стали все, кто видят, насмехаться над ним (Лк. 14,29).*

РѢГѢТЕЛЬ — насмешник, обманщик, наглец, ἐπιλαίητης: ꙗко прїидѣтъ въ послѣдніи дни рѢгѢтеле, по своѣхъ пѣхотехъ ходѣще, — *Ибо в последние дни явятся наглецы, поступающие по собственным желаніям (2 Петр. 3,3).*

РѢКОПИСАНІЕ — запись, долговая расписка, χειρόγραφον: рѢкописаніе наше на крестѣ растерзѣлъ ѿси гдѣи (Утр. (12 Ев)); рѢкописаніе грѣхъ нашихъ растерзѣвый — *Долговую запись грехов наших разорвавший (Вас. Вел. Час).*

РѢЧКА — сосуд, οἶνον (сосуд с манной, хранившийся в Ковчеге Завета вместе с жезлом Аароновым и Скрижалями Завета (См. Ис. 16, 42-44)). Одно из именований Пресв. Богородицы: Маннопрїемная рѢчка, тѣ вѣе, иногда прообразы, хѣтѣ ко носила ѿси, маннѣ рѣзѣма ѿдождѣвшѣго, всѣмъ чтѣшымъ тѣ — *Сосуд с манной некогда прообразовал Тебя, Богородица, ибо Ты носила в Себе Христа, пославшего с неба манну познания всем, кто чтит Тебя (О., гл. 8, от утр., К., п. 6); Ѡблакъ и рѣи, и двѣри тѣ свѣта: трапѣзѣ, и рѣно вѣмы, рѢчкѣ внѣтрѣ маннѣ носѣщѣ (О. гл. 1, Пт., К. ПБ, п. 5); Рѣдѣса, вѣжественная и маннопрїемная рѢчка (О., К. мол. ПБ, п. 8).*

РѢКОЛТИЕ — 1: что можно захватить рукой: рѢколтїе во снрыхъ разграбнша — *Ибо они разграбили имущество сирот (Иов 24,19); 2: сноп: хѣждѣхъ и плакахъса, метѣюще сѣмена своѣ: градѣще же прїидѣтъ радостїю вѣзѣмюще рѢколти своѣ — Ходили и плакали, сея семена свои, придут же с радостью, собирая снопы свои (Ис 125,6); Повелѣ во градѣшїи дѣнь изъовѣннѣ накормити слоны рѢколтѣми лїванскими — Приказал на следующий день накормить в изобилии слонов пригоршнями ладана (3 Мак 5,1).*

РѢЧЬ — 1: изречение, проречение: рѢчи прорѣковъ и гаданїа ... — *Изречения пророков и загадочные образы (К. У. П. Б. (Маюм.)); 2: вина, обвинение, κατηγορία: Кѣо рѢчь принѣсите на человека сего — Какое обвинение вы приносите на Человека Сего? (Ис 18,29); 3: судебное дело, тяжба (ср. СЛОВО): ѿ рѢчь ѿже ѿще жестока вѣдетъ оу васъ донесетѣ ю ко мнѣ, и оуслышъ ю — И трудное судебное дело, которое будет у вас, несите мне, и я его выслушаю (Втор. 1,17).*

РѢШИТЕЛЬНЫЙ — освобождающий (с.м. РѢШИТИ) с Род. п.: Тѣло, нашихъ прегрешенїи рѢшительное: — *Тело (Христово) освобождающее от наших прегрешенїи (Трип. В. П. (Маюм.)); рѢшительное ѿчищенїе грѣховъ, ѿгнедѣновеннѣо прїимїте дѣа росѣ — Освобождающее очищенїе грехов, примите росу Духа огнедышущую (К. Пят. (Ис. Д.)).*

РѢШИТИ (РѢШѢ), РѢШАТИ (РѢШАЮ) — освободить: Но рѢшиши ѿ стѣгѣи человека, стѣгѣмъ вѣвъ стѣгѣ — *Но освобождаешь человека от*

страстей, сделавшись для страстей страстью (Св. 6).

САДОВНЫЙ – древесный, относящийся к растению: Воззрѣвъ на красотѣ садовнѣю прельстихса азъ ...

САДЪ – 1: растение, φυτόν: Всякъ садъ, ѿбоже не насади оцъ мой невѣсный, изкоренитса (Мф. 15,13); 2: дерево, ξύλον: Мѣртва мѣ показѣ сада вкѣшенне – Смерткъымъ сделало меня вкушение от древа (познания) (К. Воскр. гл.6). • русск. «садъ» соотв. цсл. ВЕРТОГРАДЪ.

САМОВЫТНЫЙ – имеющий в себе причину своего бытия, αὐτόματος: Существо ѿсть вещь самовытна, не трѣба ѿнаго къ своему составленію (Пс. Изл. о вере).

САМОВИДЕЦЪ – очевидец, αὐτόπτης: ѿже самовидцы ѿ слѣги (Вел. пов.).

САМОВОЛЬНЫЙ – добровольный: Свѣщеніе непорочно самовольнѣ тебѣ привелъ вси ѿже ѿ дѣвы тебѣ ради родитса хотѣшемъ, спсе?? вѣнценосче, премудре вонифатіе – Святой венценосец, премудрый Вонифатій! Ты добровольно посвятил себя на непорочное служение Тому, Кто ради тебя пожелал родиться от Девы (Конд. св. Вонифатию).

САПОГЪ – обувь, сандалий, ὑπόδημα: Нѣсмъ азъ достинѣ, да ѿрѣшъ ремень сапогъ ѿгю (Ин. 1,27).

СВѢТІЕ – 1: последствие: Знаменіа ѿ чѣдеса проразмѣваетъ, ѿ свѣтіа времени ѿ лѣтъ (Прем. 8,8); 2: исполнение: Людіе же вѣи стїи, ѿобразовъ свѣтіе зрѣше веселимса ... – А мы, Божий святой народ, увидев исполнение прообразов, радуемся (К. Пасх. п. 4).

СВИДѢНІЕ – 1: откровение, свидетельство, μαρτύριον: Свидѣніе во Іосифъ положи ѿ (Пс. 80,6); 2: завет: СКУНІА СВИДѢНІА, КОВЧЕГЪ СВИДѢНІА, СКРИЖАЛИ СВИДѢНІА Положи ю (стѣмнѣ златѣю) ѿрѣшъ предъ свидѣніемъ въ соблюденіе (Исх. 16,34).

СВѢЩЕНІЕ – 1: святыня, ἁγίασμα: Горѣ стѣа, прѣвственное свѣщеніе. ѿ чертогъ безсмертіа – Гора святая, пресветлая святыня и чертогъ бессмертіа (К. Бл. Б.); 2: служение: Свѣщеніе непорочно самовольнѣ, тебѣ привелъ вси (Конд. св. Вонифатию) перевод см. САМОВОЛЬНЫЙ.

СВѢЩА – светильник, λαμπάς: Бѣхъ же свѣщы мнози въ горницѣ (Деян. 20,8).

СЕЛЕНІЕ – жилище, дом, οἶκος: Въ сѣлнцѣ положи селеніе свое (Пс. 85,5).

СЕЛО – поле, ἀγρός: ѿ ѿже на селѣ, да не возвратитса вспѣтъ взѣти ризъ своихъ (Мф. 24,18); ѿ вѣгоплоднаа тоа ложесна, ѿкакъ село показѣ сладкое, всѣмъ хотѣшымъ жѣти спсѣніе – И явилъ Ее благоплодныя ложесна какъ сладостную ниву всемъ, кто будетъ жѣть спасеніе (КАПБ).

СѢЛЬНЫЙ, СѢЛНЫЙ – полевой, дикий, ἄγριος: Смотрите крїнь сѣльныхъ, какъ растѣтъ (Мф. 6,28).

СЕРДЦЕ – 1: сердцевина, глубина, καρδία: Такъ вѣдетъ ѿ снѣ человѣчскїи въ сердца земли ... (Мф. 12,40); 2: сердцевина, центр всей внутренней жизни человека, καρδία (в отл. от совр. сердце как центр по преимуществу эмоциональной жизни) (сн. ОУТРОБА): ѿкѣ азъ ѿсмъ испыталъ сердца ѿ оутрѣби (Откр. 2,23); ѿкѣ ты единъ токѣмо вси всѣхъ сердца сынѣвъ человѣчскихъ (3 Цар. 8,39); ѿ не даде гдѣ вѣгъ вамъ сердца развѣсти, ѿ очесъ видѣти ѿ оушесъ слышати (Втор. 29,4); ѿ истѣрнѣ каменное сердце ѿ плѣти ѿхъ ѿ дамъ ѿмъ сердце плѣтанныхъ (2

Кор. 3,3); Блаженн чистин сердцемъ: яко тин вѣга оузрагъ (Мф. 5,8); • Ср. аскетический термин **ХРАНЕНІЕ СЕРДЦА**; • **ОЧН СЕРДЦА** – внутреннее, духовное зрение: Дастъ вамъ просвѣщенна очеса сердца вѣшего (Еф. 1,18); **ПОМЫШЛЯТИ ВЪ СЕРДЦѢ, РЕШИТИ ВЪ СЕРДЦѢ** – решить, подумать про себя: Рече безъименъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть вѣгъ (Лк. 13,1); • **ПРАВЫЙ СЕРДЦЕМЪ** – праведник.

СИЛА – сила, δύναμις: Самымъ же званымъ, идеемъ же и ѿлиномъ, хрѣта, вѣю силу и вѣю мудрость (1 Кор. 1,24); 2: значение, смысл, δύναμις: аще оубо не оувѣмъ силы гласа, вѣдѣ глаголющемъ иноязычникомъ – Если же я не пойму смысла слов, буду для говорящего как иноязычный (1 Кор. 14,11); 3: **объясно мн.ч. СИЛЫ** – чудеса, δύναμις: Тогда начатъ гисъ поношати градомъ, въ нѣхже быша множайшыя силы ѿгѡ, зане не покашеса (Мф. 11,20); И не сотвори тѣ силы мнози (Мф. 11,20); 4: **ВОЙСКО**: И ѡпастн всѣ вѡн свои коеждо въ мѣсто свое, кромѣ чѣждыхъ силъ, нѣхже собра ѡ островѣхъ языческихъ (1 Мак. 11,38); 5: **СИЛЫ, СИЛЫ НЕБЕСНЫЯ, СИЛЫ ОУМНЫЯ** – ангельские чины: Хвалите ѿгѡ вси аггли ѿгѡ, хвалите ѿгѡ всѣ силы ѿгѡ (Пс. 148,2).

СКАЗАНІЕ – истолкование, ἐρμηνεία: Иномъ же родѣ и ѡзыкомъ, дрѣгомъ же сказаніѡмъ ѡзыкомъ – Иному (дан дар) различнымъ языкомъ, другому – истолкование языкомъ (1 Кор. 12,10).

СКАЗАНТЕЛЪ – истолкователь, διερμηνευτής: аще ли не вѣдетъ сказантель, да молчитъ въ цркви – Если не найдется истолкователя, пусть молчитъ в собрании (1 Кор. 14,28).

СКАЗЫВАТИ (СКАЗЮ) – толковать, διερμηνεύω: Глаголай ѡзыкомъ, да молитса, да скажетъ – Говорящий (иными) языками, пусть проситъ об истолковании (1 Кор. 14,13).

СКОНЧАНІЕ – 1: исправление, исполнение, καταρτίσις: Мѣчонникъ вѣжественный ликъ, цркви ѡснованіе, вѣговѣстію скончаніе – Божественный соборъ мучениковъ, основание Церкви, исполнение благовѣстия (Отх. всемъ Св. гл. 6); 2: конецъ, τελευτή, συντέλεια: И се ѡзъ съ вами до скончаніѡ вѣка (Мф. 28,20).

СКОНЧАТИ (СКОНЧАЮ) – исполнить, совершить: Быша прѣданы вѣгодати вѣжей въ дѣло, ѿже скончаша (Деян. 14,26); Прѣчее время животѡ нашего въ мнрѣ и поканін скончати – Оставшееся время нашей жизни совершить в мире и покании (Просит.ект).

СКОНЧАТИСА (СКОНЧАЮСА) – 1: совершаться: Бѣгъ во хотѣщѣ, оудѡвѣ скончאותса и преславна – Если Богъ захочетъ, и самое необыкновенное совершится благополучно (К.Бл.Б.); 2: исполниться, сбыться; πληρωθῆναι: Подвѣетъ скончатица всѣмъ написаннымъ въ законѣ моисѡевѣ и прорѡцѣхъ и ѡамлѣхъ (Лк. 24,44).

Продолжение следует.

Оригинал-макет этого материала изготовлен в Синодальной библиотеке Московского Патриархата.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Гуситское движение в освещении современников. Источники и материалы для практических занятий / Составитель и переводчик проф. Л. П. Лаптева. М., 1992. 96 С.

Книга, технически отвратительно изданная Издательством Московского университета, снабженная прагматическим подзаголовком «Источники и материалы для практических занятий», что априори снижает значимость публикации, дезориентирующая читателя отсутствием оглавления, представляет собой в действительности ценнейшее для отечественной науки издание источников первостепенной важности по истории гуситского движения. В книге содержатся переводы трех сочинений XV в. Два из них — «Донесение о магистре Яне Гусе в Констанце» и «Повествование о магистре Иерониме Пражском, сожженном в Констанце» — принадлежат Петру из Младонёвиц и являются основными источниками сведений об осуждении на Констанцском соборе и казни лидеров чешской реформации, написанными участником событий. Заключительная часть «Донесения о Гусе» стала основой службы Я. Гусу, канонизированному гуситской церковью. Этот источник на русском языке ранее публиковался лишь частично; предлагаемый перевод представляет «Донесение» в несколько сокращенном по сравнению с оригиналом виде, сохраняя, однако, корпус основных сведений. Второе сочинение впервые переведено на русский язык, также как и «Прекрасная хроника о Яне Жижке», публикуемая в рецензируемом издании. Она представляет собой первую краткую беллетризованную биографию знаменитого гуситского полководца. Дополнительная ценность публикуемых источников состоит в том, что они позволяют исследовать не только предмет повествования, т. е. ход гуситского движения, но и отражение его в сознании современников, дают возможность реконструировать политические, религиозные, социальные, этнические и этические аспекты сознания людей XV в. Поэтому значение публикации далеко выходит за рамки учебного пособия для студентов, давая в руки широкого круга

отечественных медиевистов аутентичный материал большой значимости.

При переводе были учтены все имеющиеся редакции публикуемых сочинений. В ходе переводческой работы Л. П. Лаптевой удалось счастливо избежать как архаизации, так и модернизации лексики и грамматических структур, т. е. удачно решить основную проблему, встающую перед переводчиком средневековых текстов.

Переводам источников предпослано введение, где дается краткая, но информативная характеристика публикуемых памятников. При этом Л. П. Лаптева основывается на материалах своей книги, посвященной источникам по истории феодальной Чехии [1]. Во введении также кратко охарактеризовано гуситское движение, его этапы и их особенности. Автор суммарно излагает свою точку зрения на гуситское движение, подробно освещенную в ее предшествующей работе по гусизму [2]. Поскольку позиция автора не претерпела изменений, то нет нужды вновь приводить те соображения, замечания и полемические рассуждения, которые были высказаны мной в рецензии на эту книгу [3]. Хочется лишь отметить, что спорность применения термина «революция» к гуситскому движению потеряла свою актуальность в связи с общеметодологической неясностью этой дефиниции и неразработанностью общей теории революций в мировой историографии, поскольку решение данной проблемы оказывается в прямой зависимости от политическо-идеологических взглядов историков. Также необходимо отметить, что отстаиваемый Л. П. Лаптевой социально-экономический детерминизм в объяснении сущности гусизма значительно редуцирует религиозно-идеологический фактор. Это отодвигает на второй план эсхатологическую ориентированность радикальных течений в гусизме. Однако «различные программы изменения феодального строя вплоть до полной его ликвидации» (С. 6) именно в этой своей ради-

кальности были всецело эсхатологичны и основывались на хилиазме. Практическая деятельность крупных вождей гусизма была более прагматична, что доказывает публикуемое жизнеописание Жижки.

Л. П. Лаптева дает краткие характеристики основным протагонистам гусизма — героям публикуемых источников. В них сконцентрированы важнейшие биографические сведения о них и оценка их деятельности. В отношении Иеронима Пражского, как представляется, следовало бы указать на то, что он являл собой новый тип свободного интеллигента (не клирика, как большинство идеологов гусизма), причем националиста, отставившего концепцию богоизбранности чешского народа, его религиозной исключительности как народа-богоносца («святой народ», который не может заблудиться), концепцию, столь хорошо знакомую русскому читателю на материале истории собственной страны, обладающую способностью к исторической регенерации, подтверждение чему мы наблюдаем в отечественной публицистике так называемого патриотического направления.

С точки зрения истории философии неадекватны оценки, даваемые средневековым философско-теологическим течениям номинализма и реализма. Суть их спора носила онтологический характер и не сводилась к «праву на критику церковных догматов» у реалистов (С. 12), поскольку с таковой на протяжении нескольких веков выступали представители обоих течений. Очевидно, Л. П. Лаптева имеет в виду то обстоятельство, что во второй половине XIV в. именно реализм в лице англичанина Д. Виклефа стал питательной философской

средой для раннереформационных идей, и чехи-реформаторы придерживались именно этой философской школы. Однако для развития философии номинализм, представленный такими именами, как Дунс Скотт и Уильям Оккам, являлся более значимым, чем реализм.

В приложениях к книге помещены словарики персоналий, специальных терминов и историко-географических названий, сжато поясняющие встречающиеся в тексте реалии. Это чрезвычайно полезно не только для читателя-студента, так как приводимая фактическая информация очень точна, поэтому ее использование поможет избежать ошибок, иногда встречающихся в различного рода текстах, выходящих не из-под пера специалистов по средневековой Чехии. Лишь одно уточнение: в Священную Римскую империю входила не «часть Чехии и Моравии» (С. 91), а все Чешское королевство.

В целом, публикация Л. П. Лаптевой вносит весомый вклад в отечественную медиевистику, делая достоянием широких кругов ученых важнейшие сведения об одном из существенных эпизодов мировой истории XV в. — гуситском движении.

Мельников Г. П.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лаптева Л. П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 г.). М., 1985.
2. Лаптева Л. П. Гуситское движение в Чехии XV в. Учебно-методическое пособие. М., 1990.
3. Мельников Г. П. Рец. на: Л. П. Лаптева. Гуситское движение в Чехии XV в. // Славяноведение. 1992. № 2.

J. DŽAMBO. Die Franziskaner im mittelalterlichen Bosnien. Werl/Westfalen, 1991. 256 S. (Franziskanische Forschungen. 35. Heft)

Й. ДЖАМБО. Францисканцы в средневековой Боснии

Германский ученый, босниец по происхождению, Й. Джамбо написал книгу о деятельности в Боснии монашеского ордена францисканцев, или миноритов — «меньших братьев». Боснийцев-католиков всегда было немало, Й. Джамбо взялся за анализ истоков этого явления.

Автор мог опереться на литературу, не особенно, впрочем, обширную, но достаточно авторитетную — труды В. Батинича, Ю. Еленича конца XIX — начала XX в. и нашего современника,

францисканца Д. Мандича. Солидное впечатление производит список использованных источников, хотя автор отмечает, что хроник, написанных самими орденовыми братьями, среди них немного, а монастырские анналы не старше XVII в. (С. 14). С первых же страниц автор открывает читателю проблематику своей работы: как и когда францисканцы появляются в стране? Какая связь существует между ними и политическими структурами того времени? Как решила римская курия задачу

создания местного, боснийского клира? Есть ли связь между бурным экономическим подъемом Боснии в XIV—XV вв. и деятельностью ордена? Как соотносится между собой деятельность миноритов в Боснии и в других странах? Структура книги строго подчинена этой четкой постановке задач.

Глава 2 — «Босния в средние века: государство и церковь», образует фон дальнейшего рассмотрения. Она посвящена характеристике не одного внутреннего развития, но и отношениям с Римом, Венгрией и Дубровником и, конечно, положению в боснийской церкви перед появлением миноритов. Разумеется, здесь автору следовало поставить вопрос о природе так называемой «боснийской (босанской) церкви». Он и не уклонился от этого, хотя не мог вдаваться в его окончательное решение: это не входило в его задачу. Он лишь указал, что источники отечественного происхождения позволяют характеризовать «босанскую церковь» не как еретическую, а как «традиционалистскую», опирающуюся на устойчивые местные традиции (S. 54).

3-ю главу автор посвятил начальному этапу деятельности ордена в стране. Известно, что Франциск Ассизский около 1212 г. посетил Далмацию и через несколько лет (между 1222 и 1239 гг.: мнения расходятся) его первые последователи появились *in partibus Sclaviniae* — по мысли Джамбо, это был весь далматинско-хорватский субрегион. Далматинские города на время останутся основной зоной их деятельности. Контакты же с Боснией относятся к 40-м годам XIII в. На протяжении полувека Босния находилась как бы на периферии францисканского движения в Европе и только 1291 год может считаться датой их официального расселения в стране (к сожалению, неизвестно, в каких пределах). Так Й. Джамбо устанавливает нижнюю границу своего исследования, его верхней гранью станет 1463 г. — год завоевания османами.

4-я глава содержит характеристику самого ордена, его внутренней организации, порядков и стоявших перед ним задач. В 1340 г. Босния получила статус «викарии», что несколько ниже «провинции», и была разделена на несколько «кустодий» — Джамбо прилагает их примерную карту. Его внимание привлекает история возведения отдельных монастырей и храмов (схемы реконструкции самых крупных см. на S. 84, 91, 182, 191). Немало места он посвящает анализу деятельности духовенства и особенно — положению в ордене. Орден разрешал своим членам жить за пределами монастырских стен, и в качестве ответной реакции возмущает движение за строгое соблюдение орденских правил, в частности, отшельническую жизнь.

Братья, соблюдающие эти правила (*regularis observanti*) получили в ордене имя «обсервантов», и рознь между «отшельниками» и «монастырскими братьями» (по тогдашней терминологии — между «обсервацией» и «конвентуализмом») с середины XIV в. раскалывает орден в дополнение к сотрясающей Европу «великой схизме». В целом же весь этот кризис, по мысли автора книги, явился признаком не упадка орденского движения в Боснии, а его роста, жизненной силы и умения приспособиться к новым обстоятельствам (S. 114).

После этого вполне органичен переход автора к анализу миссионерской деятельности братьев (глава 5 — «Миссионеры и миссионерская практика»). Первая проблема, возникающая в этой связи, это взаимодействие туземного и иноземного духовенства, ибо с самого начала руководство ордена в стране оказалось в руках иностранцев. Именно анализ помог автору установить, что так было и много позднее (S. 118—120). Естественно возникает вопрос, как непосредственно осуществлялась миссионерская практика, на каком языке шла проповедь? Ведь и карты рядовых проповедников готовились в Италии. Отдельные примеры, приводимые автором (например, первый боснийский викарий, Пегрегин из Саксонии, проповедовал с помощью переводчика), может быть, и выразительны, но не складываются в общую картину и не отвечают на вопрос, как повседневно решалась эта языковая проблема. Этот недостаток своего исследования Й. Джамбо осознает, как и нехватку данных об успешности (или бесплодности) всей миссионерской деятельности францисканцев в стране (S. 144). Но в том, что эта деятельность носила наступательный характер, в отличие от практики «босанской церкви», у него нет сомнений.

Испытав немало трудностей при освещении миссионерской практики или организационной структуры ордена из-за скудости данных источников. Джамбо с тем большим удовлетворением переходит к характеристике роли миноритов в политической, социальной и хозяйственной жизни средневековой Боснии. Здесь поле его наблюдений заметно расширяется. Автор широко пользуется документами Дубровницкого архива, свидетельствующими о подъеме страны в первой половине XV в., которому деятельность миноритов способствовала. Им страна обязана возведением множества построек, бесспорна их роль в качестве городских нотариусов или чиновников городского управления, что дает Джамбо основания высоко оценить их вклад в урбанизацию Боснии (S. 164), которая в эти десятилетия идет действительно очень быстро. Особенно заметен вклад францисканцев на фоне

активности, которую проявляют два весьма динамичных элемента боснийского общества — дубровницкие купцы и немецкие рудокопы. Этот анализ — одна из самых сильных частей книги (глава 6).

Монография Й. Джамбо завершается освещением судьбы ордена после османского завоевания (глава 7 — «Гибель Боснийского королевства и проблема продолжения францисканской деятельности»). 1463 г. прерывает боснийскую историю, тем более что османское завоевание сопровождалось исчезновением двух важных составляющих боснийского общества — дворянства и «босанской церкви» (S. 189—192). Однако францисканцам удалось сохранить свои позиции, благодаря продуманной линии поведения. Так, они заблаговременно перевезли в соседние страны все ценности — церковную утварь, книги, архивы. В итоге им удалось добиться того, что орденская община формально продолжила свое существование до 1514 г.

Впрочем не только минориты оказались заинтересованными в сотрудничестве — и новым хозяевам страны было важно как можно скорее восстановить здесь нормальный порядок, а францисканцы как стабильный элемент боснийского общества удачно подходили для выполнения этой задачи (S. 200). Этим, по мнению Й. Джамбо, объясняются так быстро полученные ими от османов привилегии.

Подводя итоги, мы не можем не оценить последовательности, с которой автор освещает все доступные его исследовательскому вниманию стороны орденской жизни. Возможно, внутри отдель-

ных глав эта последовательность и нарушается, нередки и необоснованные повторы. Но зато очевидна еще одна позитивная сторона: в каждом отдельном случае Й. Джамбо стремится максимально использовать всю предшествующую литературу. Стоило бы, конечно, расширить библиографию книги, особенно в той ее части, где речь идет об истории Дубровника. И. Божич заслужил большего, чем ссылка лишь на две его работы.

Имело бы смысл также, хотя бы пунктирно, обозначить судьбы францисканского движения в Боснии в последующие столетия. Ведь роль «фратров» в стране была значительна как минимум вплоть до XIX в. Она была ярко описана известным славистом П. А. Ровинским, которому довелось быть корреспондентом петербургских газет в Боснии в ходе событий 1878 г.

Читатель исторических романов Иво Андрича также помнит живые образы францисканских монахов в боснийской действительности и XVI, и начала XIX в. Й. Джамбо отказался от этой задачи, ограничившись периодом средневековья — что ж, это право автора. Но в хронологических границах, определенных ходом событий — с начала XIII и до середины XV в., — он нарисовал продуманную и обоснованную картину, с которой придется считаться каждому балканисту.

Фрейденберг М. М.

О. О. МИКИТЕНКО. Сербські голосіння. Поетичний та історико-географічний аналіз. Киев, 1992

О. О. МИКИТЕНКО. Сербские плачи. Поэтический и историко-географический анализ

Книга О. О. Микитенко — результат длительного и основательного изучения похоронных плачей (тужбалиц). Ее работы по этой тематике выходят с 1985 г. [1—5]. Изданная небольшим тиражом (470 экземпляров) рецензируемая монография — единственный труд, посвященный всестороннему анализу сербских тужбалиц.

Автор рассматривает плачи с разных точек зрения, давая обзор региональных традиций оплакивания, структурный, семантический анализ, учитывает соотношенность тужбалиц с акциональ-

ной стороной погребальной обрядовости. Широкая синхронная картина состояния традиции оплакивания — «необходимое условие для дальнейшего перехода в план сопоставительного диахронического анализа» (С. 4).

После краткого обзора истории собирания и изучения плачей, О. О. Микитенко обращается к региональному рассмотрению тужбалиц в соотношении с обрядовыми действиями. Несомненная заслуга автора — подход к тужбалицам как к части сложного комплекса со взаимосвязанными эле-

ментами: содержание текста, его форма, манера исполнения, исполнители, за которыми данный текст закреплен, обстоятельства, при которых производится оплакивание, действия, его сопровождающие, предметы, используемые в обряде. Именно соотношение всех этих элементов и характеризует различные региональные традиции оплакивания. Они исследуются на материале пяти регионов (герцеговинско-боснийский, хорватский, северо-восточная Сербия, западная Сербия, южная Сербия, северная Македония) по одной и той же схеме: характеристика метрики плачей — их названия в данном регионе — узус (обрядовые или необрядовые — функции — закреплённость или незакреплённость за какой-либо частью обряда — исполнители — действия, сопровождающие оплакивание. Таким образом, плачи рассматриваются как элементы сложного вербально-акционального комплекса, что позволяет анализировать их отдельные устойчивые мотивы в контексте ритуала в целом. Автор выделяет целый ряд признаков текстов и обрядовых действий, наличие или отсутствие которых оказывается значимым при характеристике региональных традиций оплакивания. Эти признаки, например, обрядовая закреплённость/незакреплённость, метрическая организованность, наличие мужских плачей, обрядовое бдение, апотропейческие действия, элементы свадебной обрядовости и т. п.) сведены в специальной таблице (С. 54).

В главе «Особенности бытования и функционально-семантические черты черногорско-герцеговинского плача» подробно рассматривается одна из региональных традиций оплакивания. Выбор именно этого региона обусловлен тем, что «поэтическая традиция Черногории с сильным эпическим началом, особенности историко-культурного развития и этнофольклорное своеобразие решающим образом отразились на содержании и эмоциональной окрашенности оплакивания и формах бытования тужбалиц» (С. 56).

Черногорско-герцеговинская традиция, рассмотренная значительно подробнее и обстоятельнее, чем все остальные (гл. 2), служит как бы примером всестороннего анализа ритуала в определенном регионе. Вместе с тем, погребальный обряд в данной области имеет ряд специфических черт, характерных для него одного, что ставит его особняком. В главе выделены и рассмотрены три вида плачей: мужские плачи (*лелек*), исполняемые для оповещения о смерти кого-либо из членов семьи; плачи, исполняемые на ходу или в коло несколькими плакальщицами. Такое «совместное» исполнение плачей представлено несколькими вариантами. Еще один специфический тип плача — плач над одеждой умершего, исполняемый, если

кто-либо из близких умер далеко от дома и не может быть оплакан сам.

Отсутствие единого критерия, на основании которого выделены названные типы плачей, — кажущееся, поскольку каждый из них обладает целым рядом характерных признаков и в семантике, и в структуре, и в манере исполнения, и в обрядовой закреплённости.

Связь текста тужбалиц с обрядом автор рассматривает как классифицирующий признак, подразделяя плачи на обрядовые и необрядовые. По степени закреплённости за обрядом выделяется три типа текстов: «1) Плачи, тексты которых организованы обрядом и вне его не исполняются: *тужење — нарицање*; 2) Плачи, обусловленные определенной обрядовой ситуацией и включенные в мини-ритуал. Такие тексты исполняются во время каких-либо собраний, церковных праздников и т. д.; 3) Плачи необрядовые — *тужење за разговор*, — которые по импровизационной эмоционально-психологической направленности близки к спонтанному нарицању» (С. 70). Далее рассматриваются содержание, стиль, узус, ритмическая организация плачей.

Глава «Семантика, художественно-стилистические и композиционные особенности тужбалиц» почти целиком посвящена обзору основных мотивов плачей в сопоставлении с аналогичными мотивами других фольклорных жанров, а также верований и обрядов. Рассматриваемые мотивы поделены на три группы «семантические зоны (семантемы)»: «смерть, умерший и ритуал, — после чего подробно рассматриваются мотивы, связанные с одним из трех перечисленных понятий. Мотивы понимаются как «образы, которые выражают ключевые моменты фольклорного универсума» [6].

Здесь автор переходит от синхронного описания традиций оплакивания к диахронно-сопоставительному анализу и, соотнеся «идейно-художественный уровень», т. е. «комплекс содержания, бытовых функций, устойчивых черт поэтической системы» (С. 79) плачей с широким акционально-реальным контекстом их бытования, приведя значительное число параллелей, не только дает широкий свод мотивов-символов, связанных с «поэтическим» осмыслением таких понятий, как смерть, умерший и похоронный ритуал, но и достаточно убедительно объясняет их генезис, исходя из общефольклорных представлений о загробном мире и переходе на «тот свет». Рассмотренные таким образом мотивы плачей оказываются не просто результатом «поэтического» восприятия мира, а отражением архаического мировоззрения.

О. О. Микитенко рассматривает следующие ряды мотивов: 1. Смерть: несчастье — доля; гром —

молния — стрела — огонь; вода — холод — зима; тень — тьма — мрак — слепота; дорога; дом (могила); черный — пестрый (рябой) — темный цвет; слава — свадьба.

2. Умерший: ворон — волк — змея — орел — сокол — вила; гром — молния; день — свет — золото.

3. Ритуал: пострижение волос; оседлание коня умершего; коло.

Хотя и в название главы, и в название ее последнего раздела вынесено слово «композиция», но здесь речь идет лишь об одном из таких элементов — зачине. Зачины плачей вызывают особый интерес автора как наименее связанная с традицией и в меньшей степени клишированная часть текста плачей, где «на первый план выступает фигура плакальщицы» (С. 123). Прочие элементы композиции — описания, воспоминания, размышления, риторические вопросы, восклицания и императивные обращения — лишь названы.

Таким образом, композиция плачей «двусоставная», по выражению автора, т. е. основанная на «устойчивых блоках мотивов», с одной стороны, и на импровизации, с другой (С. 122), рассмотрена лишь с одной из этих сторон — импровизационной — и то не полностью (едва ли можно утверждать, что импровизация в тужбалицах присутствует только в зачинах, равно как и то, что зачины стоят вне традиции). Что же касается устойчивых блоков мотивов, то они оказываются как бы исключенными из понятия композиции (глава делится на два раздела: «Основные мотивы сербских тужбалиц» и «Основные композиционные элементы тужбалиц»). При этом даже подробно рассмотренные мотивы и зачины плачей не дают достаточного представления о текстах тужбалиц в целом, об их композиции, а место мотивов в тексте не определено.

Так, например, мотив дороги, широко представленный в плачах, но рассмотренный вне контекста тужбалиц, а лишь в соотношении с реально-акциональным уровнем обряда, позволяет говорить о представлениях славян об устройстве мира, о понимании смерти как перехода из одного мира в другой, однако такое рассмотрение практически исключает сами тексты плачей из круга источников, позволяющих делать подобные выводы. Между тем, имеются тужбалицы, вся структура которых организована соответственно этим представлениям и отражает деление пространства на две части, соединенные дорогой (см., например, [7]).

В книге плачи рассмотрены на двух уровнях: семантическом и художественно-поэтическом. С одной стороны, в текстах тужбалиц выявляются и исследуются «семантемы», характерные не только для данного жанра и вербальной стороны погребального обряда, т. е. связанные с архаическими

представлениями славян о смерти, загробном мире и т. д., с другой — плачи рассматриваются как произведения народного художественного творчества, в которых особое внимание автора привлекает их эмоциональная насыщенность. Эти два подхода, в известном смысле соответствующие двойственной природе тужбалиц, сочетающих импровизацию и традиционные клише, позволяют автору рассматривать их и как источник сведений для изучения и реконструкции славянской картины мира, и как самостоятельный объект исследования.

Однако зачастую эти два подхода в работе смешиваются, и переходы от одного к другому никак не обозначены. Так, в разделе «Основные мотивы сербских тужбалиц», где речь идет о плачах по брату, деверю или детям, говорится, что «тексты таких плачей звучат постоянной неутрахающей болью, как пульсирующий оголенный нерв, в них невозможно спокойное, обстоятельное описание, которое дается в форме воспоминания и утешения, поскольку само такое болезненное состояние исключает возможность забыть, сознание отказывается поверить в неизбежность утраты» (С. 112). Далее же речь идет о мотиве-символе кукушки для обозначения матери/сестры, плачущей по сыну/брату.

Выше (С. 107—108), где рассматриваются мотивы, используемые для «гlorификации» покойного, автор одновременно говорит и об особенностях художественного языка плачей (метафорах, метонимиях, тавтологиях и т. п.). Вместе с тем, упомянутые метонимические обозначения умершего (глаза — сердце — рука — голова) не просто художественное средство, а сами по себе представляют весьма распространенный в фольклоре мотив, точнее частные случаи одного и того же элемента оппозиции верх/низ, соотносимой с оппозицией свой/чужой, что представляется весьма значимым для семантики плачей.

Некоторая нечеткость в изложении материала, не затрагивающая, впрочем, содержания работы, никак не умаляет достоинств этого чрезвычайно серьезного и обстоятельного исследования, не только дающего весьма полное представление о поэтике и семантике сербских тужбалиц, но и позволяющего рассматривать их как часть сложного обрядового комплекса.

Мороз А. В.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Микитенко О. О. Основные мотивы сербских тужбалиц // Конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. Тезисы докладов. М., 1985. С. 57—59.

2. *Микитенко О. О.* Обрядовый текст в системе этнической культуры: погребальные плачи//Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных культурных процессах. Уфа, 1989. С. 55—59.
3. *Микитенко О. О.* Один обрядовый момент: плач над одеждой. На материале югославянской традиции// Фольклор: проблемы сохранения, изучения и пропаганды. Тезисы докладов. М., 1988. С. 78—79.
4. *Микитенко О. О.* Поховальні плачі на території Югославії: етнофольклорний контекст та особливості жанру//Слов'янське літературознавство і фольклористика. Київ, 1990. Вип. 18. С. 80.
5. *Микитенко О. О.* Тужбалиці періоду Народно-визвольної боротьби у Югославії//Художня культура країн Східної та Південної Європи в боротьбі проти фашизму. Київ, 1990. С. 62—66.
6. *Мальцев Н. И.* Традиционные формулы русской необрядовой лирики. К изучению устнопоэтического канона//Русский фольклор. Л., 1981. XXI. С. 33.
7. *Вукановић Т.* Народне тужбалице. Фолклорна грађа сабрана у Срба пореклом из Црне Горе на Косову и Косаници. Врање, 1972. № 6; Живот и обичаји народа српскога. Описао их и за штампу приуговитио В. С. Караџић. Београд, 1957. С. 189—191.

J. ŚWIDZIŃSKI. Adam Mickiewicz w opiniach rosyjskich i radzieckich. Poznań, 1992. 152 S.

Е. СВИДЗИНСКИЙ. Адам Мицкевич в русских и советских оценках

Рецензируемая работа представляет интерес в двух отношениях: во-первых, как заслуживающее внимания по причине своего обобщающего характера исследование богатейшей истории вхождения выдающегося польского поэта в духовную жизнь восточных славян и народов бывшего Союза с конца 1820-х и до конца 1970-х годов, во-вторых, как не только продолжающее, но и подытоживающее результаты данного направления польского мицкевиеведения в целом (см., в частности, [1]), публикаций же Познаньского университета им. Адама Мицкевича [2] и работающего там ученого [3] — в частности.

Знакомясь с этой монографией, читатель может составить достаточно полное представление об уровне и состоянии такого рода «критики критики», о восприятии в Польше вынесенных в России и СССР в разное время оценок гения национальной литературы, т. е. увидит, казалось бы известное в новом, а порой и неожиданным, ракурсе.

Полезность подобных работ вполне очевидна и не нуждается в дополнительной аргументации. Столь же аксиоматично, что практикуемая в них «сублимация» динамики критики наряду с доскопальной осведомленностью требует от автора предельной объективности, предполагающей умение подниматься над конъюнктурными запросами переживаемой политико-культурной ситуации, формулировать лишённые содержательной размытости обобщения. В свете сказанного труд Е. Свидзиньского стоит того, чтобы с ним познакомиться поближе.

Книга хорошо структурирована. Три ее больших раздела включают еще и подразделы (создается впечатление, что последние взаимонакладываются), в которых, по словам автора, «охарактеризовано несколько интегрально связанных с собой проблем», «главным образом речь идет об освещении роли, которую играло в дореволюционной и послереволюционной России творчество польского поэта» (S. 11). Поскольку сама композиция работы как нельзя лучше отражает содержание ее частей и всего целого, стоит ее воспроизвести, так как это сразу позволит оценить логику рецензируемого исследования. Помимо «Введения», «Заключения», индексов упоминаемых авторов и произведений поэта, оно включает в себя:

Раздел I. «Мицкевичевская традиция в России» («Пребывание Мицкевича в России в свете официальных документов», «Царская цензура и Мицкевич», «Отношение русского общества к Мицкевичу», «Творчество Мицкевича в русских оценках и переводах после 1829 года»);

Раздел II. «Направления исследований Мицкевича в СССР» («Мицкевич в литературе и публицистике 1917—1939 гг.», «Литературная публицистика военного времени о Мицкевиче», «Мицкевич в литературной критике 1945—1977 гг.», «Другие формы популяризации творчества Мицкевича»);

Раздел III. «Мицкевич в свете советских научных исследований» («Источниковедческие исследования творчества Мицкевича», «Мицкевичевская биографистика», «Исследования творчества»,

«Мицкевич — Пушкин», «Исследования рецепции Мицкевича в русской литературе», «Мицкевич в литературах народов Советского Союза»).

Заглавие книги шире ее содержания, ибо за небольшим исключением в ней учтены русские (русскоязычные) публикации о польском поэте. Но и то, что оказалось привлеченным, составляет вполне завершённую картину, отражающую сложность и неоднозначность «Восточного» восприятия Мицкевича; те пути, которыми оно развивалось; формы, какие оно принимало. Волей судеб данный компендиум приобрел еще одну, на сей раз не планировавшуюся его создателем завершенность своей содержательной парадигмы: работа охватывает дореволюционный и советский периоды уже как состоявшиеся и в силу этого замкнутые этапы.

Говоря о положенных в ее основу принципах, следует отметить, что стремление к полноте привлечения всевозможных источников — от спорадического упоминания в провинциальной газете до капитального академического труда — соединяется как с попыткой увидеть их в движении времени, живом непосредственном бытовании, так и с акцентированием на некоторых, на взгляд ученого — главных проблемно-тематических направлениях отечественной мицкевианы. Другими словами, в монографии предпринята попытка выявить за суммой разнородных фактов литературной жизни (критика, публицистика, литературоведение и пр.) контуры порождавшей их системы, где одновременно взаимодействовали исторические, социальные, политические, художественно-критические факторы, осуществлялся идеологический прессинг, противоречиво пересекались традиция и новаторство, чтобы выстроить их в некие познавательные ряды и тем самым выйти на уровень обобщений.

Разумеется, при таком подходе невозможно было избежать определенных издержек, например, безусловно сильная сторона рецензируемой работы — фактографичность (особенно внушительными выглядят исчерпывающие в своей разветвленности библиографические отсылки) привела к ощущению дисбаланса между информативностью и аналитичностью; некоторая поспешная выпрямленность характеризует те или иные выводы и др. Впрочем в какой-то мере эти просчеты могут быть объяснены небольшим для такой темы объемом книги.

Из сказанного явствует, что костяк исследования составляет довольно значительное число увязанных хронологически проблемно-тематических плоскостей, призванных демонстрировать разнообразие усвоения творчества Мицкевича и создавать объемное (целостное) представление о его присутствии в культуре региона. Эт. цель не без

потерь все же достигается — книга может послужить подспорьем польским литературоведам, поскольку вводит в научный обиход малодоступные и малоизвестные источники; дает возможность проследить главные этапы развития мицкевиеведения; познакомиться с создававшими его по кирпичику представителями нескольких поколений ученых дореволюционной и советской эпох, с их работами, пусть бегло, но все же охарактеризованными. Само по себе это уже немало.

Исследование обнаруживает стремление автора отойти от устоявшихся шаблонных схем с их догматической зашоренностью. Так, рассматривая истоки славы Мицкевича в предреволюционной России, автор локализует проблему в контексте болезненного «польского вопроса» («Мицкевичевская традиция в России»), говоря же о периоде межвоенном, акцентирует внимание на вреде, нанесенном литературоведению диктатом вульгарного социологизирования («Мицкевич в литературе и публицистике 1917—1939 гг.») и пр. Вообще о проблеме заидеологизированности советского мицкевиеведения Е. Свидзинский пишет откровенно и много. Среди прочего утверждается: «... советские исследования Мицкевича превратились в своего рода идеологическую пристройку коммунистической пропаганды» (S. 135). Возможно стоило бы при этом все же отчетливее сказать, что и в обстоятельствах партийного диктата появлялись вовсе не только угодливо-легитимистские труды, но и не поступающиеся приматом научной истины работы, смелость которых, возможно, нам еще предстоит оценить.

Аналогично выглядит ситуация с содержащимся в обзоре источников комментарием к мифологизированному официальной публицистикой и критикой имиджу «общего плаща» («Мицкевич — Пушкин») (S. 103—106) или с вполне понятным современным неприятием не менее канонизированного «монументального» образа славянского романтика (S. 139). Решительный отход от клише и стереотипов следует только приветствовать. Можно понять и проявляющуюся при этом у ученого некоторую резкость тона. Сложнее обстоит дело, когда отторжение диктата методологических «установок» тоталитарного режима вызывает стремление все разом перечеркнуть и невольно провоцирует к хлестким, однако при полной перемене политического знака столь же упрощенно лозунговым, лишенным реального содержания высказываниям типа: «... независимо от места и времени проблема Мицкевича была всегда предлогом для сведения разного рода счетов с Польшей» (S. 113). Это, мягко говоря, крайность.

Книга Е. Свидзинского, как бы ее ни оценивать, является продуктом своего переломного и

противоречивого времени, которое становится уже историей. Содержательно она ориентирована на полуторавековую ретроспекцию наших литературных и — шире — культурных отношений с ближайшим из славянских народов, но одновременно центр ее смысловой тяжести является точкой нового отсчета, ибо позволяет уловить рождение иной перспективы, где знакомое предстает в неожиданном ракурсе и намечается даль еще не наступивших перемен. Эта книга — о литературе. Но она и об истории, политике, пропаганде, о структуре бытия. Повествуя о достижениях и просчетах других, ее автор сам не избежал ни того ни другого.

Василенко В. Н.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kozłowski W. M.* Mickiewicz i Puszkina oraz społeczeństwo polskie i rosyjskie. Kraków, 1899; *Tretjak J.* Mickiewicz i Puszkina. Studia i szkice. Warszawa, 1906; *Brückner A.* Mickiewicz i

- Puszkina//Przegląd Warszawski. 1922. № 12; *Lednicki W.* Kilka słów o Puszkynie i Mickiewiczu//Przegląd Współczesny. 1924. №№ 30, 32; *Blüth R.* Mickiewicz wobec ruchu literackiego w Rosji w okresie 1826—1829//Pamiętnik Literacki. 1925—1926. R. 22—23; *Fiszman S.* Mickiewicz w Rosji. Z archiwów, muzeów, bibliotek Moskwy i Leningradu. Warszawa, 1949; *Gomolicki L.* Mickiewicz wśród Rosjan. Warszawa, 1950; *Toporowski M.* Geniusz i caryzm. Rzecz o Puszkynie. Warszawa, 1971; *Kubacki W.* Z Mickiewiczem na Krymie. Warszawa, 1977; *Dworski A.* Puszkina w kręgu kultury polskiej. Wrocław, 1983.
2. *Latawiec Cz.* Puszkina i Mickiewicz//Polono-Slavica. 1939; *Rogalski A.* Rosja — Europa. Wzajemne związki, wpływy i zależności kulturalno-literackie. Warszawa, 1960; *Galster B.* Paralele romantyczne. Polsko-rosyjskie powinowactwa literackie. Warszawa, 1987.
  3. *Świdziński J.* Literatura polska w ZSRR. Zakres i kierunki badań. Warszawa; Poznań, 1986; *Świdziński J.* Rosja w «Sonetach krymskich» Adama Mickiewicza//Dzieje Lubelszczyzny. 1991. T. VI, cz. 2.

Л. А. СОФРОНОВА. Польская романтическая драма. Мицкевич. Красинский. Словацкий. М., 1992. 350 С.

Книга Л. А. Софроновой посвящена творчеству великих польских романтиков — А. Мицкевича, З. Красинского и Ю. Словацкого, точнее драмам «Дядя», «Не-Божественная Комедия» и «Балладина», объединяемых романтическим видением мира. Цель автора — прочитать триаду объемно, выявить множество измерений, составляющих основные параметры пространства культуры эпохи романтизма.

Новизна книги — уже в самом выборе «Дядю» — «Не-Божественной комедии» — «Балладины», а не «Дядю» — «Не-Божественной комедии» — «Кордиана». Так и разрушается привычная для польских исследователей триада. Выбор драмы-ритуала, драмы-утопии и драмы-литературной игры дал возможность раскрыть многогранность польского романтизма и через сложное переплетение взглядов на искусство и историю, художественных исканий и приемов выявить близость польских романтиков.

Для книги характерны многоаспектность, структурированность анализа, идущая вразрез с устоявшейся исследовательской традицией, и одновременно бережное обращение со старыми и новейшими работами, органически включенными в исследовательскую «панораму».

Любой анализ немислим без «разъятия» тек-

ста, «высвечивания» его слоев, однако в рецензируемой работе делается попытка сохранить каждую драму как единое целое (С. 161, 276 и др.). Автор словно вспоминает утверждение З. Красинского, что поэзия «это синтез, анализ ей всегда вредит». Данное обстоятельство тем более ценно, что исследователь заставляет читателя почувствовать «таинственный первоэлемент» (Мицкевич), скрытый в каждом поэтическом произведении, в самых его глубинных слоях, соприкоснуться «душою» романтизма — «невывразимым».

Основным принципом построения текста для романтиков Л. А. Софронова называет принцип диалога. Монолог как завершенная форма потерял для них значение (С. 9). Эта характеристика романтизма становится своеобразным ключом к анализу драм, по ходу которого вскрывается напряженное взаимодействие, взаимопроникновение различных жанров и видов искусств, в частности поэзии и театра, оперы и обрядовых действий в «Дядях» или моралите, мистерии и утопии в «Не-Божественной комедии»; стили, языки культуры различных эпох: античности, средних веков, барокко также беспрестанно вступают в диалог, в результате чего создаются новые художественные формы. Такова концепция автора.

По-видимому, Л. А. Софронова воспринимает диалог в широком значении (ср. аналогичное восприятие Ю. М. Ломатоном «чужого слова» [1]), которое может быть присуще любому (не только романтическому) тексту. Утверждение же, что «монолог потерял свое значение» в романтизме, который преимущественно живет «поэзией», представляется сомнительным. Элементы диалога, напротив, с нашей точки зрения, занимают подчиненное положение в «монологическом» мире романтизма. Не случайно М. М. Бахтин, провозглашая принцип диалога в литературе, относил его прежде всего к прозе, к романной структуре, лишая «чужого слова» поэзию [2].

Следуя авторской концепции, в романтической драматургии происходил также диалог между романтизмом и народной культурой.

Литература романтизма была призвана выразить национальный дух, дух народа, формировавшийся на протяжении многих веков и претворявшийся в единое целое. Отсюда обращение к народному творчеству, народной культуре, в которых находили и идеалы красоты, и стержень философских построений. В поисках особых свойств народа вырабатывалось понятие народности, находились глубинные соответствия философии романтизма и народной мифологии. Через мифологию, как следует из книги, романтики стремились проникнуть в национальный дух. Без фольклора немыслимо романтическое искусство, которое то «сближается» с обрядом, являя собой «синтез романтической философии с народной мифологией» (как в поэме «Дзяды»), то вступает в иронический «диалог» с нею (как в «Балладине»).

Мифу и обряду непосредственно посвящена вторая, едва ли не самая обширная, из глав книги — о «Дзядях» Мицкевича. Исходным моментом анализа становится утверждение о том, что, «сделав основным содержанием поэмы ритуал, Мицкевич попал в круг предтеатра ... Здесь театр только становился, действие еще сливалось со словом, изображением, музыкой, предсказывая будущий путь развития искусства сцены» (С. 74). Рассматривая композицию драмы, автор обнаруживает параллелизм строения и тематики ее второй и четвертой частей; темы любви и смерти, показанные через обряды свадьбы и похорон оказываются элементами романтического мировидения. По мысли автора, главная категория романтизма — любовь — показана в драме через поминальный обряд. И даже встречу Священника с Отшельником она рассматривает как вариант обряда поминовения романтической любви.

Л. А. Софронова стремится проследить движение мотивов народной мифологии (персонажи, сам поминальный ритуал, значение ритуальных предметов, их смысловая нагрузка), нащупать,

назвать все точки соприкосновения и сопряжения народной культуры и литературного произведения, а также выявить, что действительно принадлежит народной культуре, а что Мицкевич изменил (усилил, сгладил, зашифровал), следуя постулатам философии романтизма, требованиям эпохи. Автор рецензируемой книги вводит нас в мир народной культуры, используя обширную литературу по этнографии (труды О. Кольберга, Л. Семевского, П. Шейна, М. Федеровского), а также работы современных исследователей славянской духовной культуры — М. Вантовской, Л. Н. Виноградовой, О. А. Седаковой, С. М. Толстой, Л. Г. Невской и др. Народные представления, верования привлекаются Л. А. Софроновой для доказательства глубинной связи мифо-поэтической системы «Дзядов» с народными обрядами и обычаями, с духовной культурой народа. Введение краткого описания обрядового действия, приуроченного к дням поминовения усопших (время и место действия, запреты, связанные с этими днями, ритуальная пища, участники обряда, способы узнавания присутствия пришельцев с того света, знаки-свидетели их недолгого пребывания на земле, в родном доме и т. д.), позволяет исследователю показать, как обряд трансформируется в духе романтической поэтики. Мицкевич создает свой вариант обряда, основные свойства которого — недосказанность, фрагментарность, «мерцательность» некоторых образов, предметов (Густав, Отшельник, Конрад; еловая ветвь, посох, ветвь кипариса) — превращают поэму в романтический обряд, подводя читателя к идее связи двух миров, подчиняя весь текст раскрытию этой связи, создавая ее особые коды. Так, еловая ветка, лесной друг Густава в его странствиях становится мостиком, перекинутым между двумя мирами, способом воссоединения с природой, знаком обретения утраченной гармонии души и места в мире. Мифологические черты Густава выявляются в сопоставлении образа путника, описываемого в колядках, в волочечных песнях, похоронных плачах.

Глубина анализа позволяет читателю представить не только многогранность «Дзядов» как литературного произведения, но и как театрального представления. Подчеркивание значимости каждой детали в диалоге или поведении главных персонажей, внимание к каждому слову, намеку, скрывающемуся за ним, описание сценического пространства делают возможной объемную, зримую прорисовку текста «Дзядов». Читатель книги Л. А. Софроновой воочию видит и неясно очерченную фигуру Призрака, «неуловимого» романтического героя, и мерцающий свет, затрудняющий узнавание персонажей, и туманную долину с таящими свой облик реалиями в рассказе Густава

ва. Автор находит слова для изображения игры противоположных ощущений, настроений (тьма — свет, холод — тепло); для представления цвета, музыки, «говорящих» предметов (например, роман Ю. де Крюденер «Валерия», фортепиано, икона Богородицы, зеркало — «знаки романтической культуры» в одной из сцен первой части; атрибуты не то свадебного, не то похоронного обряда — двух переходных ритуалов, символизирующих переход к другой жизни — в четвертой части). Такое прочтение «Дзядов» высвечивает сопряженность ближней природы с безграничностью Космоса. Но спектакль, видимо, не может передать всю масштабность идей, философское содержание литературного произведения; он призван решать иные задачи, и исследователь, наметив очертания возможного сценического воплощения пьесы, сосредоточивает внимание на самом литературном произведении, вместе с тем неоднократно обращаясь и к его театральному воплощению.

В главе о «Балладине», «самой романтической из всех романтических драм», читатель вновь встречается с фольклором, но уже используемом Словацким по-иному и для других целей. Анализ драмы Словацкого органически дополняет картину романтической поэтики «Дзядов». Если «Дзяды» являют собой синтез романтической философии и народной мифологии, «Не-Божественная Комедия» — драматургическую интерпретацию философии искусства и истории (С. 263), то «Балладина» строится на такой важной категории романтизма, как литературность: «Текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам источников» [3]; они видны как на уровне слова, так и на уровне сюжета. Л. А. Софронова подчеркивает интертекстуальные связи драмы с романтической культурой и фольклором, как его воспринимали романтики. Если Мицкевич воспользовался формой поминального обряда, то Словацкий обратился к литературно обработанному фольклору с его образами, поэтикой, символикой. Введение уже известных фольклорных сюжетов, мотивов, образов было важным для романтической поэтики, так ценившей момент узнавания.

Л. А. Софронова показывает своеобразие «Балладины», сопоставляя основополагающие вопросы философии романтизма (о соотношении природы и культуры, природы и истории, об иерархии искусства и науки) с художественным контекстом. Именно эти вопросы, по мнению исследователя, организуют драму и являются самодостаточными. И здесь присутствует мифологизация

природы, растений, все персонажи «вписаны» в природу, потому ведущая идея пьесы — гармоническое соотношение мира людей и мира природы — требует постоянного обращения к Природе, ее нравственной силе. Природа покровительствует персонажам, которые органично входят в ее мир. Тех же, кто с ней не в ладах, она отторгает. Натурный ряд — малина, осиновый листок, верба и свирель из нее, деревья, колючие кустарники, птицы, озеро, ветер, гром, молния — постоянно присутствует в тексте и на сцене. И балладная героиня, совершившая преступление и превращающаяся в героиню трагедии, карается Природой.

Поставив перед собой задачу прочтения романтической триады не только по горизонтали, но и по вертикали, Л. А. Софронова блестяще решила ее. Представив парадигматическое строение каждой из драм, выделив в них общие категории, автор показала, как Мицкевич, Словацкий и Красинский создали новую форму драмы. Весьма ценным представляется описание романтической поэтики, к чему автор приходит через анализ каждой из драм и их сопоставление. Кроме того, синтагматическое и парадигматическое прочтение позволило автору показать пласты значений тех историко-культурных эпох, которые были освоены романтиками и прозвучали в их произведениях, став частью культуры нового типа, культуры эпохи романтизма. Это и высокая культура (Данте, Шекспир, Рембрант, Вебер, Моцарт), и народная (мифология, обряд, верования, словесный фольклор). Таким образом историко-культурный контекст, вписанный в иную эпоху, получил новые характеристики.

Несомненным достоинством монографии является то, что Л. А. Софронова о сложных художественных явлениях говорит просто и ясно, поэтому книга не только будет читаться специалистами, как обещает аннотация, но, несомненно, привлечет к себе внимание любителей и поклонников польского романтизма.

Богомолова Н. А., Усачева В. В.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста. Л., 1972. С. 106—113.
2. *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
3. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 388.

Рецензируемый сборник статей содержит ряд материалов одноименной конференции, состоявшейся в сентябре 1991 г. в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Значительный отрезок времени, разделяющий конференцию и выход сборника из печати, никак не сказался на степени актуальности издания, которое стало первым в отечественной традиции собранием научных исследований, целиком посвященных различным аспектам творческого наследия и биографии одного из самых ярких представителей культуры «серебряного века».

Обширная статья М. Баскера «Гумилев, Рабле и „Путешествие в Китай“»: к прочтению одного прото-акмеистического мифа» в известном смысле имеет «программно-установочный» характер и призвана поколебать широко распространенное представление о предельно ясном и общедоступном поэтическом наследии Гумилева. Опираясь на ахматовский «далеко не общеприятный взгляд на Гумилева, как на „визионера и пророка“, чье творчество на глубинном уровне отличается своей тайнописью» (С. 5), автор предпринимает попытку именно с этой точки зрения проанализировать стихотворение 1909 г. «Путешествие в Китай». Говоря о неслучайности появления образа Китая, М. Баскер высказывает предположение о наличии литературных прецедентов и называет в качестве одного из них пушкинские строки, биографический подтекст которых (холодный прием, оказанный поэту «его будущей невестой по возвращении из Арзрумского похода в сентябре 1829 г., и фактический отказ в ее руке со стороны ее матери» (С. 9)) вполне сопоставим с аналогичными обстоятельствами, сопутствовавшими написанию «Путешествия в Китай»; именно это дает автору основание увидеть в стихотворении скрытый автобиографический слой¹. Другие литературные прецеденты, по мнению М. Баскера, лежат в плоскости французской литературы: автор

считает, что в своем стихотворении Гумилев противопоставляет «излюбленному своему, но „прото-символистскому“ Бодлеру — прото-акмеистическую „мудрую физиологичность“ Рабле» (С. 12), при этом последний воспринимается поэтом как мудрец и маг. В таком контексте не кажется неожиданным, что Китай в интерпретации исследователя предстает «как достижение совершенного понимания», «как измененное восприятие, залог истинного духовного преображения» (С. 16). В заключение М. Баскер сопоставляет гумилевский текст с некоторыми положениями юнговской теории коллективного бессознательного и делает вывод, что «личный адепт акмеистическо-акмеистический миф о самореализации, выявленный в „Путешествии в Китай“, исходит из проницательно-интуитивного прозрения в малодоступную, как правило, сознательному „я“ самую глубь человеческой психики» (С. 22). Возможно, предложенный исследователем вариант прочтения гумилевского стихотворения слишком широк, но он интересен именно как образец тех смыслов, что возникают в тексте, рассматриваемом в «разомкнутой» культурной перспективе.

Мысль об особом, эзотерическом характере поэтической системы Гумилева (во всяком случае — весьма существенных ее составляющих) находит свое продолжение в статье М. Йовановича «Николай Гумилев и масонское учение». Напомнив о том, что в ранний период «своего творческого пути Гумилев отметал любые мистические установки, /.../ потому что хотел сохранить честное отношение к своим читателям» (С. 32), автор в результате анализа художественно-мировоззренческих принципов поэта приходит к выводу, что «поэтическая программа позднего Гумилева задумывалась как-то параллельно масонским положениям» (С. 35), и подробно останавливается на конкретных примерах проявления масонской идеологии и эмблематики в биографии (ряд этиче-

¹ В этой связи можно было бы упомянуть посвященное Ахматовой стихотворение 1912 г. «Возвращение», герой которого вместе со своим спутником совершает путешествие в Китай: наличие в этом тексте явных биографических коннотаций косвенно подтверждает предположение М. Баскера. В то же время, связываемые исследователем с «Путешествием в Китай» пушкинские строки *К подножию ль стены далекого Китая* могли найти свое продолжение именно в «Возвращении»: *Когда ж мы достигли стены Китая; ср. также начало «Каменного гостя»: Ах, наконец Достигли мы ворот Мадрида!* — и роль образа Дон Жуана в поэтическом осознании Гумилева. Показателен и характер побудительных мотивов «движения» лирических героев гумилевских стихотворений — в тексте 1909 г. это собственно путешествие, а в тексте 1912 г. — уже возвращение. Как возможное имплицитное развитие темы см. более поздний текст «Китайская девушка»: *И, не веря в приманки, Я пишу на шелку Безмятежные танки Про любовь и тоску*; это стихотворение предположительно датируется зимой 1913—1914 гг., приблизительно тогда же или несколько позднее было написано Гумилевым XXIV «Письмо о русской поэзии», содержащее, в частности, отзыв об ахматовских «Четках»: *ку Анны Ахматовой часто встречаются слова: боль, тоска, смерть. Этот столь естественный и потому прекрасный юношеский пессимизм до сих пор был достоянием „проб пера“ и, кажется, в стихах Ахматовой впервые получил свое место в поэзии. В ней /.../ женщины влюбленные, лукавые, мечтающие и восторженные говорят, наконец, своим подлинным и в то же время художественно-убедительным языком» [1. С. 181—182].*

ских и поведенческих установок, идея объединения, «цеха» поэтов) и творчестве (пьесы «Актеон» и «Гондла», сборники «К Синей звезде» и «Огненный столп») поэта. Не отрицая в целом возможности воздействия масонского учения на художественное сознание Гумилева, нельзя, тем не менее, согласиться с отдельными положениями статьи М. Йовановича. Так, например, финальная строфа стихотворения «Память» из «Огненного столпа» зависит не от масонской идеологии, а, как показал Вяч. Вс. Иванов (см. [2]; ср. [3]), от конкретного текста Блейка; вряд ли абсолютно прав исследователь, утверждая, что «„Огненный столп“, в отличие от книг Гумилева, напечатанных до „Колчан“, невозможно толковать без учета его масонского подтекста» (С. 45), — воздействие на поэта русской и мировой культуры видится большим, чем воздействие со стороны масонства. Возражение вызывает тезис М. Йовановича о том, что в гумилевской лирике «любовь к смерти» становится «одним из самых навязчивых мотивов его последних лет» (С. 45), — если в ранних стихах образ смерти действительно испытывает заметное влияние со стороны эротической метафоры (что, впрочем, не означает именно «любви к смерти»), соединяясь с мотивом мужественного отношения к собственной гибели, то, начиная с середины десятых годов, речь может идти только об идее достойной, «высокой» смерти поэта. Не кажутся бесспорными и цитаты из «Гондлы», призванные подтвердить глубокие познания Гумилева в области розенкрейцерства.

Более убедительна в плане доказательств заметка Н. А. Богомолова «Оккультные мотивы в творчестве Гумилева», предлагающая «оккультные ключи» к некоторым эпизодам биографии и творчества поэта, в первую очередь — к мотивам его стремления в Африку. Среди них по меньшей мере три восходят к оккультным доктринам — отмеченность для посвященных городов, в которых побывал поэт (Париж, Каир, Смирна), понимание, согласно концепции Папюса, Африки как вместилища важнейших истоков современного оккультизма и, наконец, африканское путешествие Рембо, ставшее реакцией на разочарование в представлениях о магическом, мироустроительном характере собственной поэзии. Н. А. Богомолов останавливается на отдельных составляющих художественного мира Гумилева, мотивированных различными аспектами эзотерического знания: приверженность поэта к золотой и синей гамме возводится к цветовой символике иоанновского масонства, а эпизод встречи Морадиты с драконом в «Поэме Начала» — к масонскому ритуалу. Указания на штейнерианский подтекст в триптихе «Душа и тело» и нидшеанский — в «Памяти» подтверждают мнение об «эзотерической» природе «Огненного столпа». Особого внимания заслуживает на-

блюдение автора о еще одном источнике названия этого сборника — фрагменте книги «Так говорил Заратустра».

Тема работы Ш. Греем «Гумилев и примитив» ранее не была предметом отдельного рассмотрения. Остановившись на особом интересе к первобытной культуре в искусстве начала века, по словам Матисса, времени «космогоний в искусстве» (здесь, кстати, можно было бы назвать и гумилевское стихотворение 1918 г. «Дамара. Готентотская космогония»), исследовательница сопоставила «Звездный ужас» с картинами Бакста («Теттог антиквус», 1908) и Рериха («Веления неба», 1915). Интересным представляется понимание «Поэмы Начала» как не нового эквивалента (в духе символизма) научных поэм Ломоносова, а нового феномена в русской поэзии: метафизической поэмы; именно в таком аспекте анализирует Ш. Греем первую песню произведения. Однако в статье обнаруживается весьма существенное противоречие: считая «Поэму Начала» произведением символистским, автор одновременно пишет, что в ней «нарочито неясное, абстрактное доходит местами до крайности, чуть ли не до карикатуры на символизм» (С. 29). Нельзя согласиться со словами исследовательницы о том, что в финале «творческой жизни Гумилев возвратился к поэтическому верованию молодости», а «акмеистическое кредо и проповедь, которую он проводил в 1912—1921 гг., были вроде заблуждения» (С. 29); вряд ли стоит буквально трактовать мемуарное свидетельство П. Н. Лукницкого о том, что Ахматова «причисляла» Гумилева к символистам — за исключением футуристов, у русского символизма не было, кажется, противника более серьезного и последовательного, чем Гумилев.

Статья В. С. Баевского «„У каждого метра есть своя душа“ (Метрика Н. Гумилева)» начинается с утверждения, не вызывающего сомнений со времен первых публикаций поэта: «Гумилев унаследовал высочайшую стиховую культуру французского „Парнаса“, французских и русских символистов» (С. 67). К числу стиховедческих достижений Гумилева исследователь относит в первую очередь то, что он «не только чувствовал, но и осознавал, что стихотворные метры и размеры имеют собственную семантику и формируют смысл текста независимо от семантики слов, дополняя и поддерживая ее, либо вступая с нею в конфликт» (С. 67). По мере анализа у автора «складывается впечатление, что в области классических размеров Гумилев намеренно испытывает и использует различные семантические окраски» (С. 69), что, как и последовательное разрушение силлабо-тоники, В. С. Баевский считает способами деавтоматизации размеров, приобретенных на протяжении XIX в. признаки определенной клишированности. Делая вывод о том, что «в метрике Гумилева заключены все основные тенденции рус-

ского стиха XX в.» (С. 73), автор одновременно подтверждает и утверждение о том, что «В области метрики Гумилев — решительный новатор» (С. 69).

Две статьи сборника посвящены соотношению творчества Гумилева с европейской поэзией. Первая из них — «Н. Гумилев и Эдгар По: Сопоставительная заметка Анны Ахматовой» И. Г. Кравцовой — строится на основе сохранившейся заметки Ахматовой, «в которой содержатся ее наблюдения, связанные с отражением в прозе и поэзии Гумилева некоторые тем и мотивов творчества Эдгара По» (С. 51). Приводя полный текст ахматовской заметки, автор указывает на многочисленные содержательные параллели между творчеством Гумилева и По. В итоге И. Г. Кравцова пишет, что «восприятие Гумилевым мира поэтических образов Э. По шло в направлении преодоления символизма как творческого метода: „идеальное“ проецировалось в конкретное» (С. 55). Вторая статья — «К. Кавафис — Н. Гумилев, „отчасти“ параллельные» С. Б. Ильинской — представляет собой опыт «типологического» сравнения творчества двух поэтов. По мнению автора, «сходство между ними намного значительнее, чем может показаться при беглом обзоре тематических совпадений и перекличек. Параллельными оказываются критические фазы литературного старта, поворотов в творческом направлении. /.../ Оба поэта отдали дань символизму, однако присущее складу их дарования стремление к смысловой определенности и точному выражению не располагало к символистской установке на постижение сверхчувственного, /.../ оба поэта ощущали выдвигаемую временем потребность в обновленном поэтическом языке, более близком к естественной интонации разговорной речи» (С. 58—60).

В более широкую перспективу пытается вли-

пать творчество Гумилева К. Ичин в статье «Межтекстовый синтез в „Заблудившемся трамвае“ Гумилева», полагая, что гумилевский текст «вбирает в себя ключевые моменты балладных сюжетов с их трагическими ситуациями героев, подвластных злоедейской бессовской игре высших сил» (С. 93). Широко используя в качестве доказательства произведения русской и западноевропейской литературы, автор невольно превращает «Заблудившийся трамвай» в своего рода «каталог» мировой культуры, что затемняет его и без того неясный смысл. Трудно, например, согласиться с предположением о присутствии в нем отзвуков «Алисы в Стране Чудес», как и «Мертвых душ», и «Вия», и блоковского цикла «Кармен»; приводимые случаи анаграмматических построений, призванные подтвердить авторские догадки, не кажутся убедительными, в первую очередь — в силу своей очевидной концептуальной приуроченности².

Заметка С. В. Поляковой «Источник одного образа из „Заблудившегося трамвая“ Гумилева» призвана внести уточнение подтекста к строкам *Вместо капусты и вместо брюквы Мертвые головы продают*, «откорректировав» предположение Р. Д. Тименчика о содержащейся здесь отсылке к сказке Гауфа «Маленький Мук» [7]. — речь, разумеется, должна идти о «знакомой Гумилеву сказке „Карлик Нос“» (С. 98). Автор практически ограничивается этим уточнением, отказываясь от дальнейших очевидных культурных параллелей и считая, что «мифопоэтические примеры далеко увели бы нас от вероятного литературного заимствования» (С. 98)³.

Статья О. В. Шиндиной «Несколько замечаний к проблеме „Вагинов и Гумилев“» строится на предположении о том, что критическое отношение к теоретическим воззрениям Гумилева на этапе

² Частным недочетом работы можно считать игнорирование в связи с мотивом отсечения головы статьи Р. Д. Тименчика, рассматривающей место этого мотива в поэтическом диалоге Ахматовой и Гумилева [4]. Думается, что истоки гумилевской образности могли лежать, в первую очередь, в сфере литературно-культурных интересов самих акмеистов — см. стихотворение Мандельштама «Футбол» и гумилевскую «Юдифь»; ср. также роль образа казни в ранней лирике Гумилева. О некоторых аспектах мотива отсечения головы в «акмеистическом тексте» см. [5]; ср. [6].

³ Очевидно, именно мифологические, а, точнее, фольклорные параллели могли бы объяснить гумилевское обращение (если таковое действительно имело место) к тексту «Карлика»: сказка Гауфа отчетливо воспроизводит весь набор мотивов, связанных с инициационным комплексом (похищение ребенка злой колдуньей и превращение его в карлика; длительное заключение в ее доме; наличие волшебного помощника, содействие которого возможно благодаря чудесному дару; приобретение нового облика и возвращение в более высоком статусе); незначительная редуцированность сюжета за счет литературной обработки не затемняет его глубоко архаичных корней. Очевидно, «инициационная» идея, понимаемая в более широком плане, была актуальна для Гумилева — ср. стихотворения «Маркиз де Карабас» и, отчасти, «Сказка»; в этой связи показательное использование образности «Гадкого утенка» Андерсена (предельно упрощающего архетипический сюжет посредством полной литературной обработки) в ахматовском стихотворении 1912 г. «В ремешках пенал и книги были...», обращенном к Гумилеву: *Только, ставши лебедем надменным, Изменился серый лебеденок*; к этому же сюжету возвращается Гумилев в уже упоминавшейся рецензии на «Четки»: «поэт /.../ почувствует, что человек может радостно воспринять все стороны мира, и из гадкого утенка, 'каким он был до сих пор в своих собственных глазах, он станет лебедем, как в сказке Андерсена' [1. С. 181—182]. В продолжение этой темы, требующей отдельного рассмотрения, см. пьесу «Гондла», развивающую и усложняющую соответствующую образность; здесь же следует отметить исключительную роль орнитоморфной символики в поэтическом сознании Гумилева.

формирования «прозаической» поэтики Вагинова позволило ему суммировать свои взгляды на взаимоотношения учителя и ученика, искусства и действительности, искусства и смерти. «Реконструирова» образ поэта Зазвфратского, отразивший, согласно принятой точке зрения, некоторые черты Гумилева, автор приводит примеры как совпадения художественных установок двух писателей, так и их явной полемики. О. В. Шиндина приходит к выводу, что влияние Гумилева на Вагинова более значительно, чем можно было бы ожидать, и сопоставимо с мировоззренческим воздействием Бахтина, Пумпянского, Тьянянова.

Второй раздел сборника образуют архивные публикации, среди которых особо выделяется найденная И. Г. Кравцовой и подготовленная к печати М. Д. Эльзоном рукопись плана пьесы «Жизнь Будды». Среди других публикаций — «Новонайденный конспект выступления Н. С. Гумилева в редакции журнала „Аполлон“ 5 апреля 1911 г.» К. Ю. Лаппо-Данилевского, обширный архивно-биографический обзор военной службы Гумилева во Франции — «Адьютант Комиссара Временного Правительства» И. А. Курляндского, заметка о рецензии Л. Горнунга на гумилевский сборник «К Синей звезде» К. М. Поливанова, воспоминания И. Н. Пуниной о поездке с Ахматовой на предполагаемое место казни Гумилева, материалы «Гумилев и Кузмин на „Вечере современной поэзии“ в Москве 2 ноября 1920 г.», воспроизводимые С. В. Шумихины по дневнику Кузмина, ряд заметок М. Д. Эльзона.

Функции литературных связей. На материале славянских и балканских литератур. М., 1992. 311 С.

В некоторых статьях рецензируемого сборника (Н. Осиповой, Э. Пановой, С. Лесняковой и др.) достаточно обоснованно высказана мысль о несомненной обусловленности характера литературных связей исторической, политической или культурной обстановкой воспринимающей стороны. Относительно XX столетия это утверждение можно было бы даже слегка расширить: чем неистовее волны политических, социальных, национальных бурь, тем отчаяннее хватается человечество за прочные канаты межнациональных культурных связей, тем пристальнее всматривается в их спасительную суть.

Сегодня это особенно очевидно. Мы все — свидетели нарастающего, все более обнажающего

Хочется отметить, что первый сборник материалов о жизни и творчестве Гумилева, выходящий в России, носит сугубо «рабочий», подчеркнуто научный характер, что, безусловно, придает ему особую ценность, не отменяемую наличием более основательных зарубежных «предшественников».

Шиндин С. Г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. М., 1990.
2. Иванов Вяч. Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Труды по знаковым системам. Тарту, 1986. Вып. XIX. С. 24.
3. Иванов Вяч. Вс. Беседы с Анной Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 477.
4. Тименчик Р. Д. К описанию поэтической мифологии Ахматовой // Анна Ахматова и русская культура начала XX в.: Тезисы конференции. М., 1989.
5. Шиндин С. Г. Об одном мотиве в русской поэзии начала XX в. // Литературный процесс и развитие мировой культуры: Тезисы конференции. Таллинн (в печати).
6. Russian Literature. 1991. Vol. XXX. № 3. P. 279—282.
7. Тименчик Р. Д. К символике трамвая в русской поэзии // Труды по знаковым системам. Тарту, 1987. Вып. XXI. С. 139.

свое глобальное значение противоречия между двумя тенденциями — небывалого взлета национального самосознания, с одной стороны, и жизненной необходимости объединения человечества — поверх границ и узких национальных интересов — во имя борьбы за выживание земной цивилизации, с другой. Сама жизнь подтверждает: из всех опасностей, угрожающих миру в наши дни, — экологических, ядерных, вирусных, химических и т. д., — самая погибельная — национализм, ибо он обесмысливает все средства борьбы против надвигающихся катаклизмов, не ведающих границ и расовых различий.

А выход, между тем, из этого кажущегося неразрешимым противоречия есть: надо так осмыс-

ливать ценности национального достояния каждого народа, так высвечивать их истинное значение, чтобы они оказались свободными от душно-почвеннического, шовинистического толкования, возвышали человека до постижения общечеловеческой сущности земного бытия.

Культурные, и прежде всего литературные связи,— прекрасное средство такого осмысления. И рецензируемый сборник это убедительно подтверждает. Как справедливо подчеркивается в статье Л. Н. Будаговой, посвященной методике изучения литературных связей, они — «свообразные капилляры, пронизывающие организм мировой литературы и творчество каждого отдельного художника и обеспечивающие циркуляцию духовно-эстетического опыта, создаваемого человечеством» (С. 54). Нет сомнения, что в плане методики изучения этих «капилляров» настоящий сборник представляет значительный шаг вперед по сравнению с предыдущими публикациями. Но только ли в этом заслуга этого, выпущенного, увы, таким мизерным тиражом труда?

Во вступительном слове «От редколлегии» указано, что книга венчает внушительную серию работ, появившихся под эгидой Института славяноведения и балканистики РАН, а также Института мировой литературы им. Горького, Института литературы им. Шевченко АН УССР и др. А еще недавно с большим трудом к нашему читателю пробивались работы, представлявшие ту или иную область преследуемой компаративистики. Всего полтора десятка лет тому назад серьезные сложности сопровождали выход в свет книги румынского ученого А. Димы «Принципы сравнительного литературоведения» (переводил и комментировал которую пишуший эти строки). И только потому, что в ней обсуждались такие «вредные», «опасные» идеи, как необходимость создания истории европейских литератур, важность сравнительно-типологических исследований в области психологии творчества, выявление «духовных кланов» писателей различных национальностей (по Сен-Беву) и т. д.

И все же, сказать только, что рецензируемый сборник обозначает некий шаг вперед в области изучения литературных связей, значит сказать о его значении не все. Ибо подлинная суть его, думается, включена в предлагаемых авторами ответах на важнейшие вопросы, которые вытекают из глобального противоречия нашего времени. В ответах, сформулированных на уровне накопленных знаний в области сравнительного литературоведения, и, во многом, на уровне накопившихся запросов культурной жизни.

Общие принципиальные позиции авторов сборника — участников состоявшейся в Москве в

1989 г. международной научной конференции — обстоятельно изложены в ряде статей: ответственного редактора С. В. Никольского — «Интернациональное литературное общение и обмен духовными ценностями», Г. Янашек-Иванчиковой (Польша) — «Роль сравнительных исследований мировой литературы в установлении взаимопонимания между народами», Л. Кишкина — «Межлитературные связи как закономерность литературного развития», А. Липатова — «История литератур и литературные взаимодействия» и др. Четко просматриваются в этих работах функции литературных связей в системе духовного общения народов, роль нашей науки в формировании общественного гуманистического сознания и плюралистического отношения к миру, в выработке общезначимых нравственных, эстетических норм. Особенно важным представляется напоминание С. В. Никольского о необходимости учета диалектической связи между субъектом и объектом восприятия, о важности учета интеракции двух источников энергии.

В названных статьях намечены также и ступени приближения нашей дисциплины к тем высотам общегуманистического сознания, которые столь нужны в нашу переломную эпоху. В 1955, 1959, 1961, 1973, 1976, 1982, 1985, 1989 гг. были проведены крупные встречи компаративистов в самых различных уголках земного шара, способствовавшие освобождению науки от предрассудков западноевропоцентризма, представлений о превосходстве цивилизации белого человека, опережающей роли отдельных культур и т. д.

Немалую роль в утверждении общегуманистических позиций играет глубинное исследование традиций межлитературных связей, рассмотренных авторами труда. Новые, интересные данные содержатся в статье И. Калиганова «Вопросы поэтики древнеболгарской литературы и литературные связи», посвященной связям между литературами «Pax Slavica Orthodoxa» на уровне «искусства композиции», «элементарного дополнения» и поэтической «мозаичности». Роль заимствований в житийной литературе Средневековья — от ссылок до использования целых текстов в качестве строительного материала — тщательно исследована в работе Л. К. Гаврюшиной. Каким образом влияние сонета на духовную песню гуситского периода обусловило появление псевдосонета в древнечешской литературе, читатель узнает из статьи Й. Влашека (Чехия). Трансформация идей в эпоху Просвещения в результате их взаимовлияния (статья Л. Шаргиной-Немети, Венгрия), обусловленность восприятия в Словакии русской романтической баллады (статья Э. Пановой) и русского реализма (статья С. Лесняковой. Словакия)

состоянием словацкой литературы, ее жанровой структурой, ее перегруженностью внеэстетическими задачами, необходимость включения в систему литературных связей понятия эпигонства (статья Д. Прокофьевой), причины обращенности болгарской литературы эпохи Возрождения не к опыту современников, а к образцам, созданным предшественниками и формы «болгаризации» переводимых произведений (статья М. Г. Чемодановой) — таковы некоторые позиции в осмыслении возможностей литературных связей как важнейшего фактора духовного взаимообогащения народов. Анализируемые факты обладают большой убедительностью, многие из них впервые введены в исследовательский оборот.

Опираясь на опыт предшественников, авторы труда обращаются к решению задач, встающих в наши дни перед сравнительным литературоведением. По мнению Д. Дюришина (Словакия), эти задачи сводятся прежде всего к скрупулезному исследованию генетическо-контактной сферы, диалектики межлитературного процесса и межлитературных общностей. Статья Дюришина «Перспективы изучения межлитературного процесса» завершается сводной таблицей, объединяющей многообразие элементов литературного процесса и предлагающей исследователям ценный литературоведческий инструмент.

Читатель найдет в труде и аргументы, с помощью которых можно сегодня противостоять проявляющимся еще в наше время крайним, ошибочным толкованиям сути литературных связей. Одна крайность представлена концепцией «европеизации» литературы — и в статье И. Конева (Болгария) конкретно проиллюстрирована ее несовместимость с теорией межлитературного взаимодействия. Предложенная И. Коневым трактовка «европеизации» как внутреннего процесса усовершенствования и модернизации каждой национальной литературы, которому подвержены даже самые развитые из них, представляется в этой связи весьма плодотворной. Другая крайность сводится к попыткам вывить «опережающую» роль некоторых культур. Ярким примером может служить теория «румынского протокронизма» (статья А. Пфайфер, Германия). Выросшая на волне «национал-социалистических» искажений эпохи Н. Чаушеску, эта теория всячески выпячивала главенствующую роль румынской культуры в Европе на протяжении столетий. Вряд ли верно, однако, считать, как это делает исследовательница, что подобная концепция — чуть ли не естественная реакция на перегибы одного из авторитетных сторонников «европеизации» румынской литературы, критика Э. Ловинеску. Суть в другом — в том духе исключительности, нетерпимости к чужому опыту, ко-

торый насаждался в эпоху Чаушеску, считавшего себя самого неким «протокронистом» в деле построения счастливого коммунистического общества.

Пристальное внимание привлекут, несомненно, и ответы, предлагаемые авторами сборника на вопрос о путях взаимодействия равноуровневых литератур. Причем эта разность рассматривается в самых неожиданных плоскостях — от сопоставления стадий развития целых литератур до анализа соотношений «художник — художник» или «художник — переводчик». Внимание авторов чаще всего обращено на то, что Г. Гачев назвал в своей статье «случаями одностороннего тока, когда одна сторона — донор, другая — восприниматель». Благоговение подобного рода контактов, синтеза разностадиальных концепций убедительно доказана на примере сопоставления творений Пушкина и Славейкова (статья Г. Гачева), Т. Манна и Д. Костоляни, Л. Фейхтвангера и Ж. Морица (статья Е. Масленниковой). Книжки о Тиле Улеишпигеле и «Похождений... плута Совет-Драла» (статья В. Мочаловой) и др. При этом хотелось бы заметить, что в большинстве случаев авторы успешно обходят те подводные рифы, которые подстерегают ученого, оперирующего понятиями «культурная периферия» и «центр», «донор» и «восприниматель» и т. д.

С особой наглядностью это явствует из трудов, посвященных специфике восприятия. В статье В. В. Мочаловой содержатся новые, чрезвычайно выразительные данные — на примере перевода в XVIII в. на русский язык произведений западноевропейской литературы — о последствиях simultанности восприятия ценности европейской литературы всех стадий ее развития, о специфике их переложения на русский язык, о семантической, жанровой и стилистической переориентации текстов, трансформации элементов их структуры, словом, о том, что еще Г. Гуховский называл «повышением эстетической действительности произведений в ее относительности к материалу местного быта».

Не совсем обычный, но глубоко продуманный и аргументированный материал о восприятии переводной литературы предлагает в своем исследовании О. Медведева («Восприятие: статистика и эстетика»). В центре работы — «поэтика восприятия», тот образ читателя, который заложен в самой структуре произведения, читателя, способного «дореализовать» произведение в процессе чтения. Исследовательница отваживается на редкий по возможной его ответственности эксперимент: в статье предложен прогноз читательского отношения к произведениям В. Гомбровича, допускающим множественность интерпретаций, предполагающим максимальную мобилизацию личного опыта читателя, творческий обмен с ним в процессе чтения.

Остается ждать вердикта истории, но, думается, исследовательница в своем прогнозе не ошиблась.

Близка к этой теме и работа У. Махт (Германия), исследующая влияние поэтики самого постоянного и догошного читателя — переводчика — на степень соответствия перевода оригиналу. Эту же линию продолжает и труд Н. Богомоловой, предлагающей глубинный анализ процессов «повторения неповторимого» в ходе переводческого поиска.

Немало добрых слов заслуживают и работы М. Квапила (Чехия) о периодизации развития славянских литератур на фоне общеевропейского

литературного процесса рубежа XIX—XX вв., Г. Андялоши (Венгрия) — об импрессионистской критике в Венгрии начала XX в., З. Зентек (Польша) — о документализме в польской прозе XX в., Н. Осиповой — о новых явлениях в опыте румынских переводчиков русской литературы.

Поздравим авторский коллектив с выходом насыщенной добротным материалом, интересной, поистине необходимой книги.

Фридман М. В.

В издательстве «Наука» вышло в свет подготовленное в Институте славяноведения и балканистики РАН первое в отечественной и зарубежной историографии крупное исследование, посвященное различным проблемам функционирования государства в период социализма, выполненное на материале Чехословакии.

Достоинство рецензируемого труда — комплексный, полидисциплинарный подход Н. В. Коровицкой к изучаемым ею процессам и явлениям общественного развития в 1948—1989 гг. Исследование выполнено на стыке исторической науки с экономикой, социологией, демографией, этнологией, политологией. Это конкретно-историческое исследование, основывающееся на социозмпирических данных, характеризующих динамику различных сфер жизни двух поколений чехов и словаков.

Книга содержит сравнительно-исторический анализ национальных сообществ, различающихся по стартовому уровню развития. Выявление особенностей социалистического типа модернизации, ее периодизация опираются на разработанную автором оригинальную методiku социально-исторического исследования, а также значительно обогащенный, нетрадиционный категориальный аппарат.

В книге Н. В. Коровицкой совершена кардинальная переоценка сложившихся представлений о ходе и итогах так называемого социалистического строительства. Пересмотрено содержание составлявших его основу процессов форсированных индустриализации, коллективизации, культурной революции, а также механизмов и последствий их реализации. Дана новая трактовка содержания социалистического типа урбанизации и демократизации культуры, демографической революции и эмансипации женщины, процесса «выравнивания уровней» национального развития.

Н. В. Коровицкой избран метод исследования общественных трансформаций через изменения в социальном положении и мировоззрении отдельных групп населения — профессиональных, образовательных, горожан и жителей села, мужчин и женщин, старшего и младшего поколений (или поколения форсированной индустриализации и поколения периода «нормализации»). Процесс их смены отражает сущность и смысл самого общественно-исторического процесса. В центре внимания автора — судьбы людей в динамике различных проявлений их жизнедеятельности, от производственной до семейной. Тем самым предпринята попытка — и попытка успешная — раз-

вития нового антропологически ориентированного направления исторической науки.

Работа выполнена на материале страны исходно высокого цивилизационного уровня. Показано, что чешские регионы, развиваясь в контексте западноевропейского типа модернизации, прошли основные этапы процесса к началу XX в. Описанный в работе феномен послесоветской чешской реиндустриализации демонстрирует тесную связь модели «социалистического строительства» с раннеиндустриальным этапом развития современной цивилизации. Вместе с тем показано совершенно новое социальное содержание этого процесса. В работе вскрываются существенные закономерности формирования социалистической системы, поэтому значение результатов исследования выходит за пределы чисто страноведческого анализа.

В научный оборот введено новое понятие — соцмодернизация — как вариант форсированного цивилизационного перехода в государствах тоталитарно-социалистического типа. Преимущественно перераспределительная политика государств этого типа исследована через призму широкого спектра форм и видов социальной мобильности, в динамике. Впервые показана социокультурная специфика двух основных этапов реализации политики КПЧ, разделенных событиями 1968—1969 гг. Этим двум этапам соответствовали две волны соцмодернизации. Главная цель работы заключалась в соотнесении процессов следования советской модели развития ходу общественного прогресса второй половины XX в.

На большом количестве социозмпирических данных впервые показана тесная связь форсированной реорганизации экономики с деформацией социально-демографической структуры, сменой ценностных ориентаций населения. Выявлены очаги локализации всех этих процессов в центрах развития тяжелой промышленности в Чешских землях в годы первых пятилеток, в словацких городских новостройках и крупных селах с преобладанием в последних занятых в индустрии в годы «нормализации». Контроль государства над всеми сферами общественной жизни осуществлялся через изменения структуры и уровня занятости и образования населения. Вызванные этими изменениями крупные социокультурные перемещения рассматриваются в книге как проявления агонии соцмодернизации. Доказана обусловленность интенсивности и вектора перемещений населения колебаниями политического курса государственного руководства.

Н. В. Коровицыной исследованы особенности жизненных путей рабочего класса, крестьянства, интеллигенции при переходе к социально однородному обществу тоталитарного типа. В работе содержится анализ динамики социальных основ господствующего режима на отдельных этапах послевоенной истории. Показаны методы и результаты советизации каждой из общественных групп, многообразные формы их искусственной маргинализации.

Отдельное место в книге занимает изучение судеб женского населения. Выявляется специфика женской эмансипации в условиях социалистического переустройства как способа модернизации общества. Трансформация статуса женщины в системе общественного производства и семейных отношений позволила автору сделать выводы о степени соответствия рассматриваемого варианта развития общества глобальным направлениям социальной эволюции. В работе описан специфический тип смены поколений, характерный для данного общественного строя, тип, тяготеющий к традиционализму.

Н. В. Коровицыной показан процесс ограничения роли отдельных социальных и демографических субъектов исторического процесса, последовательного вытеснения на периферию общественной жизни наиболее развитых и политически активных из них в условиях гипертрофии функ-

ции центральных органов власти. Жертвой социалистического эксперимента стала чехословацкая нация в целом, в особенности ее интеллигенция и квалифицированный рабочий класс. Их глубокая пролетаризация, осуществлявшаяся на протяжении жизни двух поколений чехов, придавала их социокультурному развитию после второй мировой войны преимущественно инволюционный характер.

В рецензируемой работе показан тупиковый характер обоих этапов соцмодернизации в Словакии (как и в соседних с ней странах региона). Пересмотрены существующие представления о хронологии и итогах цивилизационного роста в Словакии, в частности, о соотношении социально-экономических сдвигов в западной и восточной частях страны в годы первых пятилеток.

Общественная система, лежавшая в основании рассмотренного Н. В. Коровицыной типа исторического развития, сделала невозможным завершение соответствующего ему варианта модернизации. Ее социальные катаклизмы стали источником многочисленных происходящих на наших глазах межнациональных конфликтов, в том числе и причиной распада самой чехословацкой федерации.

Латыш М. В.

ВИКТОР ЕВГЕНЬЕВИЧ ГУСЕВ

В мае 1993 г. научная общественность Санкт-Петербурга и Москвы отметила 75-летие со дня рождения В. Е. Гусева, фольклориста, этнографа, искусствоведа, историка культуры. В Санкт-Петербурге состоялась научная конференция, посвященная проблемам истории и современного состояния российской славистики — так коллеги В. Е. Гусева отметили его вклад в разработку этих проблем.

В. Е. Гусев родился 2 мая 1918 г. в Мариуполе. В 1937—1941 гг. учился в МИФЛИ, уже в те годы серьезно занимался вопросами славянской филологии (слушал спецкурс у проф. А. М. Селищева, изучал южнославянские языки под руководством проф. С. Б. Бернштейна и других, слушал курс славянского фольклора у проф. П. Г. Богатырева). В. Е. Гусев принадлежит к тому поколению, чей путь в науку был прерван войной и возобновился после ее победного завершения. Однако он успел накануне войны принять участие в фольклорной экспедиции (сборник «Тамбовский фольклор», вышедший в 1941 г., явился первой публикацией молодого ученого) (библиографию работ В. Е. Гусева см. [1] (258 названий), [2], дополнительно список работ за 1982—1993 гг. публикуется в очередном томе ежегодника «Русский фольклор»). Уже к середине 50-х годов В. Е. Гусев, работая в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, входит в число ведущих фольклористов страны. Его книги 60-х годов, посвященные общим вопросам теории фольклора и истории фольклористики, отмечены широтой взглядов, стремлением освободиться от стереотипов, осмыслить фольклор в его многосторонних связях с культурой (Проблема фольклора в истории эстетики, 1963; Эстетика фольклора, 1967, где представлен и фольклор славянский). В эти же годы в круг занятий В. Е. Гусева прочно входит славистическая фольклористика. Начиная с 1958 г. он становится непременным участником международных съездов славистов. С 1964 по 1987 гг. В. Е. Гу-

сев систематически участвует в ежегодных конгрессах фольклористов Югославии, которые выбирают его членом своего союза; он также активный участник многих международных и национальных славистических конференций в Болгарии, Польше, Чехословакии, Украине, Белоруссии. Последние годы В. Е. Гусев возглавляет Комиссию по славянскому фольклору при Международном комитете славистов. По инициативе В. Е. Гусева создавался ряд серийных изданий и научных сборников по проблемам славянского фольклора, проводились научные конференции и симпозиумы.

Главными темами его изысканий были и остаются славянский фольклор второй мировой войны, история славянской фольклористики, народный театр у славян от его истоков до нашего времени, обрядовый фольклор. При этом в поле внимания исследователя входят материалы всех без исключения славянских народов. Тема военного фольклора славян получила выражение в монографии «Славянские партизанские песни» (Л., 1979), в ряде докладов, в многочисленных статьях и публикациях. Благодаря усилиям В. Е. Гусева драгоценный исторический и художественный пласт народной славянской культуры военных лет был сохранен, опубликован и подвергнут глубокому историко-фольклорному и теоретическому осмыслению.

В. Е. Гусеву принадлежит заслуга во многом нового прочтения научного наследия А. Н. Веселовского в области фольклора, существенный вклад он внес в изучение связей русской фольклористики с наукой славянских стран (работы о Вуке Караджиче, О. Кольберге, И. Франко, П. Г. Богатыреве и др.).

В. Е. Гусев плодотворно разрабатывает проблемы народного театра. Его монографии, обращены к русскому материалу (Истоки русского народного театра, 1977; Русский фольклорный театр XVII — начала XX в., 1980) включают принципиально новый подход к проблемам фольклорной

культуры, ее происхождения и развития. Ряд исследований В. Е. Гусев посвятил славянскому фольклорному театру в целом и вопросам взаимосвязей народной театральной культуры славянских народов.

В течение многих лет В. Е. Гусев занимается разработкой идей комплексного изучения фольклора. В основе этой его работы лежит убеждение в синкретическом характере фольклора как искусства, в его функциональной (полифункциональной) природе, в теснейших связях с внехудожественными сферами жизни. Эти же идеи получили конкретное воплощение в работах В. Е. Гусева по обрядовой народной поэзии славян.

Заметное место в славистических исследованиях В. Е. Гусева нашли проблемы фольклоризма, т. е. различных форм современной адаптации

фольклора в культуре и использования фольклора средствами профессионального искусства.

Стереотипная формула об ученом, встречающем свой юбилей полным творческих сил, новых идей, может быть отнесена к В. Е. Гусеву безо всяких оговорок. Коллеги, друзья, ученики и единомышленники, поздравляя В. Е. Гусева с юбилеем, желают ему здоровья и ждут новых книг, статей, выступлений, научных инициатив.

Путилов Б. Н.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виктор Евгеньевич Гусев. Библиографический указатель научных трудов (1941—1981). Л., 1984.
2. Этнографическое обозрение. 1993. № 3.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

- Андреева-Попова Н.* Асен Разцветников и немската поезия. София, 1992. 343 с.
Антологија српске прозе постмодерног доба/Приред. Јерков А., Београд, 1992. 464 с.
Балканские исследования. М., 1992. Вып. 14.
Беновска-Събкова М. Змеят в българския фолклор. София, 1992. 167 с.
Бешевице В. Първо-български надписи. 2-е изд. доп. и прераб. София, 1992. 269 с.
Бојовић Ј. Р. Усвајање текста општег имовинског законика за кња ажевину Црну Гору. Београд, 1992. 202 С. Ил.
Българска литературна класика/Подбор и ред.: Сарандев И., Пловдив, 1992. 211 с.
Велшкова С. Тенденции в езиковата политика на Република Македонија. София, 1992. 204 с.
Вук-Ана: Преписка/Приред. Добрашиновић Г. Нови Сад, 1992. 221 с.
Добрев П. Каменната книга на Прабългарите. София, 1992. 160 с.
Иванов М. Страници за българското масонство. София, 1992. 101 с. Ил.
Игов С. Иво Андрич: Творческо развитие и художествена структура. София, 1992. 298 с.
История мировой славистики: Указ. лит. М., 1992. 243 с.
Клајн И. Речник нових речи. Нови Сад., 1992. 379 с.
Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней/Отв. ред. Арш Г. Л. М., 1992. 511 с. Ил.
Краткая история Польши: С древнейших времен до наших дней/Отв. ред. Дьяков В. А. М., 1993. 528 с.
Къорчев Д. Студии, статии, есета. София, 1992. 550 с.
Македонија во делата на странските патописци/Гл. уред. Павловски Б. Скопје, 1991. Т. 1: 1371—1777. 878 С. Ил.; Т. 2. 1778—1826. 831 с. Ил.
Македонија во делата на странските патописци/Гл. уред. Павловски Б. Скопје, 1992. Т. 3. 1827—1849. 747 С. Ил.; Т. 4. 1850—1864. 713 с. Ил.
Невская Л. Г. Балто-славянское причитание: Реконструкция семант. структуры. М., 1993. 239 с.
Олег Николаевич Трубачев/Сост. Шутько Л. В. М., 1992. 69 С.
Россия и славяне: политика и дипломатия. Материалы междунар. науч. конф. «Россия и славяне XVIII в.—1918 г.». М., 1992. 224 с.
Славистические исследования. Докл. к XI Междунар. съезду славистов (Братислава, 30 VIII — 8 XI 1993 г.)/Отв. ред. Хорев В. А. М., 1992. 153 с.
Славяне и их соседи. Еврейск. население Центр., Вост. и Юго-Вост. Европы: сред. века — начало нового времени. Сб. тезисов XII Чтений памяти В. Д. Королюка. М., 1993. 109 С.
Софронова Л. А. Польская романтическая драма: Мицкевич, Красинский, Словацкий. М., 1992. 349 С.
Старо-българска литература: Енциклопедичен речник/Съст. Петканова Д. София, 1992. 519 С.
Тодоров В. Чешкият сюжет: Чехия и чехите в бълг. литература. София, 1992. 165 С.
Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990—1992). Современ. история Югославии в документах/Отв. ред. Гуськова Е. Ю. М., 1992. Т. 1. 371 С.
Яворов сборник. Исследования и материалы. Велико Търново, б. г. 360 С.
Veřka J. V. Ceska stylistika. Praha, 1992, 467 S.
Halada J. Lexikon české šlechty: Erby, fakta, osobnosti, sídla a zajímavosti. Praha, 1992, 198 S.
Miklošičev zbornik/Ured. Toporšič J. et al. Ljubljana, 1992. T. IV. 638 S.
Nowe problemy metodologiczne literaturoznawstwa/Pod red. Markiewicz H., Sławińskiego J. Kraków, 1992, 367 S.

- Problemy teoretyczne związków literatur i sztuk orientu i zachodu/Pod red. Cieślukowskiej T. Kraków, 1992, 267 S.
- Sławomirski J.* Origins of the doubled complement construction in the I. E. languages of Europe. Kraków, 1992, 141 P.
- Studia Gallo-Polonica/Pod red. Zgórniaka M. Warszawa; Kraków, 1992. T. 2. 164 S.
- Studia Germano-Polonica/Pod red. Baczkowskiego K. et al. Kraków, 1992. T. 1. 237 S.
- Studia z dialektologii polskiej i słowiańskiej/Pod red. Borysia W., Sędzika W. Warszawa, 1992, 273 S. II.
- Synchroniczne badania porównawcze systemów gramatycznych języków słowiańskich: Zbiór studiów/Pod red. Grek-Pabisowej I., Smirnowa L. N. Warszawa, 1992, 179 S.
- Szulowska W.* Imiennictwo dawnej ziemi halickiej i lwowskiej. Warszawa, 1992, 87 S.
- Wojtyła-Swierzowska M.* Prasłowiańskie abstractum. Słowotwórstwo. Semantyka. Warszawa, 1992, 185 S.
- XXVIII seminar slowenskega jezika, literature in kulture: Zbornik predavanj. Ljubljana, 1992, 215 S. II.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Gibianskij L. Ja.</i> Reports of the Yugoslavian ambassador in Moscow on the opinion of the leaders of the USSR about the Conference in Potsdam and the situation in Eastern Europe (1945, August—November)	3
<i>Malievska E.</i> «Doctor Zhivago» by Pasternak as a problem of translation	14
<i>Iljushin A. A.</i> Minus-device in versification (concerning the problem of versesouttaking)	21
<i>Krys'ko V. B.</i> Category of animation in the dialect of ancient Novgorod (continuation)	31
<i>Mitrinovich V.</i> Functioning of verba movendi with prefixes do- and pri- in Russian as confronted with the equivalent prefixal verbs in Polish and Serbo—Croatian	41
<i>Izotov A. I.</i> System of full participles in Modern Czech as confronted with Russian	50

COMMUNICATION

<i>Ziffer G.</i> New data on tradition and text of the complete description of Konstantin's life	60
<i>Djakov V. A.</i> «Knjazhna Tarakanova». According to the half-forgotten contemporary records	67
<i>Gusev V. E.</i> Contribution by Oscar Kolberg in the appreciation of the modern science	76
<i>Bernshitejn S. B.</i> From my Bulgarian archives	80

MATERIALS TO THE MANUAL OF CHURCH-SLAVIC

<i>Sedakova O. A.</i> Church-Slavic-Russian paronyms (to be continued)	83
--	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Meljnikov G. P.</i> The movement of the adherens of Jan Gus in contemporary appreciation. Sources and materials for practical lessons	104
<i>Frejdenberg M. M. J.</i> Džambo. Die Franziskaner im mittelalterlichen Bosnien	105
<i>Moroz A. B. O. O.</i> Микитенко. Сербські голосіння. Поетичний та історико-географічний аналіз	107
<i>Vasilenko V. N. J.</i> Świdziński. Adam Mickiewicz w opiniach rosyjskich i radzieckich	110
<i>Bogomolova N. A., Usacheva V. V. L. A. Sofronova.</i> Polish romantic drama Mickiewics. Krasinski. Slovacki	112
<i>Shindin S. G. N.</i> Gumil'jov and Russian Parnassus (Materials of the scientific Conference, Sept. 17—19, 1991)	115
<i>Fridman M. V.</i> Functions of the literary connection. On the material of Slavic and Balkan literatures	118

SCIENTIFIC LIFE

<i>Putilov B. N.</i> Viktor Evgenjevich Gusev	124
The new books	126

Технический редактор *В. М. Пахомова*

Сдано в набор 12.10.93	Подписано к печати 03.12.93	Формат бумаги 70×100 ¹ / ₁₆
Офсетная печать	Усл. печ. л. 10,4	Уч.-изд. л. 12,9
	Усл. кр.-отт. 10,9 тыс.	Бум. л. 4,0
	Тираж 1024 экз.	Заказ 403
		Цена 80 р.

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а Телефон 938-01-20
Московская типография № 2 ВО «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

